МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Забайкальский государственный университет»
(ФГБОУ ВПО «ЗабГУ»)

ВЕСТНИК

ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА № 11 (90)

TRANSBAIKAL STATE UNIVERSITY JOURNAL

Чита 2012

Основан в 1995 г.

Учредитель:
Забайкальский государственный университет

Журнал зарегистрирован как СМИ 17.04.2012, регистрационный номер ПИ № ФС 77-49419

Журнал участвует в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)

Периодичность издания: 12 номеров в год

Журнал «Вестник Забайкальского государственного университета» до № 8 (87) 2012 г. выходил под названием «Вестник Читинского государственного университета»

Журнал рекомендован ВАК РФ для публикации результатов исследований на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

Подписку на журнал «Вестник ЗабГУ» можно оформить в любом почтовом отделении. Подписной индекс по федеральному почтовому Объединенному каталогу Пресса России и интернет-каталогу «Российская периодика»
www.arpk.org: 82102.
Подписка осуществляется и через редакцию. Также журнал можно приобрести в розницу. Цена 250 руб.

Тел.: +7 (3022) 41-67-18
E-mail: rik-romanova-chita@mail.ru
Web**: www.journal.zabgu.ru**

Все материалы, опубликованные в научном журнале «Вестник ЗабГУ», являются авторскими и защищены авторскими правами. Перевод материалов и их переиздание в любой форме, включая электронную, возможны только с письменного разрешения редакционной коллегии.
Вопросы, касающиеся использования материалов журнала, направляйте главному редактору по электронной почте либо по почтовому адресу: 672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30, редакция журнала «Вестник ЗабГУ»

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.
Качество иллюстраций соответствует качеству представленных оригиналов

ISSN 2227-9245

Вестник ЗабГУ
теоретический и научно-практический журнал

Редакционная коллегия

Иванов С.А. – гл. редактор, канд. техн. наук, профессор, ректор ЗабГУ;
Малышев Е.А. – зам. гл. редактора, канд. техн. наук, доцент, проректор по научной и инновационной работе ЗабГУ;
Романова Н.П. – научный редактор, д-р социол. наук, профессор;
Рыжкова А.А. – литературный редактор;
Петрова И.В. – технический редактор.

Редакционный совет

Председатель редакционного совета: С.А. Иванов, канд. техн. наук, профессор, ректор Забайкальского государственного университета.

Члены редакционного совета: Н.А. Абрамова, д-р филос. наук, профессор (Чита), С.Я. Березин, д-р техн. наук, профессор (Чита), И.В. Бычков, д-р техн. наук, профессор (Иркутск), Е.Т. Воронов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Чита), И.П. Глазырина, д-р эконом. наук, профессор (Чита), К.И. Карасев, д-р техн. наук, профессор (Чита), Е.А. Кудряшов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (Курск), В.И. Летунов, канд. техн. наук, профессор (Чита), Л.М. Любимова, канд. филол. наук, доцент (Чита), А.В. Макаров, д-р юрид. наук, доцент (Чита), Мошкина З.В., д-р истор. наук, профессор (Чита), В.Н. Опарин, д-р физ.-мат. наук, профессор, член-корр. РАН (Новосибирск), И.И. Осинский, д-р филос. наук, профессор (Улан-Удэ), Ю.В. Павленко, д-р геол.-минер. наук, профессор (Чита), А.Б. Птицын, д-р техн. наук, профессор (Чита), Н.П. Романова, д-р социол. наук, профессор (Чита), Г.В. Секисов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, член-корр. Национальной Академии наук Киргизии (Хабаровск), В.А. Стетюха, д-р техн. наук, доцент (Чита), И.Ф. Суворов, д-р техн. наук, профессор (Чита), М.Л. Титаренко, д-р филос. наук, профессор, академик РАН (Москва), М.Н. Фомина, д-р филос. наук, профессор (Чита), И.И. Швецова, канд. физ.-мат. наук, доцент (Чита), К.Г. Эрдынеева, д-р пед. наук, профессор (Чита).

Ответственный за выпуск Н.П. Романова, д-р социол. наук, профессор.

Утверждено и рекомендовано к изданию решением редакционно-издательского совета ЗабГУ.

Вестник Забайкальского государственного университета (Вестник ЗабГУ) № 11 (90). – Чита: ЗабГУ, 2012. – 148 с.
Transbaikal State University Journal. № 11 (90). – Transbaikal St. Univ. Pr. 2012.

© Забайкальский государственный университет, 2012

Исторические науки

УДК 94(47).045

Эйльбарт Наталья Владимировна
Nataliya Eylbart

ЛЖЕДМИТРИЙ II: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ГИБЕЛЬ. СВИДЕТЕЛЬСТВА ПОЛЬСКИХ ДОКУМЕНТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ШВЕЦИИ

THE FALSE DMITRI II: THE ORIGIN AND THE DEATH. EVIDENCE OF POLISH DOCUMENTS OF RIKSARKIVET

Рассматриваются вопросы происхождения Лжедмитрия II, а также его поддержки со стороны польско-литовского окружения. На основании обнаруженных автором документов, находящихся в фондах Государственного архива Швеции, переписки короля Сигизмунда III и канцлера Л. Гембицкого, а также писем королевского секретаря ксендза Якуба Задзика, реконструирована политическая интрига, приведшая к гибели второго Дмитрия Самозванца. Автор полагает, что конфронтация двух претендентов на русскую корону – Сигизмунда III и Лжедмитрия II способствовала тому, что польско-литовская интервенция в Московское государство не достигла своих желаемых целей

Ключевые слова: *Лжедмитрий II, Речь Посполитая, Московское государство, Сигизмунд III, Марина Мнишек, Василий Шуйский, тушинский лагерь, Государственный архив Швеции*

The article describes the questions of the False Dmitri II origin, and his support from the Polish-Lithuanian environment. Based on the documents from the State Archives of Sweden (Riksarkivet) (discovered by the author), the correspondence of King Sigismund III with chancellor L. Gembitski, and the letters of the Royal Secretary JakubZadzik, we reconstructed the political intrigue, which led to the death of the second False Dmitri. The author believes that the confrontation between the two contenders for the Russin crown – Sigismund III and False Dmitry II contributed, that the Polish-Lithuanian intervention in to the Muscovite state did not achieve their desired goals

Key words: *the False Dmitri II, Polish-Lithuanian Commonwealth, Muscovite state, the Sigismund III, Marina Mnishek, Vasily Shuisky, Tushino camp, Riksarkivett*

Российский самозванец, вошедший в историю под именем Лжедмитрия II, Тушинского или Калужского вора, получил поддержку в Речи Посполитой несравнимо значительнее, нежели его предшественник Лжедмитрий I, что нашло отражение в немалом количестве польских документов Государственного архива Швеции, относящихся к этому периоду. Изученные нами частные письма, дневники и документы говорят о том, что сравнительно легкий успех Лжедмитрия I, желание отомстить за убитых в Москве родственников и друзей, а также чувство оскорбленного самолюбия и жажда власти и обогащения привлекли под знамена Тушинского вора новых польских и литовских сторонников. Тут уже и люди, имевшие отношение к окружению первого самозванца, действовали активно и быстро, дабы воскресить Дмитрия, начав распространять слухи о его «чудесном спасении» чуть ли не через несколько дней после убийства Лжедмитрия I [15]. Сначала лояльность по отношению ко второму самозванцу находил для себя выгодной и польский король Сигизмунд III, пока лабиринты

русской политики не привели его к тому, чтобы отдать приказ об убийстве мешавшего ему соперника.

До сей поры неразрешенный вопрос – личность Лжедмитрия II. Мы не будем приводить здесь известные в исторической науке версии его происхождения, проанализируем только ту информацию, которая была почерпнута в польских документах Государственного архива Швеции. В частном письме королевского дворянина Станислава Домарайтовского к ксендзу Иерониму Телецкому, влиятельному канцлеру двора королевы Констанции Австриячки, второй супруги Сигизмунда III, мы находим строки, посвященные бегству Марины Мнишек из Тушинского лагеря к Лжедмитрию II в Калугу в феврале 1610 г. Домарайтовский насмешливо сообщает: «Его королевскому величеству принесли новость, что «пресветлая царица» воротилась к своему «талмуду»: одевшись по-казацки, с двумя [слугами], она уехала к наимилейшему супругу» [1]. Таким образом в королевском окружении утвердилась версия еврейского происхождения Тушинского вора. На данном основании мы придерживаемся мнения, что это был выкрест из евреев, ранее входивший в окружение первого самозванца и находившийся в курсе его дел. Должно быть он длительное время провел в России, поскольку прекрасно ориентировался в перипетиях московской политики и борьбе боярских группировок. В то же время его сохранившиеся письма к Марине Мнишек на польском языке выдают в нем человека малообразованного, довольно низкой социальной принадлежности, заискивающего перед знатной женщиной, от благосклонности которой он всецело зависел.

Слухи о чудесном спасении Лжедмитрия I кружили над Европой более года, прежде чем «воплотились» в конкретную личность, объявившуюся в белорусском Пропойске. Приближенный к семье Мнишек, личный врач сандомирского воеводы Юрия Мнишка Себастьян Петрици, разделивший со своим патроном и его дочерью Мариной московский плен, писал: «Часто приходило известие, что Дмитрий, царь московский, жив, вырвался из рук своих изменников, но мы считали это невозможным. Однако поскольку сие известие ежедневно приходило вновь, а человек легко верит в то, что был бы рад увидеть, я также с радостью ухватился за эту мысль» [17]. Похоже, что люди из польского окружения Лжедмитрия I, а также их родственники и друзья, желали взять реванш над «узурпатором» Василием Шуйским уже в течение нескольких месяцев после падения первого самозванца, и легче всего это было сделать при помощи вооруженных сил, собравшихся в Польше на Сандомирский рокош. Примечательно, что среди рокошан было немало родственников и друзей семьи Мнишек, один из лидеров конфедератов Станислав Стадницкий доводился двоюродным братом матери Марины, а кузен самого пана Юрия Мнишка кардинал Бернард Мациевский, по свидетельству современника событий Станислава Любенского, являлся их сторонником, хотя внешне блестяще играл роль пастыря, желающего примирить два враждебных лагеря [16]. Итак, вполне логичным выглядит то, что люди, близкие к семье Мнишек, практически сразу после убийства Лжедмитрия I начинают не только распространять в Речи Посполитой слухи о его спасении, но и делать попытки вербовать войско для его поддержки. Уже в конце июля – начале августа 1606 г. рокошане получают известие, записанное неизвестным автором в дневнике: «... Царь, ожив, как можно скорее спешит на рокош, где желает просить их милостей господ сенаторов, будущих там на то время, чтобы все со своими войсками [двинулись] к Москве [и] помогли отомстить за его обиды, обещая им определенные кондиции» [2]. Современник событий Станислав Кобежицкий утверждал, что в последующем приближенным и доверенным лицом при втором самозванце был Стефан Казимирский, посланный главой рокошан, краковским воеводой Николаем Зебжидовским, и служивший интересам «царика» даже тогда, когда с приходом в Россию Сигизмунда III тушинский лагерь стал распадаться и претендент убежал в Калугу. Краковский воевода и самолично ак-

тивно действовал в поддержку Лжедмитрия II и его дела даже после решения польского короля начать московский поход, как об этом свидетельствует письмо тушинского гетмана Романа Рожинского полковнику Александру Зборовскому: «... Нас сильно защищал пан [воевода] краковский и все доказал, после чего те, кто хотел идти против нас, идут к нам» [3]. Таким образом, нам представляется логичным утверждать, что, во-первых, Тушинский вор в значительной мере был делом «польских рук» (в отличие от своего предшественника – порождения боярской оппозиции), во-вторых рокошане, видимо, не исключали, что он со временем может стать их орудием против короля или, по крайней мере, воспрепятствует его усилению за счет Московского государства, поэтому поддерживали самозванца на протяжении всей политической биографии. Нам думается, что после подавления Сандомирского рокоша Сигизмунд III видел определенный резон в том, чтобы буйные толпы шляхты, жаждущие крови и наживы, покинули пределы Речи Посполитой и до поры до времени ослабляли силы царя Василия Шуйского под флагом самозванца. В свете сказанного выглядит весьма правдоподобным утверждение «Дневника» Яна Петра Сапеги о том, что этот искатель приключений привел свои инфляндские отряды к Тушинскому вору с согласия Сигизмунда III [4].

Весьма важный аспект в истории второго Лжедмитрия – его взаимоотношения с польским королем Сигизмундом III, которые за три года существования этого самозванца на политической арене претерпели кардинальные изменения. Мы отметили, что сначала король видел в нем то орудие, которое ослабит Шуйского и отвлечет буйных конфедератов от внутренних польских дел. После вступления коронных войск в Россию, по совету своего не вполне дальновидного окружения, Сигизмунд III попытался перетянуть тушинских поляков на свою сторону, но сам не исключал возможности полюбовно договориться с самозванцем. Об этом свидетельствует его письмо к послам, отправленным им в Тушино в ноябре 1609 г., где, в частности, сказано: «В конце концов, тот ли это Дмитрий, который счастьем наших людей сел на государство и с нашего позволения женился на дочери вельможного сандомирского воеводы [или нет]: мы позволяем вашим милостям об этом серьезно узнать и от нашего имени его приветствовать, дать нам знать [о том] как можно скорее. И если бы он первый хотел сноситься с нами о своих делах, мы не против этого и не будем винить ваши милости, если спросите его о делах и успехах» [5]. Как известно, 1609 г. бы для тушинцев весьма тревожным, с одной стороны, они в беспокойстве ожидали прихода в Россию польского короля и опасались, чтобы он не отобрал у них плоды их прошлых побед, а с другой – смертельно боялись российско-шведских отрядов Я.П. Делагарди и М.В. Скопина-Шуйского, разгромивших летом 1609 г. тушинского полковника Александра Зборовского. Ксендз И. Телецкий насмешливо констатировал по поводу сложившейся ситуации в частном письме к королевскому секретарю Кристофу Дечеку: «Наши господа «дмитряне» тревожатся, как им действовать дальше, золото многое бы там сделало и уладило бы все, а этот разгром пана Зборовского на руку его королевскому величеству. Пан воевода сандомирский бушует по-старому, он посылает своего сына к пану Дмитрию с [отрядом] в 600 гусар и 100 [человек] пехоты, но мне кажется, наши его удивят» [6]. Оказавшись фактически в ловушке, тушинцы в подавляющем большинстве предпочитают договориться со своим королем, неприятно «удивив» этим как самого претендента, так и семью Мнишек.

Похоже, что с самого начала тушинские поляки были уверены в том, что Сигизмунду нужны не столько Смоленск и Северская земля, как он публично заявлял в начале московского похода, «несправедливо отторгнутые от Речи Посполитой», а ни много ни мало – российская корона. Тушинские послы открыто заявляют государю в ноябре 1609 г., что желают, дабы «сия московская монархия, соединившись с нашей отчизной, сильнее давала отпор и

сопротивление всякому неприятелю» [7]. Таким образом, подразумевалось, что поскольку двух царей в Московском государстве быть не могло, их «царек» уступит королю это право. Итак, сдавшись на милость короля, самозванец в лучшем случае мог бы рассчитывать на княжество на территории Московского государства или польское староство, но он предпочел столь непримиримую конфронтацию, что заслужил у С. Кобежицкого прозвище «безумного правителя». Однако от распада Тушинского лагеря и до свержения Шуйского Сигизмунд, кажется, не видел большой опасности в деятельности теперь уже Калужского вора, отвлекавшего на себя силы царя Василия и таким образом способствовавшего целям польского короля. Он также опасался, что в случае падения «вора» бывшие при нем русские перейдут к Шуйскому и тем его усилят. Однако ситуация в корне меняется летом 1610 г., когда Шуйский низложен, войско коронного гетмана Станислава Жолкевского занимает Москву, а сам гетман по предложению думных бояр соглашается присягнуть на кондициях избрания сына Сигизмунда, королевича Владислава, на российский трон. Московские думные бояре заинтересованы в мире и покое, им также уже не нужен самозванец с его буйными казацкими шайками, и они первые предлагают в целом нерешительному Сигизмунду III выход: убийство, на которое король хоть и не сразу, но соглашается.

Польский король Сигизмунд III не был абсолютным монархом, он постоянно должен был опасаться своих своевольных подданных, лавировать между интересами многочисленных придворных группировок, рискуя лишиться польской короны также, как он потерял шведскую. Будучи по складу характера человеком довольно медлительным и упрямым, обладающим «северным» темпераментом, Сигизмунд Ваза плохо справлялся с задачей управления своими своенравными славянскими подданными. Так же медлительно и неуверенно он начинает московскую кампанию, заручившись поддержкой узкого круга придворной аристократии. И даже тогда, когда ему начинает очень мешать Калужский вор, зная о его влиятельных друзьях в Польше (по совместительству своих врагах), король не делает никаких решительных шагов по его устранению. Все меняется лишь тогда, когда с таковой инициативой перед королем выступают московские думные бояре; Сигизмунд еще медлит, но, в конце концов, отдает подобный приказ. В Государственном архиве Швеции сохранилось несколько документов, проливающих свет на события, остававшиеся белым пятном в истории Смуты в течение четырех веков. Итак, постараемся на их основании последовательно реконструировать политическую интригу, приведшую к гибели Лжедмитрия II.

18 декабря 1610 г. к осаждавшему Смоленск Сигизмунду III приходит письмо от начальника польского гарнизона в Москве Александра Гонсевского, содержание которого бывший в королевском лагере секретарь ксендз Якуб Задзик передает следующим образом: «Думные бояре постоянно просят о том, чтобы этой зимой его королевское величество положил конец этим делам и успокоил государство, дабы о сем можно было сообщить ближайшим государям и они более не присылали сюда своих людей; и если он этого не сделает, нужно весной ожидать новую войну... Об обманщике он пишет, что [тот] не бездействует с людьми, которых имеет; города, кои держатся его, укрепляет и помощью, а когда может, и быстрыми сражениями. Те же [города], что присоединились к столице, сжигает, а другие, где меньшая сила, берет. Засим [Гонсевский] просит от имени бояр, чтобы его королевское величество незамедлительно о нем подумал, пока он не убежал дальше к ордам, либо не закрепился лучше» [8]. Многие современники, в их числе, например, немец К. Буссов, упоминали о планах Калужского вора удалиться с Мариной в Астрахань, так что королю действительно стоило «подумать о самозванце», как изволил выразиться пан Гонсевский.

Собственно, письмо А. Гонсевского только подтверждало то, о чем Сигизмунд III знал ранее и против чего уже на тот момент предпринял меры. О своих планах от-

носительно самозванца он пишет канцлеру Лаврентию Гембицкому 12 декабря 1610 г. следующее: «Придется нам... задержаться, а особенно ввиду того человека, который снова в Калуге собирает свои силы как может, и наверняка после отхода [нашего] сильнее бы поднял свой мятеж и поднявши упадшее счастье вновь бы мог учинить еще бóльшую смуту. Потому что хотя люди наши, кои в полку благородного Яна Петра Сапеги были при нем (чьих послов сейчас от себя отправляем), переходят к нам и по определенному договору обещают идти под наши хоругви; однако донцы, татары, москвитяне всё прибывают к нему. Посему нам прежде всего придется подумать о нем, чтобы его или взять в плен, или de facto убить» [9]. «Взять в плен» или «в самом деле убить» Калужского вора, король, похоже, окончательно решает в момент диктования своего письма канцлеру Гембицкому, когда к нему прибывает гонец от московских думных бояр в лице князя В.М. Масальского. В записке, вложенной в вышеприведенное письмо, Сигизмунд сообщает: «Московские бояре прислали князя Масальского наперед сказать о новости, что в столице доподлинно открылась измена среди бояр в достоверных действиях [в пользу] того самозванца, что вымыслил [себе] имя и личность Дмитрия. После этого они желают от нас того, чтобы мы, под предлогом похода против него, особой своей устремились к Можайску, где задумали нас приветствовать и приглашать к себе в столицу. Надо всем этим еще надлежит подумать, пока Господь Бог не покажет какого-нибудь способа спасения нуждающегося и голодного солдата, как того, что в столице, так и того, что находится при нас»[9]. Таким образом, вечное безденежье польского короля делало проблематичным его продвижение к Можайску по просьбе думных бояр, в условиях суровой зимы и бескормицы, только ради того, чтобы попугать самозванца. И Сигизмунд III решает в пользу физического устранения Калужского вора, сделав это при помощи татар.

Известно, что после ухода большей части тушинских поляков к королю под Смоленск, Лжедмитрий II полякам не доверял и не подпускал их близко к своей особе. Однако, собираясь податься в Астрахань, он особенно жаловал татар и похоже связывал с ними планы на будущее. Но многие татары в действительности благоволили к Сигизмунду: еще во время отправки в Тушино своего посольства в ноябре 1609 г. король упоминал о тушинских татарах, «о благосклонности которых к нам дают нам знать» [5]. Выясняется, что верхушка татарской аристократии была тесно связана с королевским окружением, например, в письме С. Домарайтовского Л. Гембицкому упоминается, что касимовский царь Ураз-Махмед был побратимом близкого советника Сигизмунда III в московском походе князя Кристофа Збаражского [1]. Поэтому вполне объяснимым выглядит королевское решение использовать для такового «заказного убийства» именно татарина, врага самозванца Петра Урусова.

Повеление, отданное Сигизмундом III 12 декабря, было исполнено 21 декабря 1610 г. Думается, что узнав об убийстве супруга, Марина Мнишек понимала, по чьему приказу оно сделано, поэтому, по свидетельству неизвестного польского современника, в отчаянии «рвала на себе волосы и кричала, чтобы ее тоже убили» [10] . Кажется, ее слова были обращены к вполне конкретному лицу. Здесь возникает вопрос, что заставило Сигизмунда III оставить в живых Марину. На наш взгляд, вряд ли это было благородством венценосного рыцаря по отношению к знатной даме. Скорее всего, с одной стороны, король опасался мести семьи Марины, а с другой – надеялся, что после убийства супруга от нее этой же зимой избавятся сами москвитяне. По свидетельству вышеупомянутого королевского секретаря ксендза Якуба Задзика, полковник Николай Струсь писал королю в феврале 1611 г.: «Царица в Калуге слегла, того сына, коего имеет, отдала боярам, дабы они его окрестили в свою веру и воспитали как государя и дедича... Вскоре этому наследнику быть подо льдом, а возможно [с ним] и матери» [11]. Похоже, для королевского окружения стало в диковинку то, что Марина не только выжила, но и оказалась

способной еще несколько лет бороться за московский престол.

Итак, новый 1611 г. в королевском лагере под Смоленском встречали с радостной новостью о смерти калужского самозванца. Тот же ксендз Задзик восторженно сообщает канцлеру Гембицкому 1 января 1611 г.: «В новом году… посылаю вашей милости… ожидаемую новость. Убит калужский Дмитрий, как мы все ожидали, и убит ужасно, и к тому же язычниками, как великий богохульник» [12]. Однако, как показали последующие события, убрав соперника, Сигизмунд III не только не получил политических дивидендов, но еще больше осложнил этим свою московскую кампанию. Уже 8 января 1611 г. Задзик писал по этому поводу Гембицкому: «Мы надеялись на дальнейшее счастливое развитие наших дел после удачного наступления нового года, который начался со смерти Дмитрия, … но Господь Бог не дал в том удачи» [13]. В начале января 1611 г. А. Гонсевский шлет королю письмо, где приводит слова патриарха Гермогена, сказанные им о поляках: «Теперь мы легко можем уничтожить этих язычников и разбойников, когда в нас будет согласие, уже остался только один в [нашей] земле неприятель» [13]. Более того, постфактум королю становится известно, что «перед смертью Дмитрия у него был посланец от патриарха, [прося] дабы [тот] пришел к Москве, желая ему ее открыть, и он бы это исполнил, если бы не помешала смерть» [13]. Ненависть русского православного духовенства к католическому королю была столь велика, что после устранения Лжедмитрия II эта неприязнь к Сигизмунду с его стороны только возросла. Против польского короля объединяются теперь значительные силы под предводительством Прокопия Ляпунова, куда входит и часть враждебного полякам окружения покойного «вора», рязанского воеводу поддерживает и Гермоген. Об отрядах Ляпунова Сигизмунд самоуверенно пишет Гембицкому как «о последней силе здешних изменников» [14]. Возможно, он действительно не понимал сложившейся ситуации и полагался на заверения думных бояр, убеждавших его в своем верноподданстве и согласии на то, чтобы сам король, а не его сын Владислав занял русский престол. Таким образом, можно заключить, что несмотря на кажущуюся верность решения польского короля о физическом устранении с политической сцены Лжедмитрия II, «лабиринты русской политики» в очередной раз вывели Сигизмунда III и его советников совершенно в другую сторону, оно не только не «улучшило московских дел», но еще более их осложнило. Думается, что если бы «царик», равно как и польский король, придерживались более гибкой политики по отношению друг к другу, их совместный успех в Московском государстве был бы куда более вероятен, однако политическая близорукость обоих соперников и их окружения свела на нет честолюбивые замыслы обоих претендентов на русский трон.

В заключение предлагаем читателю выполненный нами перевод с польского двух документов, касающихся смерти Лжедмитрия II.

№ 1. Реляция неизвестного польского автора: «Смерть вымышленного Дмитрия под Калугой»

Die [дня – (лат).] 21 декабря A. [D]. 1610 [л[ета] [Господня] 1610 – (лат).] . Был тот Калужский Дмитрий за обедом весел из-за какой-то новости из Пскова и потому, что ему привезли немало пахоликов, пойманных из отряда войска его королевского величества. После обеда он верхом поехал на прогулку по дороге на столицу. С ним ехало 300 конных татар, над которыми был старшим татарин Петр Урусов, несколько московских бояр, с коими было несколько десятков человек. Он приказал везти за собой двое саней различных напитков, медов, водки, коими в поле чествовал бояр и знатнейших татар, но в особенности этого Урусова (потому что он встретил тот отряд, поймал больше всех пахоликов и громил роту Чаплинского). В поле он был

в хорошем расположении духа, возле его саней выпускали зайцев, охотились, напивались. Этот Урусов думал о другой охоте, и в таком гаме со своими [приспешниками] окружил несколько десятков людей, прежде всего московских бояр, а сам с другими [пустился] прямо на государя. Схватив коня и возницу, его убили там, сидящего в санях. Сначала один на скаку отрубил ему плечо с левой рукой, потом другие, спрыгнув с коней, ужасно изрубили и сразу же содрали [одежду]. Москвитян также хорошо порубили, [а] те, первейшие, в поле сразу же при нем побиты насмерть: Иван Плещеев, Кошелев, два Неруновых, другие же ушли ранеными. И сделав это, они сразу же пошли той же дорогой к Москве. Тело на санях недолго стояло в поле, до того, как за ним приехали из города. Когда дали знать самой государыне, она выбежала из кремля в сам город навстречу телу, с коего и рубашку содрали, рвала на себе волосы и кричала, чтобы ее тоже убили, не желая жить без друга. Потом ее с телом проводили в кремль. В городе было немалое смятение, оставшихся татар, сколько их было в городе, побили донцы, а считают, что было более сотни. Однако же жена покойного и бывшие при ней поляки в то время остались целы. Григорий Петрович Шаховской, который там старшим воеводой, унял это смятение и защитил наших.

Две вещи побудили к этому Урусова. Казнь касимовского царя, которого он, [самозванец] приказал утопить по навету его сына, а пустил такой слух, что [тот] ушел от него с двумя сотнями татар. Самого этого Урусова приказал бить кнутом и посадить в тюрьму. Несколько недель [тот] был в тюрьме, он недавно его выпустил и сразу же отправил на тот [королевский] отряд под Мещерск. Это человек знатной фамилии, тюрьма и, кажется, более битье кнутом, ущемили его [самолюбие], потому как если уже [Дмитрий] казнил касимовского царя, [то] и этот после сего не много ждал от него хорошего. 26 декабря [1610 г.] его милость пан Сапега с половиной войска подошел к Калуге, дабы при такой перемене смочь взять город и кремль на [имя] короля. Калужанам действительно опротивела tirannis [тирания – (лат).] покойного, только донцы, коих при царице 1500, были за [него].

Riksarkivet.
Skokloster Samlingen, E- 8597, P. 275

№ 2. Из письма Сигизмунда III Л. Гембицкому от 5 февраля 1611 г.

... По случаю также не годится нам умалчивать о том, какая новость здесь после последнего к вашей милости письма нашего здесь произошла. Смелостью одного из своих приверженцев справедливым судом Божьим убит вымышленный Дмитрий, он умер такой смертью, какая обычно постигает тех, кои движимые слепой безмерной жаждой царствования, вымышляют себе чужое имя и происхождение. Вскоре потом после его смерти некоторые в этом государстве обнаружили свою неприязнь к нам и начали собираться в Рязанской земле против наших людей в Москве и думных бояр этого народа, выбрали своим главой некоего боярина Прокопа Ляпунова, замыслам которого мы не перестаем препятствовать, стараясь о том, чтобы эта едва уже не последняя сила здешних изменников, нашими людьми могла быть быстрее уничтожена и подавлена. Тогда с помощью Божьей, в милосердие которого твердо верим, мы докажем – без промедления откроется широкая дорога к основательному улаживанию здешних дел наших...

Riksarkivet.
Extranea Polen, Vol. 101

Литература

1. Riksarkivet. Extranea Polen, vol. 96. Письмо Станислава Домарайтовского Лаврентию Гембицкому от 15 марта 1610 г.

2. Riksarkivet. Skokloster Samlingen, E-8599, P. 22. Анонимный дневник о Сандомирском рокоше.

3. Riksarkivet. Extranea Polen, vol. 113. Письмо Романа Рожинского Александру Зборовскому от 11 июля 1609 г.

4. Riksarkivet. Skokloster Samlingen, E-8596, P. 18-22. Неизвестный польский автор: «Краткий ход завоевания Московии его милостью паном Яном Петром Сапегой, старостой усвятским».

5. Riksarkivet. Skokloster Samlingen, E-8597, P. 58-60. Копия инструкции Сигизмунда III польским послам, отправленным в Тушинский лагерь (от 29 ноября 1609 г.).

6. Riksarkivet. Extranea Polen, vol. 114. Письмо Иеронима Телецкого Кристофу Дечеку от 3 августа 1609 г.

7. Riksarkivet. Skokloster Samlingen, E-8596. «Кондиции от рыцарства коронного и литовского, стоящего под московской столицей, поданные его королевскому величеству».

8. Riksarkivet. Extranea Polen, vol. 105. Письмо Якуба Задзика Лаврентию Гембицкому от 18 декабря 1610 г.

9. Riksarkivet. Extranea Polen, vol. 101. Письмо Сигизмунда III Л. Гембицкому от 12 декабря 1610 г.

10. Riksarkivet. Skokloster Samlingen, E-8597, P. 275.

11. Riksarkivet. Extranea Polen, vol. 105. Письмо Я. Задзика Л. Гембицкому от 12 февраля 1611 г.

12. Riksarkivet. Extranea Polen, vol. 105. Письмо Я. Задзика Л. Гембицкому от 1 января 1611 г.

13. Riksarkivet. Extranea Polen, vol. 105. Письмо Я. Задзика Л. Гембицкому от 8 января 1610 г.

14. Riksarkivet. Extranea Polen, vol. 101. Письмо Сигизмунда III Л. Гембицкому от 5 февраля 1611 г.

15. Маржерет Жак. Состояние Российской империи и великого княжества Московии // Россия XV – XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 225-286.

16. Łubeński Stanisław. Pisma pośmertne Stanisława Łubeńskiego biskupa, podkanclerzego koronnego. Petersburg i Mohilew, 1855.

17. Petrycy S. Horatius Flaccus w trudach więznia moskiewskiego. 1609. Kraków, 1914. S. 75.

Коротко об авторе ***Briefly about the author***

Эйльбарт Н.В., д-р истор. наук, доцент, профессор каф. «История», Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
ejlbart@mail.ru

N. Eylbart, Doctor of historical sciences, associate professor, professor, history department, Zabaikalsky State University

Научные интересы: история Сибири, история науки и техники, славяноведение, история Речи Посполитой, Смутное время в Московском государстве

Scientific interests: history of Siberia, history of science and technology, Slavic studies, history of the Polish-Lithuanian Commonwealth, Time of Troubles in the Muscovite state

Науки о Земле

УДК 504.55.06: 622

Рязанцев Степан Сергеевич
Stepan Ryazantsev

ОПТИМИЗАЦИЯ ПАРАМЕТРОВ ГОРНОТЕХНИЧЕСКИХ СООРУЖЕНИЙ ПРИ РАЗРАБОТКЕ РУДНЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ

PARAMETER OPTIMIZATION OF MINING FACILITIES IN DEVELOPING ORE DEPOSITS

Представлен анализ критериев, позволяющих эффективно использовать земельные отводы, при проектировании месторасположения отвалов на рудных карьерах. При анализе особое внимание уделяется горно-геологическим и природным условиям, а также социально-экологическим ограничениям. Выявлены приоритетные факторы, влияющие на расположение объектов горнодобывающего предприятия, а именно: затраты на отчуждение земельного участка; работы по планировке отвалов; транспортные расходы; затраты на рекультивацию земель. На основе выявленных факторов предлагается целевая функция, минимальное значение которой определяет оптимальное месторасположение объектов горнодобывающего предприятия. Приведены расчеты с использованием данной целевой функции в авторской методике для Жирекенского рудного карьера, определяющей наиболее экономичный вариант технологии открытой разработки месторождения с учетом ценности земель, режима их нарушения и восстановления

Ключевые слова: *критерии выбора, оптимальное месторасположение объектов ГДП, оптимизация схем отвалообразования, рекультивация*

The paper presents an analysis of the criteria for the effective use of land challenges, the design of the location of ore dump pits. In the analysis mining, geological and environmental conditions as well as social and environmental constraints are focused on. The priority factors influencing the location of mining enterprises, namely the costs of: alienation of land, work on planning dumps, transportation costs, and cost of land restoration are identified. On the base of the mentioned factors the objective function is suggested, the minimum value of which determines the optimal location for mining companies. The calculations using the objective function in the author's method of determining the most cost–effective technology option open field development with the value of land, mode of violation and recovery methods for Zhireken ore mine

Key words: *selection criteria, optimal location of the ODS objects, optimization of stacking, reclaiming*

Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. (гос. контракт № 14.740.11.0211)

В настоящее время горнорудная промышленность развивается значительными темпами. При этом все больше внимания уделяется на прибыль предприятия, зачастую не обращая внимания на влияния горных работ на окружающую природную среду. Забайкальский край является регионом, где широко развита горнодобывающая промышленность, одной из отраслей которой является разработка рудных месторождений. Разработка месторождений ведется

в основном открытым способом, который предусматривает отчуждение значительных по площади земельных отводов.

При проведении анализа состояния использования земельных отводов на рудных карьерах Забайкалья были исследованы территории горнодобывающих предприятий(ГДП) и прилегающие к ним земельные участки. В частности, проведены исследования на действующем предприятии ОАО «Жирекенский ГОК». Анализ выполненных исследований позволил определить приоритетные направления на снижение нарушения земель, а именно – разработку и внедрение методики оптимизации параметров горнотехнических систем и эффективных технологий ведения горных работ, учитывающей рациональное использование земель. Поэтому при формировании и развитии горнотехнических систем освоения недр снижение негативного воздействия на земельные ресурсы, применяемых геотехнологий на рудных месторождениях, следует считать весьма актуальной научной задачей [3, 4, 5].

Подход к проблеме размещения объектов ГДП с использованием анализа решений носит рекомендательный характер. Он может существенно помочь лицу, принимающему решение, выбрать площадки для объектов ГДП и аргументировать этот выбор.

Анализ существующих критериев, позволяющих эффективно использовать земельные отводы, показал, что большое значение имеет технология разработки месторождения [2]. Эффективность использования земель в первую очередь будет зависеть от системы разработки. Экономические показатели с увеличением глубины работ ухудшаются из-за увеличения расстояния транспортирования горной массы с глубоких горизонтов, роста текущего коэффициента вскрыши (до определенного момента) и других негативных факторов. Кроме этого, способ вскрытия будет значительно влиять на месторасположения объектов и интенсивность нарушения земель, так как именно в период строительства отчуждается большая часть земель и создаются условия для рекультивации на перспективу [10]. При этом определяющими параметрами выбора способа ведения горных работ будут являться объем горной массы, расстояние транспортирования и площадь отчуждаемых земель. В связи с этим, названные параметры предложено вывести в стоимостную оценку, которая будет определять наилучшую технологию ведения горных работ с наименьшим ущербом на земельные ресурсы [6].

По каждой группе критериев определены основные факторы, влияющие на расположение объектов горнодобывающего предприятия, а именно затраты на: 1) отчуждение земельного участка (Sз); 2) работы по планировке отвалов (Sпл); 3) транспортные расходы (Sтр); 4) затраты на рекультивацию земель(Sр) (рис. 1).

Исходными данными для вычисления затрат, связанных с отчуждением, являются координаты участков земли различной ценности и удельные показатели стоимости ее изъятия: норматив освоения новых земель целевого назначения взамен изымаемых (y1); компенсация выбытия основных фондов и объектов инженерной инфраструктуры, потери производства на землях целевого назначения (y2); ущерб от изъятия или ухудшения качества земель, ценных в природном и социально-экономическом отношении (y3). В случае приобретения земельного участка в собственность к затратам по отчуждению добавляется ежегодный земельный налог (y4). По полученным значениям площадей (f_i) i-х участков различной ценности, попадающих в зону отчуждениями удельной стоимости их изъятия рассчитывается общая стоимость отведения земельных фондов ($S_з$) с учетом дисконтирования за расчетный период (T):

$$S_з = \sum_{t=1}^{T}\sum_{i=1}^{M1} f_{it}(y1_i + y2_i + y3_i + y4_i)_t a_t ,$$

где Ml – количество участков;

at – коэффициент дисконтирования.

Если данный участок земли ГДП берет в аренду, то за пользование землей взимается арендная плата (y5), исчисляемая в

процентах к нормативу стоимости освоения новых земель, и стоимость изъятия земельного фонда будет определяться как

$$S_з = \sum_{t=1}^{T}\sum_{i=1}^{M1} f_{it}(y2_i + y3_i + y5_i)_t a_t .$$

Стоимость инженерной подготовки территории площадки определяется для каждого варианта размещения объектов ГДП в зависимости от вида строительной техники; группы грунта по трудности разработки и мощности его слоя; с учетом следующего положения проектные планировочные плоскости площадок приняты с учетом угла рельефа местности. Общая стоимость планировочных работ на отвалах определяется по формуле

$$S_{пл} = \sum_{t=1}^{T}\sum_{z=1}^{M2}\sum_{j=1}^{M3}(V_{Hj}\beta_{Hj})_{zt} a_t ,$$

где $V_н$ – объемы земляных работ насыпи;

$\beta_н$ – укрупненные показатели стоимости земельных работ по насыпи;

М2 – количество z-х участков с одинаковым геологическим строением;

М3 – количество j-й группы грунта.

Для определения объемов земляных работ методикой предусматривается использование цифровой модели рельефа местности (ЦМР). ЦМР представляет собой аналитическую модель реальной поверхности земли, создаваемую по совокупности характерных точек рельефа путем аппроксимации. Затраты на транспортировку выражаются следующей зависимостью:

$$S_{TP} = \sum_{t=1}^{T}\sum_{k=1}^{M4}(\lambda_k * L_k * \Gamma_k)_t a_t ,$$

где $\lambda_к$ и L_k – соответственно укрупненный показатель стоимости транспортировки и дальность k-й трассы;

Гк – грузооборот;

М4 – количество инженерных коммуникаций.

Эффективность рекультивационных работ в значительной степени зависит от срока проведения последних. Поэтому ущерб от задержки рекультивации земель необходимо определять с учетом фактора времени [7].

У горных предприятий нет достаточных средств для проведения ликвидационных работ и работ по рекультивации на завершающем этапе разработки. Поэтому на ГДП, ведущих разработку МПИ в течение 20…30 лет и более, зачастую рекультивация не проводится, так как не созданы условия для ее проведения. Из этого следует, что рекультивационные работы необходимо проектировать до окончания срока эксплуатации месторождения [3].

Если земли площадью S_1 оставляются невосстановленными на год, то в будущем году приведенная площадь невосстановленных земель будет равна $2S_1$. Тогда приведенная площадь невосстановленных земель в течение двух лет будет равна $2S_1+S_2$, а в течение трех лет — $3S_1 + 2S_2+S_3$ и т.д.

Затраты на рекультивацию представлены следующей зависимостью:

$$S_p = \sum_{t=1}^{T}\frac{Z_t - S_t}{(1+\varepsilon_{н.п})t} ,$$

где T – расчетный период, исчисляется от года проведения оценки до года отработки месторождения;

Z_t – ценность продукции за год, исчисленная в замыкающих затратах t-го года;

St – сумма капитальных и эксплуатационных затрат, получаемая к году освоения;

$\varepsilon_{н.\cdot п}$ – норматив для приведения разновременных затрат.

Таким образом, основными факторами, определяющими местоположение объектов строительства горнодобывающих предприятий, ведущих и проектирующих разработку открытым способом, будут являться затраты на транспортирование, планировку отвалов, рекультивацию и отчуждение земель. Выявленные факторы позволяют ГДП контролировать воздействие на земельные ресурсы и избежать неверных управленческих решений, а также на стадиях проектирования и разработки

месторождения рационально и эффективно использовать участки земельных отводов. Целевая функция (ЦФ) в математической постановке задачи оптимизации размещения площадок имеет вид:

$$ЦФ = 0{,}42S_з(x_i, y_i) + 0{,}12S_{пл}(x_i, y_i, z_i) + 0{,}23S_{тр}(x_i.y_i) + 0{,}23S_р(x_i, y_i, z_i) \rightarrow \min.$$

Разработанный критерий позволяет наглядно регулировать затраты, связанные с нарушением и восстановлением земель.

Для решения поставленной задачи целесообразно воспользоваться методами поиска, в которых направление минимизации полностью определяется на основании последовательных вычислений целевой функции. Алгоритм решения представлен в виде обобщенной блок-схемы (рис. 2) и является основой для составления программы [1].

Кроме того, в начальные годы работы карьера будет иметь место перепробег автотранспорта на нижние ярусы отвала. Вариант с одновременной отсыпкой всех ярусов отвала создает условия для ускорения рекультивационных работ и не требует создания складов почвы и потенциально плодородных пород.

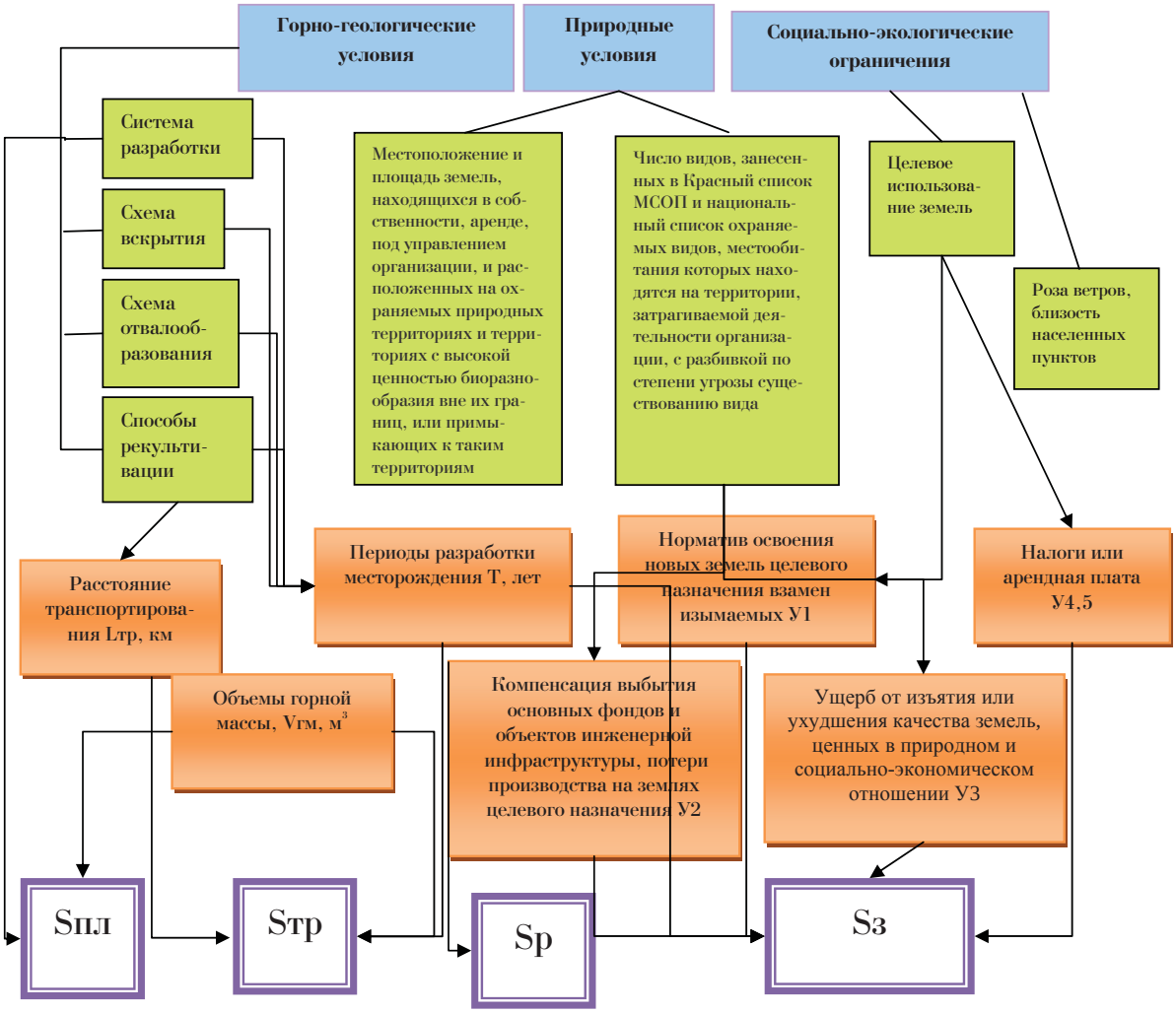


Рис. 1. Факторы, определяющие местоположение объектов ГДП

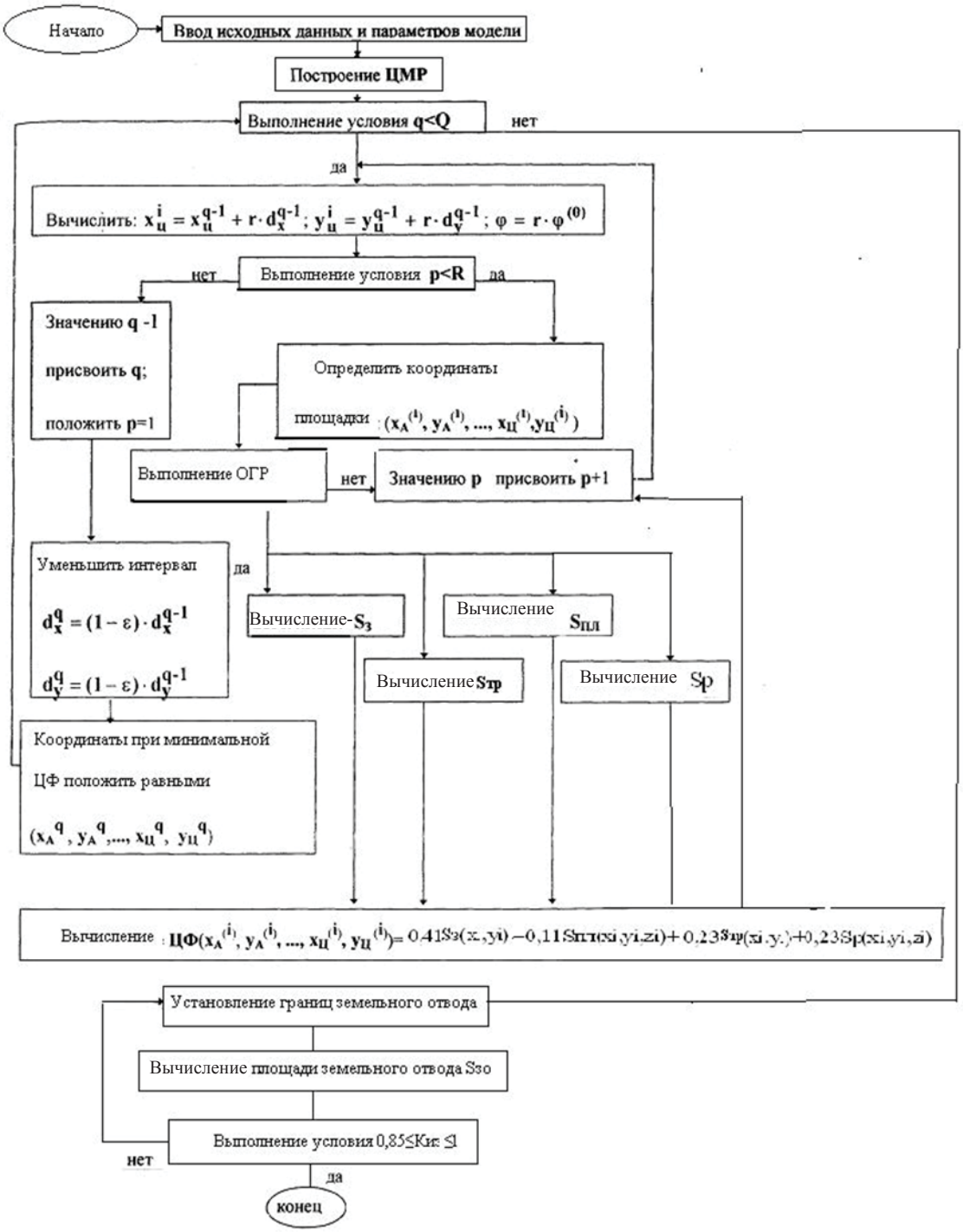


Рис. 2. Обобщенная блок-схема оптимизации размещения объектов строительства с учетом рационального использования земель

Отсыпка отвала с верхних отметок склона позволяет уменьшить расстояние транспортирования вскрыши в начальные годы эксплуатации месторождения. Однако вариант одновременной отсыпки всех ярусов требует осуществления мероприятий по обеспечению устойчивости отвала или изыскания эффективных способов по управлению оползневыми процессами отвала [9].

Данная методика позволяет выбрать наиболее экономичный вариант технологии открытой разработки месторождения с учетом ценности земель, режима их нарушения и восстановления.

Нами произведены расчеты по обоснованию схемы формирования отвала на Жирекенском ГОКе. По рассчитанным данным получены зависимости (рис. 3-4). Результаты расчета по обоснованию схемы отвалообразования с одновременной отсыпкой всех ярусов представлены в таблице.

Результаты расчета по обоснованию схемы отвалообразования с одновременной отсыпкой всех ярусов на примере Жирекенского ГОКа

Периоды разработки	Площадь нарушенных земель, га	Площадь рекультивированных земель, га	Sз, тыс. руб.	Sпл, тыс. руб.	Sтр, тыс. руб.	Sр, тыс. руб.	Экономический эффект
Строительство	417	0	40162,7	39774,7	89003,2	0,0	1861,3
Пуск	180	24	10553,4	12520,9	81733,0	16159,2	482,4
Эксплуатация	790	421	25165,8	21828,1	399797,3	73971,9	1125,0
Доработка	76	171	9570,7	9348,9	81504,8	38627,6	437,5
Итого	1464	616	85452,7	83472,7	652038,3	128758,7	3906,3
Экономический эффект			1689,3		12598,9	1300,1	15588,3

Установлено, что этот вариант отсыпки, отвала является наиболее эффективным и обеспечивает, по сравнению с вариантом поярусной отсыпки, экономический эффект в размере 15588,5 тыс. руб. при меньших на 12598,8 тыс. руб. затратах на транспортирование, меньшими затратами на рекультивацию на 1300,1 тыс. руб., меньшем на 1689,2 тыс. руб. ущербе от отчуждения земель.

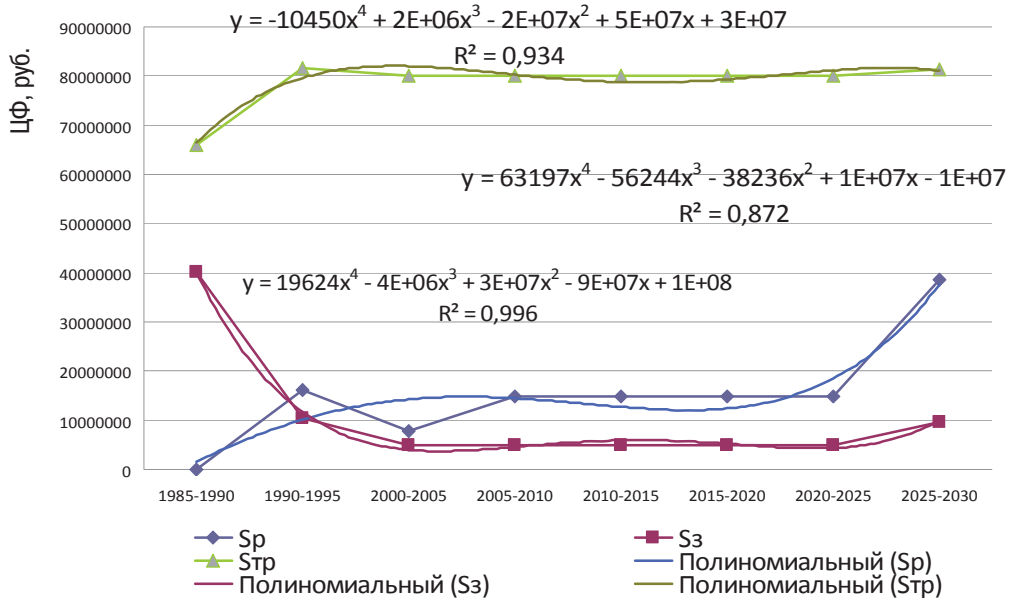


Рис. 3. Схема изменения основных показателей целевой функции при одновременной отсыпке всех ярусов

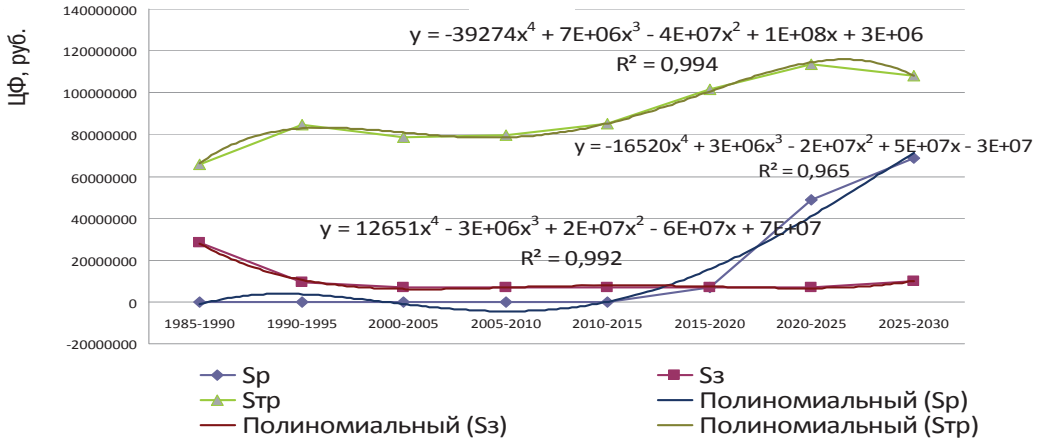


Рис. 4. Схема изменения основных показателей целевой функции при поярусной отсыпке

По приведенным данным видно, что рекультивацию следует проводить на стадии разработки месторождения, совмещая ее с процессом отвалообразования, тем самым создавая условия для самозарастания и снижения затрат на биологическую рекультивацию [8].

Таким образом, выбор оптимального варианта размещения площадки под конкретные объекты ГДП и срока рекультивации осуществляется при минимальном значении целевой функции. Площадки, соответствующие оптимальному варианту, расположены на почвах с наименьшей природной ценностью и с самыми низкими значениями бонитетов насаждений.

Литература

1. Дурманова Е.В. Оптимизация размещения производственной базы строительства с учетом охраны и рационального использования земельного фонда: дис. канд. экон. наук: СПб.: гос. техн. ун-т, 160 с.

2. Мельников И.Т., Кутлубаев И.М., Суров А.И. [и др.] Разработка методики определения рациональных параметров намывных хвостохранилищ и отвалов вскрыши // Вестник МПУ им. Г.И. Носова. 2011. № 1. С. 9-13.

3. Овешников Ю.М., Рязанцев С.С. Особенности использования земельных отводов Жирекенским горно-обогатительным комбинатом // Вестник РАЕН. Чита: ЧитГУ, 2009. № 1. С. 81-85.

4. Овешников Ю.М., Рязанцев С.С. Оценка и перспектива нарушения земель Жирекенским Горно-обогатительным комбинатом // Вестник ЧитГУ. Чита: ЧитГУ, 2011. № 3. С. 46-52.

5. Овешников Ю.М., Рязанцев С.С. Состояние и перспективы освоения земельных ресурсов на Жирекенском горно-обогатительном комбинате // Горный журнал. М., 2011. № 3. С. 41-44.

6. Рязанцев С.С. К вопросу о критериях эффективности использование земельных отводов при открытой разработке месторождений // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал) Mining informational and analytical bulletin (scientific and technical journal). 2012. № 4. С. 403-407.

7. Рязанцев С.С., Овешников Ю.М. Методика оценки ущерба от нарушения земель с учетом фактора времени: матер. 7 Междунар. науч. школы молодых ученых и специалистов. 15-19 ноября 2010 г. // Проблемы освоения недр в XXI веке глазами молодых. М., 2010. С. 116-118.

8. Рязанцев С.С. Технико-экономическая оценка восстановления земель на Жирекенском ГОКе // Вестник ЗабГК Чита: ЗабГК, 2009. № 2. С. 95-98.

9. Рязанцев С.С. Овешников Ю.М. Об эффективности использования земельных отводов Жирекенским ГОКом: матер. IX Всеросс. конф. // Кулагинские чтения. Ч. VII. Чита, 2009. С. 81-85.

10. Томаков П.И., Коваленко В.С. Рациональное землепользование при открытых горных работах. М.: Недра, 1984. 213 с.

Коротко об авторе / *Briefly about the author*

Рязанцев С.С., ст. преподаватель, каф. «Открытые горные работы», Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
stepansr@mail.ru

S. Ryazantsev, Senior teacher, Open cast mining department, Zabaikalsky State University

Научные интересы: исследование рекультивации нарушенных земель открытыми горными работами, охрана окружающей среды, оптимизация параметров горнотехнических сооружений

Scientific interests: revegetation open pit mining study, environment, optimization of parameters of mining facilities

УДК [56+551.7]:550.8.528

Синица Софья Михайловна
Sofia Sinitsa

ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА КРИЗИСОВ В ГЕОЛОГИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЗАБАЙКАЛЬЯ

PALEONTOLOGIC ILLUSTRATIONS OF CRISES IN GEOLOGICAL HISTORY OF ZABAIKALIE

Этапы развития органического мира в геологической истории Забайкалья, начиная с рифея и до мела, разделены друг от друга абиотическими и биотическими кризисами, обусловленными сменой климата, трансгрессий регрессиями, тектоническими и вулканическими явлениями и т.д., а также появлением, становлением и вымиранием различных групп организмов

Ключевые слова: *этапы развития органического мира, абиотические и биотические кризисы, факторы кризисов, непрерывные разрезы, тектонические блоки, террейны*

The stages of the organic world development in the geological history of Zabaikalie, from Riphean to Cretaceous period, are divided by abiotic and biotic crises caused by the change of climate, transgressions by regressions, the tectonic and volcanic phenomena, etc., and also by the occurrence, formation and extinction of various groups of organisms

Key words: *stages of the organic world development, abiotic and biotic crises, factors of crises, continuous sections, tectonic blocks, terreyn (fragments of mainlands)*

Часть I. Удоканский и георгиевский разрезы (рифей-нижний палеозой)

В геологической летописи Забайкалья можно выделить ряд этапов появления и развития органического мира, разделенных от предыдущего и последующего абиотическими и биотическими кризисами. Факторами кризисов являются смена климата, трансгрессии, регрессии, вулканизм и т.д. Начиная с архея и по юру, в регионе господствовали морские условия, затем с отступлением моря на восток в Забайкалье устанавливаются речные системы, озера, болота, степи, леса. Разрозненные данные о заселении суши появляются с девона. Органические остатки различных временных интервалов представлены от простейших до позвоночных и от построек цианобактерий до цветковых [6].

Забайкалье резко отличается от других, даже соседних регионов, блоковым строением (коллаж террейнов), причем отложения блоков часто датируются отдельными периодами или эпохами и охарактеризованы специфическими органическими остатками, не сопоставляющимися с комплексами близко одновозрастных сопредельных разрезов. Определение кризисов в отложениях террейна затруднено из-за неполноты разреза, его короткого временного интервала и отрывочных данных по органическим остаткам. Кроме неполных разрезов блоков (террейнов), в регионе установлен ряд относительно непрерывных разрезов, литологический и палеонтологический материал которых позволил выявить смену обстановок седиментации, различие факторов седиментации, вымирание, снижение таксономического разнообразия биот, проявленных в абиотических и биотических кризисах.

В Забайкалье относительно хорошо изучены следующие непрерывные разре-

зы морских отложений: удоканский (рифей-венд-кембрий-ордовик); георгиевский (венд-кембрий); верхнеамурский (силур-девон-нижний карбон-верхний триас-юра); морских и континентальных отложений: бичектуйский (девон-верхний триас-верхняя юра-верхняя юра и начало мела-нижний мел); континентальных отложений ундинский (средняя-верхняя юра – верхняя юра – конец юры-начало мела-нижний мел). Ниже приводится материал по непрерывным и частично вспомогательным неполным разрезам.

Непрерывный разрез рифея-венда-кембрия-ордовика Удоканского прогиба и Верхне-Каларской впадины [5] представлен терригенными и карбонатными отложениями, охарактеризованными протерозойской бесскелетной и палеозойской скелетной фауной.

В позднем протерозое (рифей) Удоканского прогиба отмечается появление первой бесскелетной фауны, которая слагает дотиллитовый и посттиллитовый комплексы. Дотиллитовый комплекс происходит из отложений александровской, бутунской и талаканской свит удоканской серии (комплекса). Первый и самый древний комплекс бесскелетной фауны установлен в терригенных породах александровской свиты и представлен следами жизнедеятельности Origolithos и медузами Cyclomedusa. Отложения свиты изобилуют знаками ряби и трещинами усыхания, что позволило реконструировать бассейн седиментации в виде лагуны или заливно-лагунного мелководья.

В залегающей выше бутунской свите среди терригенных пород появляются горизонты органогенных известняков с мощными постройками цианобактерий (строматолиты Conophyton, Kussiella, Stratoconophyton, Colleniella) и мягких кишечнополостных (Udokania); на удалении от динамичной зоны был развит разнообразный прикрепленный и подвижный бентос, представленный следами илоедов (Planolites, Gordia), первыми проартикулятами (Krenfepetia), проблематическими медузоидами Butunella и полипами Nemiana. Изменение литологического состава бутунской свиты (отсутствие трещин усыхания, появление известняков и мергелей) и соответственно условий обитания отразилось на смене палеонтологической характеристики бутунской свиты. Регрессивные условия седиментации в александровское время сменились трансгрессивно-регрессивным режимом в бутунское время с садкой карбонатов. Среди бесскелетной фауны бутунской свиты не выявлено общих или транзитных видов, а среди александровской – предковых форм бутунской биоты.

Талаканская свита представлена исключительно терригенными отложениями с доминированием алевропелитов. Отмечается резкая смена состава ориктоценозов свиты, представленных силуэтами плоских червей (Talakaniella) и проблематическими перообразными образованиями (Ramulithos, Pennolithos, Pteridinium). С исчезновением карбонатных фаций исчезают бутунские постройки цианобактерий, вымирают бутунские кишечнополостные как удокании, бутунеллы, немианы. Резко меняется состав следов илоедов, представленный Bilinichnus, Laevicyclus, Sagittichnus, Phycodes, Eophyton и др. Транзитными являются следы Planolites, Gordia. Отложения талаканской свиты сформировались в условиях обширной трансгрессии, что сказалось и на смене бесскелетной биоты [2]; [5].

Горизонт ископаемых морен-тиллитов установлен в сакуканской свите удоканского комплекса и является рубежом, разделяющим дотиллитовую и посттиллитовую бесскелетную удоканскую биоту. Сакуканская свита резко отличается от остальных свит удоканского комплекса и представлена в основном песчаниками с динамичными текстурами, незначительным развитием алевролитов и присутствием тиллитов (пуддинги) – ископаемых морен. Подобные отложения могли сформироваться в дельтах крупных рек или турбидитных потоков в полярных областях [5]. Органические остатки предельно редки и представлены следами илоедов Chondrites. Отмечается полное отсутствие представителей разнообразной талаканской биоты в сакуканских отложениях.

Посттиллитовая намингинская свита (рифей-венд), завершающая разрез удоканского комплекса, состоит из песчаников и алевролитов с многочисленными разновозрастными и разнонаправленными трещинами усыхания и знаками ряби. Отмечается резкое оскудение бесскелетной палеонтологической характеристики, представленной медузами Nimbia и следами жизнедеятельности Tasmanadia, Cochlichnus, Eophyton и др. Намингинский бассейн седиментации и обитания характеризуется мелководностью, периодическим высыханием с образованием отшнурованных лагун или заливов. Доминируют в составе намингинской биоты медузы нимбии, характерные для венда Белого моря (эдиакарская фауна) [10].

Следовательно, в рифейское и в начале вендского времени в Удоканском прогибе существовали последовательно сменяющиеся моря с чередованием регрессивных и трансгрессивных режимов седиментации, что сказалось на бесскелетной фауне, испытавшей в своем развитии несколько абиотических и биотических кризисов: александровско-бутунский, бутунско-талаканский, талаканско-сакуканский и сакуканско-намингинский. Биотические кризисы сопровождались вымиранием предшественников и появлением новых таксонов бесскелетной фауны. При сравнении протерозойских бесскелетных удоканской и эдиакарской фаун обращает на себя внимание присутствие близких форм медуз, пероподобных птеридиниумов, рамулитесов и пеннолитесов, кольчатых червей талаканиел, напоминающих дикинсоний. Отличия проявлены в широком развитии местных, возможно, эндемичных кишечнополостных как удокании, бутунеллы, червеобразных талаканиелл, кренфепедий, а также разнообразных построек цианобактерий (рифейские конофитоны, стратоконофитоны, куссиеллы и др.). Остатки удоканий и постройки конофитонов установлены в рифейских местонахождениях Клички и Богочи.

Начиная с венда, на Удоканском прогибе закладывается Верхне-Каларская впадина, выполненная морскими отложениями *венда, кембрия и ордовика (верхне-каларская серия).*

Вендские отложения впадины представлены мощными карбонатами с постройками цианобактерий (строматолиты Linella, Collumnaefacta, Stratifera, Gongylina и микрофитолиты Osagia, Volvatella), переслаивающихся с пачками терригенных пород, охарактеризованных следами жизнедеятельности – Trichophycus, Palaepascichnus, Saportia, Torrowangea, Paleomeandron и др. Отмечаются транзитные роды следов илоедов как Planolites, Gordia, известные из отложений бутунской свиты. Следует отметить появление эдиакарий Ediacaria, характерных форм так называемой эдиакарской биоты венда Австралии, Африки, Северной Америки, Лены, Белого моря [9]; [10].

Вендские отложения залегают с несогласием на размытых отложениях удоканского комплекса и характеризуются резкой сменой состава бесскелетной фауны, цианобактерий и проблематических образований. Появление эдиакарий (кишечнополостные) среди органических остатков вендских отложений впадины позволяет сравнить вендские забайкальские разрезы с эдиакарскими разрезами Австралии, Белого моря (Зимний берег) и других регионов планеты [9].

Кембрийский разрез впадины представлен в основном карбонатными породами с редкими прослоями алевролитов, залегающих согласно на отложениях венда. Однако при сохранении сходных условий седиментации и обитания среди построек цианобактерий кембрия отмечается появление новых родов как Ilicta, Parmites и первой скелетной фауны планеты: археоциат Rotundocyathus, трилобитов Elganellus, Bulaiaspis, Namanoia и брахиопод Kutorgina (кембрийская «скелетная революция»[4]). В алевролитах редки следы жизнедеятельности Planolites, Aglania. Отмечаются транзитные роды цианобактерий как Stratifera и Gongylina, и следы илоедов Planolites, доминирующие в вендских отложениях впадины.

Ордовикское море Верхне-Каларской впадины было мелководным, теплым, в котором накапливались в основном органогенные карбонаты и пестроцветные алевролиты, залегающие согласно или с местным несогласием на отложениях кембрия. При относительно одинаковом литологическом составе отложений кембрия и ордовика отмечается полное обновление состава брахиопод, представленных родами Obolus, Finkelnburgia, Apheorthis, Angarella, Lingulella, трилобитов – Paenebeltella, Protoplimeros, Loparella, Ijacephalus, Pseudokoldinia, Glaphurus, впервые появляются моноплакофоры – Kirengella, Lenaella, двустворки – Tolmachovia, Miagkovia, гастроподы – Bucania, Sinuites, головоногие моллюски – Clarcoceras, Intejoceras, Padunoceras, мшанки – Arthoclema, Stigmatella, кораллы – Cryptolichenaria, морские пузыри – Echinocrinites и морские звезды – Protopalaeaster, резко увеличивается качественный и количественный состав следов илоедов. Присутствуют следы 5 известных групп: всего определено 83 морских рода следов жизнедеятельности в докембрии и фанерозое Забайкалья, из которых 45 родов присутствуют в ордовикских отложениях верхне-каларской серии. Часты остатки конодонт Ptiloconus, Coleodus, Corgylodus, Paltodus, Oneotodus, Scolotodus – возможно предков высших позвоночных. Еще сохраняются постройки некоторых цианобактерий. Если судить по общему составу брахиопод, трилобитов и др. групп организмов, то существовала связь забайкальского ордовикского моря с одновозрастными морями Сибирской платформы, что, очевидно, вызывало миграцию на юг различных групп.

Следовательно, рифейская, вендская, кембрийская и ордовикская биоты непрерывного разреза Удоканского прогиба региона представлены своеобразными, часто резко отличающимися сообществами с единичными транзитными формами следов илоедов и построек цианобактерий, что, несомненно, обусловлено сменой условий седиментации, тектоническими причинами, климатом и другими абиотическими факторами. Абиотические кризисы сопровождались вымиранием бесскелетной фауны в конце венда, скелетной революцией в начале кембрия, вымиранием кембрийской биоты и обновлением таксономического состава большинства групп организмов в ордовике. Бесскелетная фауна удоканского комплекса, первые представители которой обнаружены в александровской свите, появляется как бы внезапно, так как в подстилающих александровскую свиту отложениях пока не удалось установить каких-либо органических остатков.

Дополнением к описанному разрезу по праву считается венд-кембрийский разрез Георгиевки. Вендская часть разреза (георгиевская свита; [7]) представлена строматолито-онколитовым рифом, протяженностью около 1200 м. Риф состоит из комплексных построек Tinnia, сложенных по периферии пластовыми строматолитами – Stratifera и Gongylina, в центре тинний выделяются Glebulella и Collumnaefacta. Вмещающие карбонаты содержат многочисленные остатки микрофитолитов – Nubecularites, Vesicularites, Osagia.

Кембрийская часть разреза свиты представлена карбонатами с прослоями кремнисто-углистых, кремнистых алевролитов. Большая часть карбонатов органогенная и сложена раннекембрийскими (атдабан-ботом) археоциатами Dokidocyathus, Rotundocyathus, Tenneriocyathus, Compositocyathus и др., моллюсками Anabarella, Melloperma, Pelaginella, трилобитами Proerbia, Sajanaspis, Redlichia и др., остракодами Bradoria, Indota, брахиоподами Bicia, Magnicanalis, микрофитолитами Glomus, Nubecularites. Редки талломы водорослей Epiphyton. В алевролитах отмечаются остатки моллюсков, брахопод, трилобитов, микроскелетной фауны Protospongia, Cambrotubulus, Mongolotubulus, Chancelloria, Stellaria, Microdictyon, Hyolitellus и др.

Разрез венда – нижнего кембрия Георгиевки приурочен к тектоническому блоку и его палеонтологическая характеристика не имеет аналогов в Забайкалье. Общие виды археоциат, моллюсков, трило-

битов обнаружены в кембрийских разрезах Монголии (хубсугульская биота) [11], а по микроскелетной фауне георгиевский разрез сопоставляется с нижнекембрийским разрезом Аделаиды в Австралии [3].

Часть II. Верхнеамурский, бичектуйский и ундинский разрезы (средний-верхний палеозой-мезозой)

Вторым по временному диапазону, как бы наращивая удоканский, является непрерывный разрез силура-девона-нижнего карбона – верхнего триаса-юры Верхнего Амура, охарактеризованный разнообразными комплексами органических остатков.

Силурийские отложения омутнинской свиты Верхнего Амура представлены кварцитовыми песчаниками, сланцами и известняками-ракушняками с брахиоподами Pseudocamarotoechia, Leptostrophia, Tuvaella и др., членниками стеблей морских лилий Formaliocrinus, фрагментами колоний табулят и ругозами плохой сохранности (р. Утени).

Девонские отложения большеневерской свиты (нижний-средний девон) залегают согласно на силурийских или с постепенными переходами, а также с тектоническими контактами и представлены в основном алевролитами с прослоями органогенных известняков и с редкими прослоями песчаников и известняков. По остаткам морских лилий Scyphocrinites, Costatocrinus, Asperocrinus и др. и брахиопод Dalejina, Plectodontia, Lissatrypa устанавливаются раннедевонские (пжидол-лохков) века для низов разреза [1]. В верхах преобладают песчаники, кварциты с прослоями алевролитов, известняков и туфов. Органические остатки представлены среднедевонскими видами (прагиен-эмс?) криноидей Amazaricrinus, Kuzbassocrinus, Paradecacrinus, Urushicrinus и др., брахиопод Procopia, Isorthis, Leptostrophia и др., кораллов-ругоз Lindstroemia, табулят Thamnopora, Aulopora, Squameofavosites, Favosites, Pleurodictium и трилобитов Paciphacops, Calumene. Отсутствуют общие виды с силурийской биотой омутнинской свиты. Разрез свиты имеет явные признаки регрессивного этапа седиментации (рр. Багоджа, Булей, Амазар-Утени).

Имачинская свита (средний девон) резко отличается от предыдущих широким развитием мшанково-криноидных и коралло-мшанковых известняков. В 1950 г. И.В. Лучицкий отнес данные отложения к «свите рифовых образований». Отложения свиты представлены известняками с прослоями алевролитов, которые залегают согласно на большеневерской свите и охарактеризованы кораллами Pleurodictyum, Lindstroemia, мшанками Fenestella, Polypora, криноидеями Asperocrinus, Amurocrinus, Hexacrinites? и др., брахиоподами Reeftonia, Leptostrophia, Spinatripa, Acrospirifer и др., редкими трилобитами Paciphacops среднедевонского (эймс-эйфель) возраста. Комплексы органических остатков большеневерской и имачинской свит имеют общие виды среди брахиопод, кораллов, криноидей и трилобитов (рр. Булей, Ковыхта, Багоджа).

Ольдойская свита (среднего-верхнего девона) состоит в основном из терригенных пород с редкими прослоями известняков и туффитов, которые согласно залегают на отложениях имачинской свиты. Отмечается обновление состава брахиопод Aulacella, Devonochonetes, Devonoptoductus и др., по-прежнему есть общие виды криноидей с имачинскими Ononicrinus, Amurocrinus, Hexacrinites, Oldojicrinus, Vascicrinus и др., обновляется комплекс мшанок Hemitrypora, Semicoscinium, Fenestella и др. Резко сокращается комплекс кораллов, представленный Pleurodictyum. По-прежнему редки панцири трилобитов Phacops (рр. Верхний и Средний Баронгон, Булей).

Тепловская свита (верхний девон) завершает разрез девонских отложений Верхнего Амура, состоит из терригенных отложений, согласно залегающих на ольдойских. Среди органических остатков доминантами становятся брахиоподы Athyris,

Cyrtospirifer и др. и криноидеи Amurocrinus, Bicostulatocrinus, Platycrinites, указывающие на поздний девон (фран-фамен). Исчезают кораллы и трилобиты (рр. Средний Баронгон, Булей).

В общем, девонский разрез Верхнего Амура представлен фациями трансгрессивно-регрессивных этапов седиментации. Сокращение и затем исчезновение кораллов сопряжено со сменой бассейнов обитания, а именно, большеневеровское и имачинское моря были теплыми, мелкими, характеризовались карбонатной седиментацией (субтропики ?), которая сменилась в ольдойское и тепловское время терригенной (гумидные условия), что вызвало обновление составов ориктоценозов.

С размывом на девонских отложениях залегают песчано-алевролитовые отложения с прослоями органогенных известняков, выделенных в *типаринскую свиту (нижний карбон).* Органические остатки представлены брахиоподами Leptogonia, Plicochonetes, Torynifer, Marginatia, Chonetes и др. и криноидеями Platicrinites, Pentaridica, Bicostulatocrinus, Floryciclus [1]. Редки плохой сохранности кораллы ругозы, двустворки и трилобиты (рр. Булей, Галгакан). Появление сходных условий привело к восстановлению сообщества ругоз.

После прекращения седиментации в типаринское время морской режим сменился континентальным вплоть до позднего триаса, что привело к размыву палеозойских отложений. Отложения вновь появившихся мезозойских морей залегают на размытых палеозойских с резким несогласием.

В позднем триасе в Верхнем Амуре появляется «монотисовое море» (огонская свита), где идет садка терригенных пород, охарактеризованных многочисленными двустворками Monotis, имеющих общие виды с монотисовой биотой практически всех выходов верхнетриасовых отложений региона Верхоянья и Дальнего Востока. Отсутствуют палеозойские группы организмов как брахиоподы, кораллы, мшанки, криноидеи (рр. Амазар-Булей, Утени-Огон, Багоджа). Можно считать, что значительный перерыв в седиментации (абиотический кризис; средний карбон – средний триас) сказался на вымирании палеозойских форм и появлении новых сообществ с доминированием двустворок монотисов. Предполагается связь забайкальского «монотисового моря» с морскими бассейнами Северо-Востока и Дальнего Востока.

Юрские моря Верхнего Амура характеризовались терригенной седиментацией и широким развитием моллюсков: двустворок Harpax, Oxytoma, Chamys (японская свита), двустворок Inoceramus (мангалейская свита), двустворок Mytiloides, Cardita и аммонитов Arctotis (тымагерская свита), двустворок Inoceramus, Oxytoma, Trigonia, аммонитов Arctotis, белемнитов Belemnites, члеников стеблей морских лилий Pentagonocrinus (булейская свита), двустворок Inoceramus, Oxytomsa, Macrodon, аммонитов Arctotis, Normannites, брахиопод Rhynchonella, следов жизнедеятельности илоедов Ononolithos (цангинская свита), двустворок Modiolus, Tancredia, Trigonia, Ostrea и аммонитов Arctotis (усманковская свита). Отложения юрских морей с резким несогласием залегают на палеозойских отложениях, их палеонтологические комплексы не имеют общих видов с триасовыми ориктоценозами. Среди двустворок определены общие виды с разобщенными разрезами морских юрских отложений Забайкалья (Талангуй, Онон-Борзя, Боржигантай и др.). Следы жизнедеятельности ононолитосы являются обычными компонентами ихнофауны морской юры региона.

Дополнением к рассмотренному разрезу может служить аргалейский разрез на левобережье р. Онон ниже пос. Нуринск, представленный отложениями переходных горизонтов между девонской и каменноугольной системами (слои Этрень; аргалейская свита) и низов каменноугольной системы (турне-визе; ирамская свита). Аргалейская свита установлена в тектоническом блоке и состоит из циклично переслаивающихся песчаников, алевролитов и органогенных известняков, сложенных в основном биокластом брахиопод Leptagonia, Plicochonetes, Syringothyris, Torynifer, мшанок Raissiella, Nikiforovella, Fenestella,

Rectifenestella, криноидей Bicostulatocrinus, Platycrinites. Часты известняки-энкриниты, состоящие только из члеников стеблей морских лилий Platycrinites и известняки-ракушняки с ракушечными мостовыми створок брахиопод Chonetes, Orulgania и др. Редки калиптры трубчатых кораллов Syringopora и плоские следы илоедов Rhyzocorallium, Conchotrema, Granularia, приуроченные к алевролитам.

Отложения ирамской свиты контактируют с аргалейскими по тектоническому нарушению и представлены резко асимметричными циклитами: песчаники (до 50 м) - алевролиты (до 1 м). На границах пород повсеместно развита ячеистая рябь. На ряби обычны следы жизнедеятельности: Helmintoida, Helmintopsis, Cochlichnus, Cosmirhaphe, Cruziana, Diplichnites, Lumbricaria, Trichophycus и др. В верхних частях разреза свиты установлено 2 прослоя хлидолитов с биокластом брахиопод Hemiplethorhynchus, мшанок и криноидей. Временная пауза между аргалейской и ирамской седиментацией незначительная, однако она резко проявилась в различии бассейнов осадконакопления и обитания, в литологическом составе отложений и биоте, не имеющей общих видов и даже родов.

Третий непрерывный разрез по пади Бичектуй (*девон-верхний триас-верхняя юра-верхняя юра и нижний мел -нижний мел)* представлен морскими (девон-верхний триас) и континентальными (юра-нижний мел) отложениями [8], выходы которых ограничены тектоническими нарушениями.

Девонский блок сложен терригенными породами с редкими кремнистыми прослоями со следами жизнедеятельности Sagittichnus, Suzmites, Planolites, Conchotrema и редкими члениками стеблей морских лилий.

Верхнетриасовый блок представлен песчаниково-алевролитовыми отложениями с линзами органогенных известняков «монотисового моря». Доминантами являются двустворки Monotis, Otapiria ?, редки остатки кораллов, скафопод Dentalium, морских лилий Pentacrinus, розанитесов Rozanites и следов жизнедеятельности Boronzhella, Trichophycus, Scolithos.

Верхнеюрский блок сложен континентальными конгломерато-брекчиями и туфогенно-осадочными отложениями с остатками двустворок Arguniella, щитней Prolepidurus, Sphaerestheria, Palaeolynceus, насекомых Proameletus, Sinitsia, Furvoneta, Hydrobiites, Folindusia, растений Czekanowskia, Equisetum, Pityophyllum, Schizolepis и следов жизнедеятельности Falsania, Discretella, Aciculata, Edophychnus позднеюрского ундино-даинского комплекса.

Юрско-меловой блок представлен континентальными туфогенно-осадочными и осадочными отложениями с многочисленными остатками конхострак Bairdestheria, остракод Darwinula, Cypridea, Mantelliana, Torinina, Limnocypridea, Rhinocypris (низы разреза), Ussuriocypris, Daurina, Rhinocypris, Mantelliana (верхи разреза), насекомых Ephemeropsis, Coleoptera, Terrindusia, Ostracindusia, рыб Lycoptera middendorfii и с редкими гастроподами Lioplax, Gyraulus и растениями Czekanowskia, Sphenobaiera тургинского юрско-раннемелового комплекса.

Нижнемеловые терригенные, в основном песчаниковые отложения согласно или с незначительными местными несогласиями залегают на юрско-меловых тургинских и охарактеризованы остатками пресноводных остракод Limnocypridea, Lycopterocypris, насекомых, рыб Lycoptera fragilis, растений Equisetum, Ginkgoites, Pityophyllum, Pityospermum и многочисленных следов жизнедеятельности, приуроченных к алевролитам низов разреза: Arborella, Brevipachnites, Bitchectella, Latibulina, Leptella, Torusella, Vallumbolithos.

Блоковое строение бичектуйского разреза, значительные временные перерывы между стратиграфическими подразделениями, индивидуальность разрезов блоков, отсутствие унаследовательности комплексов органических остатков являются особенностью данного разреза, которая вполне объяснима, если принять террейновое строение региона.

Четвертый ундинский разрез по р. Унда туфогенно-осадочных отложений *(средняя-верхняя юра-верхняя юра-конец юры-начало мела-нижний мел)* является стратотипическим для юрско-меловых отложений межгорных впадин и расчленен на шадоронскую (средняя-верхня юра), ундино-даинскую (верхняя юра) серии, тургинскую (конец юры-начало мела) и кутинскую (нижний мел) свиты [8].

Шадоронская серия (средняя-верхняя юра) характеризуется резко увеличенными мощностями псефитов в асимметричных циклитах, наличием лав наземного вулканизма, скудными фаунистическими остатками (двустворки Daurinia, Subtilia, Micromelania, насекомые Dzeregia, Allognosis, Agrilum) и широким развитием растительных сообществ: Czekanowskia, Phoenicopsis, Heilungia, Coniopteris, Cladophlebis и др. Для шадоронского комплекеса выделяются роды-индексы как Heilungia-Dzeregia-Daurinia-Subtilia.

Ундино-даинская серия (верхняя юра) представлена туфоконгломератами, туфопесчаниками с пачками тонкослойчатых пепловых туффитов, туфов, потоками лав и лавобрекчий, залегающих с несогласием на размытых отложениях шадоронской серии и охарактеризованных двустворками Arguniella, Musculiopsis, Corbicula, щитнями Prolepidurus, конхостраками Sphaerestheria, Palaeolynceus, остракодами Darwinula, аностраками Chirocephalus, насекомыми Proameletus, Sinitsia, Memptus, Furvoneta, Mesoneta, Unda и др. и массовыми захоронениями с корневой системой хвощей Equisetum undense Srebr. (хвощевая почва). Ундино-даинский позднеюрский комплекс состоит из остатков временных обитателей временных вулканических озер, характеризуется наличием доминантов родов-индексов как Prolepidurus – Palaeolynceus – Chirocephalus- Proameletus-Sinitsia и не имеет общих видов с шадоронским.

Тургинская свита (конец юры-начало мела) состоит из базальных конгломератов, песчаников, пачек алевролитов и туфоалевролитов с аргиллитами и пепловыми туффитами. В низах разреза редки маломощные слои органогенных известняков-ракушняков с массовыми захоронениями остракод Daurina, Torinina, Mongolianella, моллюсков Limnocyrena, Radix, рыб Stichopterus, растений Equisetum, Muscites (Лесково). В ядрах песчаных конкреций установлены конхостраки Defretinia. В алевролитах и аргиллитах обнаружены остатки конхострак Bairdestheria, насекомых Geotrupoides, Orthoptera, Haglidae, Neuroptera, Limoniidae, Terrindusia, Folindusia, Ostracindusia, Secrindusia, рыб Lycoptera middendorfii и растений Pseudolarix, Carpolithes. Среди приведенного тургинского комплекса определены роды-индексы как Bairdestheria-Lycoptera middendorfii-Stichopterus- Daurina-Pseudolarix. Отложения залегают с несогласием на размытых породах шадоронской и ундино-даинской серий и выполняют изолированные грабены. Общих видов с биотой ундино-даинской серии данного разреза не установлено.

Кутинская свита (нижний мел) сложена в основном конгломератами с редкими прослоями песчаников и песчанистых алевролитов, содержащих единичные фрагменты стеблей хвощей Equisetum. Отложения свиты залегают с несогласием на отложениях подстилающих подразделений.

Абиотические кризисы в шадоронское, ундино-даинское, тургинское и кутинское время фиксируются в несогласиях между сериями и свитами, в смене масштабов и типов речных систем, в появлении серии аллювиальных и вулканических озер, а биотические выражаются в отсутствии унаследовательности в развитии сообществ, в вымирании целого ряда таксонов и появлении новых.

Таким образом, в Забайкалье можно выделить несколько глобальных биотических кризисов, совпадающих с мировыми кризисами, а именно – появление-становление и вымирание бесскелетной протерозойской удоканской биоты (Удоканский прогиб); появление-становление и вымирание первой скелетной раннекембрийской георгиевской биоты (Георгиевка), а также целый ряд местных биотических

кризисов как конец кембрия-ордовик, вымирание кембрийских видов и появление новых видов ордовикских беспозвоночных (верхне-каларская серия Верхне-Каларской впадины); конец перми – начало триаса - вымирание палеозойских организмов и появление новых мезозойских таксонов (акша-илинская серия Средне-Ононского прогиба; борзинская серия Борзя-Биликтуя); юрская регрессия моря в Аргунской зоне и заселение суши – возникновение лесов, озер, болот с определенными сообществами организмов (шадоронский разрез Шадоронского прогиба); юрский этап развития вулканизма и временных вулканических озер со специфической биотой временных обитателей (ундино-даинская серия Ундино-Даинской и Пришилкинской впадин); конец юры-начало мела и ранний мел – вымирание большей части юрских организмов и появление меловых (тургинская и кутинская свиты; р.Турга, п. Бичектуй, Лесковский и Шивиинский грабены).

Литература

1. Атлас фауны и флоры палеозоя и мезозоя Забайкалья: монография / А.В. Куриленко [и др.]; под ред. А.Н. Олейникова. Новосибирск: Наука, 2002. 713 с.
2. Богданов Ю.В., Кочин Г.Г., Кутырев Э.И. и др. Медистые отложения Олекмо-Витимской горной страны. Л.: Недра, 1966. 386 с.
3. Демиденко Ю.Е. Новые склериты ханцеллориид из нижнего кембрия Южной Австралии // Палеонтологический журнал, № 4. М.: Наука, МАИК «Наука/Интерпериодика», 2000. С. 20-24.
4. Еськов К.Ю. Удивительная палеонтологния. М.: ЭНАС, 2008. 312 с.
5. Синица С.М., Вильмова Е.С., Туранова Т.К. Протерозойские экосистемы удоканского комплекса // Удокан. Геология, Рудогенез. Условия освоения. Новосибирск: Наука, 2003. С. 26-42.
6. Синица С.М. Этапы развития органического мира Забайкалья и экологические кризисы // Ученые записки ЗабГГПУ. Чита, 2010. № 1 (30). С. 68- 78.
7. Синица С.М. Георгиевский геологический парк Забайкалья // Природоохранное сотрудничество в трансграничных экологических регионах: Россия, Китай, Монголия. Чита, 2011, С.156-162.
8. Синица С.М. Переходные горизонты в стратиграфии верхнего мезозоя Забайкалья // Вестник ЧитГУ. Чита: ЧитГУ, 2011. № 3 (70). С. 98-103.
9. Сережникова Е.А. Вендские эдиакарии Зимнего берега Белого моря. Новые находки и новые реконструкции // Палеонтологический журнал, № 4. М.: Наука, 2005. С. 46-55.
10. Федонкин М.А. Беломорская биота венда (докембрийская бесскелетная фауна севера Русской платформы): монография. М.: Наука, 1981. 100 с.
11. Zhegallo E.A. Atlas of Microorganismus from Ancient Phosphorites of Khubsugul (Mongolia). Huntsville, Alabama, USA, Nasa / TP, 2000.

Коротко об авторе ***Briefly about the author***

Синица С.М., д-р геол.-минер. наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН (ИПРЭК СО РАН)
Сл. тел.: 35-41-67

S. Sinitsa, Doctor of geological and mineralogical sciences, associate professor, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology of Siberian Branch under the Russian Academy of Sciences

Научные интересы: палеонтология и стратиграфия докембрия и фанерозоя Забайкалья и Монголии; тафономия и палеоэкология, палеоэкосистемы; охрана геологического наследия, Геологическая Красная Книга Забайкалья; геологические памятники; научный туризм

Scientific interests: paleontology and stratigraphy of Precambrian and Phanerozoic of Zabaikalie and Mongolia; taphonomy and paleoecology, paleoecosystems; protection of geological heritage, Geological Red Book of Zabaikalie; geological monuments; scientific tourism

УДК 622.333

Щелканов Николай Сергеевич
Nikolai Shchelkanov

Овешников Юрий Михайлович
Yuri Oveshnikov

Субботин Юрий Викторович
Yurii Subbotin

РЕКУЛЬТИВАЦИЯ ОТВАЛОВ ВСКРЫШНЫХ ПОРОД НА УГОЛЬНЫХ РАЗРЕЗАХ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ

RECLAMATION OF TAILINGS DUMPS AT COAL MINES OF ZABAYKALSKY REGION

Рассмотрены негативные последствия ведения открытых горных работ на угледобывающих предприятиях Забайкальского края. Дана характеристика технологий разработки и последствий горных работ для Харанорского и Татауровского буроугольных месторождений. Приведен перечень основных мероприятий по восстановлению нарушенных земель. Предложена экскаваторная технология рекультивации, позволяющая спланировать внутренние отвалы вскрышных пород без привлечения дополнительной техники и горного оборудования. Представлены основные формулы для определения параметров экскаваторных отвалов под лесохозяйственные и сельскохозяйственные виды использования, а также для расчета объемов работ драглайна при рекультивации и производстве вскрышных работ

Ключевые слова: *окружающая среда, рекультивация, разрез, месторождения угля, нарушенные земли, способы отвалообразования, отвал вскрышных пород*

The negative impacts of surface mining at coal mines of Zabaikalie region are observed. The characteristic of the technology development and the effects of mining for Kharanorskaya and Tataurovsky lignite deposits are given. A list of the main activities to restore damaged land is suggested. Excavator remediation technology, which allows the internal plan of overburden dumps without additional equipment and mining equipment, is proposed. The basic formula for determining the parameters of excavation piles under forestry and agricultural uses, as well as to calculate the amount of work in restoration and dragline stripping production is described

Key words: *environment, reclamation, sections, coal, disturbed land, methods dumping, blade overburden*

Горнодобывающие предприятия представляют собой комплексный источник негативного влияния на окружающую среду. При этом открытый способ разработки месторождений полезных ископаемых характеризуется наиболее высокой степенью опасности, интенсивности и воздействия на компоненты природы. Так, например, в результате производства открытых горных работ зона их отрицательного воздействия

на природную среду в несколько раз превышает площадь, занятую непосредственно карьерными выемками.

Как правило, площадь земельного отвода (отчуждаемые земли открытых горных разработок) включает нарушенные (60...95 %) и ненарушенные (5...40 %) территории. К нарушенным относятся земли, занятые горными выработками, отвалами, хвосто- и шламохранилищами, промплощадками, транспортными и другими коммуникациями, а к ненарушенным – охранные зоны, площади между зданиями, сооружениями и под застройку [8].

В соответствии с действующим природоохранным законодательством, все горнодобывающие и перерабатывающие предприятия обязаны осуществлять рекультивационные работы, т.е. комплекс горнотехнических, инженерных, мелиоративных, сельскохозяйственных и гидротехнических мероприятий, направленных на восстановление биологической продуктивности, хозяйственной ценности нарушенных земель и улучшение состояния окружающей среды с учетом хозяйственных, природоохранных, культурных, эстетических, санитарно-гигиенических и других требований общества [3, 4, 5, 6, 9].

Визуально видимые и значительные по площади геомеханические нарушения земной поверхности особенно характерны для угольных разрезов, разрабатывающих горизонтально- и пологозалегающие пласты. В покрывающих и подстилающих вскрышных породах большинства угольных месторождений встречаются токсичные элементы: ртуть, свинец, мышьяк, кадмий, цинк и др. Это обстоятельство значительно усложняет восстановление нарушенных земель. Горные породы, содержащие токсичные элементы, сложно использовать в дальнейшем при рекультивации. Их необходимо размещать на глубине не менее 1,5...3,0 м от поверхности [1, 2].

Практика работы разрезов Забайкальского края, осуществляющих открытую разработку буроугольных месторождений, показывает, что основными объектами нарушения рельефа и загрязнения окружающей среды, в том числе поверхностных и подземных вод, а также воздушного бассейна являются отвалы вскрышных пород. Установлено, что под отвалы отторгаются десятки тысяч гектаров земель, пригодных для сельскохозяйственной деятельности. При этом в течение нескольких десятков лет на разрезах не соблюдались требования Федерального закона об охране окружающей среды, т.е. складирование вскрышных пород, как правило, производилось на предварительно снятый потенциально-плодородный слой, который представляет особый интерес с точки зрения сохранения в нем питательных веществ и целесообразности использования его в дальнейшем на биологической стадии рекультивации. Поэтому проблема восстановления продуктивности нарушенных земель и устранения или снижения до минимума последствий вредного воздействия угольных разрезов Забайкальского края на земельные ресурсы имеет важное экономическое и социальное значение.

В настоящее время данная проблема требует решения, т.к. связана с сохранением и использованием одного из ценнейших даров природы – почвы и ее плодородия [7]. Следовательно, все задачи по изысканию способов и технологий, позволяющих использовать потенциально-плодородный слой вскрышных пород для восстановления нарушенных горными работами земель, а также исследования по оценке содержания питательных веществ в верхней части рекультивируемых участков, предназначаемых для использования в агросистемах, являются актуальными.

На разрезе «Восточный» применяется бестранспортная система разработки с применением на производстве вскрышных работ шагающего экскаватора марки ЭШ-10/70. При этом весь объем вскрышных пород предусмотрено размещать во внутренние отвалы. К началу 2014 г. открытыми горными работами будет нарушено более 700 га земель, в том числе луговая растительность с редколесьями [10].

ОАО «Разрез Харанорский» является крупнейшим угледобывающим предпри-

ятием Забайкалья, обеспечивающим в значительных объемах потребность в энергетических углях восточные регионы Российской Федерации.

На разрезе «Харанорский» применяется комбинированная система разработки. На бестранспортной вскрыше используются отвальные шагающие экскаваторы – ЭШ-13/50 и ЭШ-10/70. На автотранспортной вскрыше – забойные экскаваторы ЭКГ-12,5 и автосамосвалы: БелАЗ-7519 и БелАЗ-75131.

Для вывозки вскрышных пород железнодорожным транспортом на внутренний и внешний отвал используются думпкары 2ВС-105 и тепловозы ТЭМ-7, ТЭ-3, 2ТЭ-10В.

Для уменьшения вредного влияния открытых горных работ на окружающую среду рабочими проектами предусматривается проведение специальных мероприятий и работ. Главной из них является рекультивация поверхности отвалов и возвращение земель народному хозяйству.

Процесс рекультивации принято делить на два последовательно выполняемых комплекса работ по восстановлению нарушенных земель: горнотехнический и биологический этапы рекультивации (см. таблицу) [3, 5, 7, 10].

Целью первоначального горнотехнического этапа рекультивации является подготовка территории для освоения и приведение нарушенных земель в пригодное состояние. Целью второго этапа – восстановление плодородия нарушенных земель.

Основные мероприятия по восстановлению нарушенных земель

Этапы рекультивации	Мероприятия
Горно-технический	Селективное формирование отвалов с покрытием их поверхности плодородным слоем
	Планирование поверхности отвалов, формирование террас
	Приведение в устойчивое состояние откосов отвалов и бортов карьеров их террасирование
	Упрочнение поверхности, технологические схемы технической рекультивации отвалов от водной и ветровой эрозии
	Утилизация пород отвалов в промышленности и строительстве в качестве стройматериалов и наполнителей бетона
	Ремонт нарушенных земель, их уплотнение и планировка
Биологический	Временное озеленение, нанесение на поверхность биологически активного слоя
	Нанесение на поверхность отвалов и других рекультивируемых земель плодородного слоя почвы, внесение удобрений
	Озеленение, подбор наиболее благоприятных пород деревьев, кустарников, трав
	Полное восстановление биологического потенциала нарушенных земель
	Постоянное проведение противоэрозионных мероприятий
	Восстановление эстетической ценности нарушенных территорий

При выполнении горнотехнического этапа наиболее трудоемким мероприятием является процесс планирования поверхности отвалов.

Годовой объем работ по планировке отвала (Vпл, м^3) определяется по формуле

$$V_{пл} = L \times B \times q(1+\varphi), \qquad (1)$$

где L – длина линии отвальной отсыпки, м;

B – годовое подвигание забоя, м;

q – удельный объем планировки при полном выравнивании отвала, м^3/м^2;

φ – коэффициент, учитывающий необходимость повторной планировки при усадках массива отвала (по данным практики φ = 0,2...0,3).

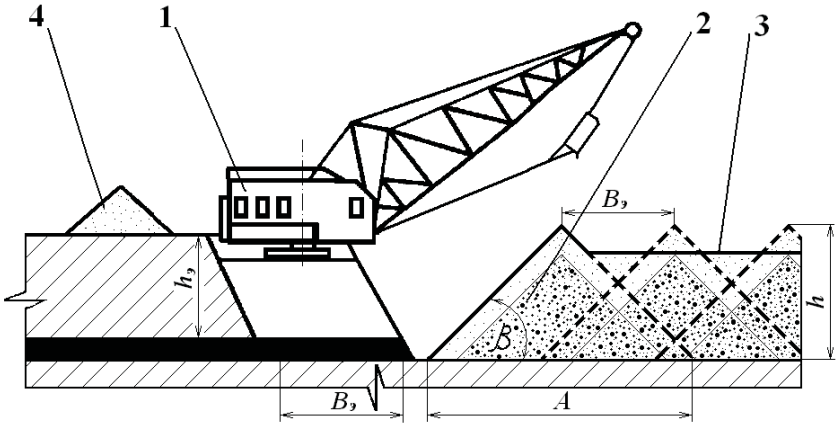
Покрывающие породы на угольных разрезах Забайкальского края, как правило, мягкие и представлены супесями, пес-

чаниками, аргиллитами и алевролитами. Поэтому при бестранспортной системе разработки на разрезе «Восточный», а также при отработке нижних уступов на разрезе «Харанорский» производство вскрышных работ осуществляется прямой укладкой покрывающих пород в выработанное пространство драглайнами типа ЭШ-10/70. При этом горнотехническая рекультивация нарушенных земель отстает во времени и пространстве от ведения вскрышных и отвальных работ и производится с применением бульдозерной техники.

Известны различные способы механизации работ при отвалообразовании и восстановлении поверхности нарушенных земель, отличающиеся многообразием в зависимости от горногеологических условий залегания месторождения, характеристики полезного ископаемого и вмещающих пород, а также от применяемой технологии ведения открытых горных работ.

Для повышения эффективности отвальных работ и восстановления поверхности земель, нарушенных открытыми горными работами, нами предложена и апробирована на угольном разрезе «Восточный» экскаваторная технология рекультивации вскрышных отвалов. Данная технология разработана сотрудниками кафедры ОГР ЗабГУ. Она успешно прошла промышленные испытания на прииске «Дальнетайгинский» ПО «Лензолото» для восстановления нарушенных земель при разработке золотоносных россыпных месторождений.

Данная технология относится к частично совмещенным технологическим схемам формирования откосов и рекультивации отвалов на угольных разрезах и предусматривает применение экскаватора-драглайна, одновременно выполняющего вскрышные работы (выемку и размещение в нижней части внутреннего отвала покрывающих пласт песчаников и неплодородных пород) и рекультивацию, включающую предварительное снятие и временное складирование почвенного покрова и потенциально-плодородных пород на рабочий борт разреза, а также нанесение его при обратном ходе драглайна на слой песчаника (см. рисунок).



Экскаваторная технологическая схема формирования откосов и рекультивации внутренних отвалов вскрышных пород на угольных разрезах: 1 – драглайн; 2 – отвалы песчаников и неплодородных пород; 3 – спланированные отвалы; 4 – предварительно снятые плодородный и потенциально-плодородный слои породы

Экскаваторная технологическая схема формирования откосов и рекультивации внутренних отвалов вскрышных пород на угольных разрезах осуществляется следующим образом.

Шагающий экскаватор типа ЭШ-10/70 устанавливается на подуступе и производит выемку плодородного и потенциально-плодородного слоев породы на всю высоту первого подуступа верхним черпа-

нием. Эти породы временно складируются на рабочем борту разреза. Одновременно производится выемка крепких песчаников и неплодородных пород второго подуступа нижним черпанием и складирование их во внутренние отвалы. При обратном ходе драглайна плодородный и потенциально-плодородный слои породы, временно размещенные на рабочем борту разреза, переэкскавируются в выработанное пространство разреза поверх песчаников и неплодородных пород. Одновременно шагающий экскаватор производит выполаживание откоса и грубую планировку отвала.

При складировании пород вскрыши в один ряд на рабочем борту угольного разреза объемы рекультивации и параметры экскаваторных отвалов под лесохозяйственное и сельскохозяйственные виды использования предлагается определять по формулам:

1. Высота отвала (h, м)

$$h = \sqrt{\frac{K_p h_э B_э}{ctg\,\beta}}, \qquad (2)$$

где $K_р$ – коэффициент разрыхления пород, ($K_р$ = 1,3);

$h_э$ – глубина вскрыши, м;

$B_э$ – ширина экскаваторной заходки, м;

β – угол естественного откоса отвала, град (β = 38°).

2. Ширина основания отвала (A, м)

$$A = 2h\,ctg\beta. \qquad (3)$$

3. Максимальная высота гребня отвала после рекультивации ($h_р$, м)

$$h_p = \sqrt{\frac{B_э h_э K_p}{ctg\alpha + ctg\beta}}, \qquad (4)$$

где α – угол откоса отвала при рекультивации в сторону угольного разреза (при лесохозяйственном направлении биологического этапа рекультивации α = 10°, при сельскохозяйственном – α = 3...5°).

4. Расстояние перемещения пород вскрыши от основания экскаваторного отвала в направлении к центру угольного разреза (L, м)

$$L = \frac{2K_p h_p h\left(1 - \sqrt{\frac{ctg\beta}{ctg\alpha + ctg\beta}}\right)}{\sqrt{\frac{B_э h_э K_p}{ctg\alpha + ctg\beta}}}. \qquad (5)$$

5. Площадь поперечного сечения рекультивируемого отвала (S, м²)

$$S = (h - h_p)^2 ctg\beta\,[1 + ctg\beta * \sin^2\alpha\,(ctg(\beta - \alpha) + ctg\alpha)]. \qquad (6)$$

Тогда объем рекультивации на площади 1 га при сплошном складировании пород вскрыши в один ряд вдоль борта угольного разреза (Vo, м³/га) будет равен:

$$Vo = \frac{10^4 S}{A + Ip}. \qquad (7)$$

Предложенная экскаваторная технология рекультивации позволяет спланировать внутренние отвалы вскрышных пород без привлечения дополнительной техники и горного оборудования.

Таким образом, применение экскаваторной технологии отвалообразования и рекультивации на основе предложенного вида технологического оборудования позволяет восстанавливать нарушенные земли (спланировать внутренние и внешние отвалы вскрышных пород) под дальнейшее лесотехническое и сельскохозяйственное использование, обеспечивая устранение зоны негативного влияния пылящих отвалов угледобывающих предприятий.

Зона влияния пылящих поверхностей внешних и внутренних отвалов вскрышных пород угледобывающих предприятий устраняется путем применения экскаваторной технологии горно-планировочных работ с использованием вскрышного экскаватора-драглайна.

Объемы рекультивации нарушенных земель на площади 1 га при сплошном складировании пород вскрыши в один ряд вдоль рабочего борта угольного разреза, а также удельные затраты на рекультивацию определяются в зависимости от мощности вскрыши и параметров отвалообразования.

Литература

1. Анистратов Ю.И. Технология открытой добычи руд редких и радиоактивных металлов. М.: Недра, 1988. 430 с.

2. Анистратов Ю.И. Технология открытых горных работ. М.: Недра, 1984. 287 с.

3. Коваленко В.С., Штейнцайг Р.М., Голик Т.В. Рекультивация нарушенных земель на карьерах. М.: МГГУ, 2003. Ч. 1. 65 с.

4. Мирзаев Г.Г., Иванов Б.А., Щербаков В.М., Проскуряков Н.М. Экология горного производства. М.: Недра, 1991. 320 с.

5. Овсейчук В.А., Овешников Ю.М., Лизункин В.М. Охрана окружающей среды при добыче твердых полезных ископаемых. Чита, ЧитГУ. 298 с.

6. Русский И.И. Отвальное хозяйство карьеров. М.: Недра, 1971. 240 с.

7. Субботин Ю.В., Овешников Ю.М., Авдеев П.Б. Процессы открытых горных работ. Чита: ЧитГУ, 2009. 334 с.

8. Томаков П.И.,Коваленко В.С. Рациональное землепользование при открытых горных работах. М.: Недра, 1984. 236 с.

9. Трубецкой К.Н.,Краснянский Г.Л., Хронин В.В., Коваленко В.С. Проектирование карьеров. М.: Высшая школа, 2009. 694 с.

10. Щелканов Н.С. Исследование почв после проведения рекультивации на разрезе «Восточный» ОАО «Читауголь» // Вестник ЧитГУ. Чита: ЧитГУ, 2009. № (52). С. 161-166.

Коротко об авторах — *Briefly about the authors*

Щелканов Н.С., аспирант, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
ogr_chitgu@mail.ru

Научные интересы: исследование рекультивации нарушенных земель открытыми горными работами, возможность использования вскрышных отвалов на угольных разрезах для лесохозяйственного и сельскохозяйственных направлений

Овешников Ю.М., д-р техн. наук, профессор, зав. каф. «Открытые горные работы», Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
ogr_chitgu@mail.ru

Научные интересы: охрана окружающей среды, снижение негативного воздействия на компоненты природной среды

Субботин Ю.В., д-р техн. наук, доцент, профессор каф. «Открытые горные работы», Забайкальский государственный университет (ЗабГУ
ogr_chitgu@mail.ru

Научные интересы: открытая разработка угольных, рудных и россыпных месторождений, охрана окружающей среды

N. Shchelkanov, post graduate student, Zabaikalsky State University (ZabGU)

Scientific interests: study revegetation open pit mining, use of overburden dumps for coal mines for forestry and agricultural areas

Y. Oveshnikov, Doctor of technical sciences, professor, head of the Opencast mining department, Zabaikalsky State University (ZabGU)

Scientific interests: environmental protection, reduction of negative impact on environmental components

Y. Subbotin, Doctor of technical sciences, associate professor, professor, Open cast mining department, Zabaikalsky State University (ZabGU)

Scientific interests: open pit coal, ore and placer deposits, environmental protection

Психологические науки

УДК 331.101.262

Калекина Анна Викторовна
Anna Kalekina

Степанова Галина Федоровна
Galina Stepanova

РОЛЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СОСТАВЛЯЮЩИХ В ОЦЕНКЕ УРОВНЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИНЖЕНЕРОВ-КОНСТРУКТОРОВ

A ROLE OF PSYCHOLOGICAL COMPONENTS IN AN ASSESSMENT OF PROFESSIONAL CULTURE LEVEL OF DESIGN ENGINEERS

Статья посвящена определению роли психологических составляющих в оценке уровня профессиональной культуры инженеров-конструкторов. Представлены структурные составляющие профессиональной культуры инженеров-конструкторов, позволяющие определять цели и задачи формирования профессиональной культуры и оценки ее уровня, что в результате дает основание заложить в сознание специалиста готовность к дальнейшему саморазвитию и повышению уровня профессиональной культуры. Оценка уровня профессиональной культуры инженеров-конструкторов позволяет также проводить диагностику кадровой ситуации на предприятии для повышения эффективности реализации кадровых программ

Ключевые слова: *профессиональная культура, психологические составляющие, инженер-конструктор*

The article is devoted to the definition of a role of psychological components in an assessment of professional culture level of design engineers. In work structural components of professional culture of the design engineers, allowing defining the purpose and problems of formation of professional culture and an assessment of its level are presented. It results in putting in consciousness of the expert readiness for further self-development and increase of level of professional culture. The assessment of level of professional culture of design engineers allows carrying out also diagnostics of a personnel situation at the enterprise for increase of implementation efficiency of personnel programs

Key words: *professional culture, psychological components, design engineer*

В современной России проблема профессиональной культуры становится актуальной вследствие возрастающей роли человеческого фактора в производственных отношениях, что вызывает необходимость переосмысления общественной ценности и определения качества деятельности субъекта труда.

В психологии труда актуальна проблематика оценки уровня профессиональной культуры инженеров-конструкторов и это обусловлено тем, что к качеству инженерно-психологических знаний предьявляются принципиально иные требования.

Профессиональная культура инженера любой специализации включает профессиональные знания, умения, навыки, профессиональный опыт, который во многом помогает применению наиболее рациональных приемов обеспечения эффективности

деятельности и ее результатов. Инженер должен уметь нечто такое, что нельзя охарактеризовать словом «знает», он должен обладать инженерным типом мышления. Его профессиональная культура определяется способностями и возможностями, приобретенными знаниями, умениями и навыками и во многом зависит от субъективных особенностей личности человека, находящегося в сфере инженерной профессиональной деятельности.

Принципом функциональной интеграции элементов профессиональной культуры является их практическая значимость в рамках человеческой деятельности. Данные элементы менее всего могут изменяться под влиянием внешней среды, а их трансформация всегда проходит болезненно для представителя профессиональной группы [5].

Профессиональная культура инженеров-конструкторов, по мнению Н.Г. Багдасарьян, характеризуется следующими чертами: профессиональная компетентность, проявляющаяся в сочетании теоретических знаний и практических навыков, что регламентируется установленными нормами и стандартами; профессиональная мобильность, способность быстро переучиваться и приобретать новые знания; развитая способность к поиску новых подходов к решению профессиональных задач, умение ориентироваться в нестандартных ситуациях; социокультурная компетентность; ответственность за последствия инженерно — технической деятельности на всех ее этапах — от проектирования до эксплуатации; следование этическому кодексу, сформированному в профессиональном сообществе [1].

С помощью теоретического анализа психологических составляющих и профессионально важных качеств инженеров-конструкторов можно задать диагностируемые признаки профессиональной культуры инженеров-конструкторов в данном исследовании, чтобы иметь возможность задать показатели, по которым оценивается уровень ее сформированности.

На основании динамической структуры личности К.К. Платонова автором разработаны требования, предъявляемые к профессиональной культуре субъекта труда, которые могут быть объединены в следующие группы качеств: качества, характеризующие личностные особенности субъекта труда; деловые и социальные качества, позволяющие устанавливать и поддерживать оптимальные отношения с людьми; профессиональные знания и квалификация, позволяющие раскрыть глубину познаний профессионала, широту интеллектуальных интересов; дисциплина и отношение к труду, отражающие как нравственные, так и волевые действия человека; ценностные ориентации, которые обнаруживаются в целях, идеалах, убеждениях, интересах и других проявлениях личности [10].

Используя разработанные профессиограммы, нами были выделены качества, входящие в структуру профессиональной культуры, обеспечивающие успешность выполнения профессиональной деятельности инженеров-конструкторов [3, 7, 9]. Структурные составляющие профессиональной культуры инженеров-конструкторов представлены на рисунке.

На рисунке показано, что в состав профессиональной культуры инженеров-конструкторов включены следующие составляющие, объединенные в два блока структурных единиц:

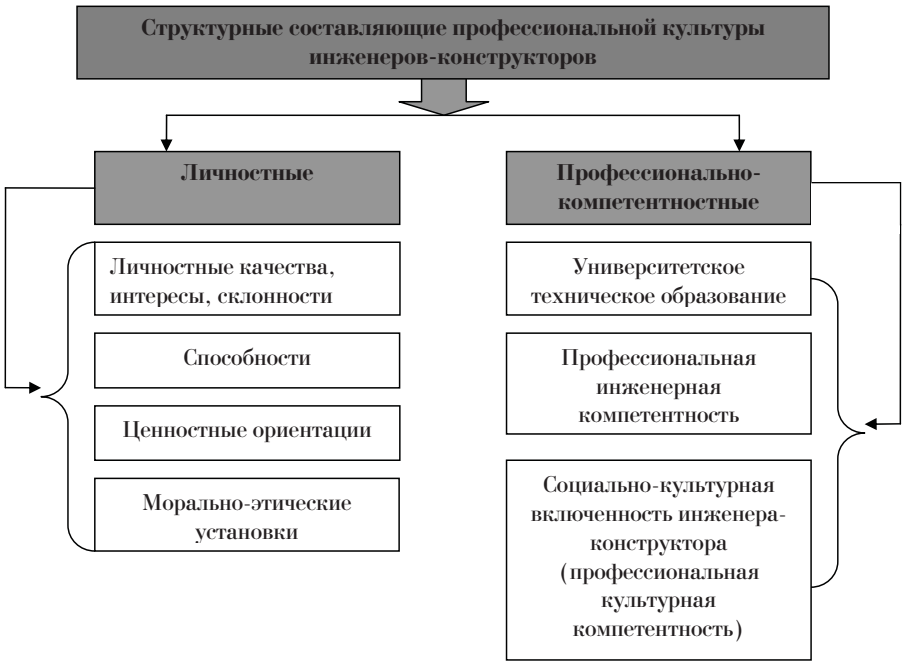
Личностный блок состоит из следующих составляющих:

— «личностные качества, интересы и склонности», которые включают в себя методичность и рациональность деятельности, настойчивость, наблюдательность, изобретательность, самостоятельность, любознательность, скрупулезность в работе, аккуратность, терпимость, усидчивость;

— «способности»: технические, математические, воспринимать большое количество информации, сопоставлять и анализировать множество разрозненных фактов, гибкость мышления (способность изменять планы, способы решения задач), высокий уровень концентрации, распределения и устойчивости внимания, хорошую память, принимать и внедрять новое на практике;

– «ценностные ориентации», которые формируются при усвоении социального опыта и обнаруживаются в целях, идеалах, убеждениях и других проявлениях личности;

– «морально-этические установки», которые определяют поведение личности по отношению к интересам других людей, моральным ценностям, социальным и этическим нормативам.



Структурные составляющие профессиональной культуры инженеров-конструкторов

Профессионально-компетентностный блок включает следующие составляющие:

– «университетское техническое образование», которое является важнейшим институциональным механизмом освоения профессиональной культуры. Чтобы социокультурный аспект инженерной деятельности не оставался лишь внешним условием профессионального опыта, а превратился бы в его важнейший структурообразующий элемент, необходимо решение двойной задачи в образовательном процессе: актуализация социокультурных смыслов техники и инженерной деятельности в учебных курсах и преодоление узкотехницистских подходов и стереотипов обучения в общенаучных и специальных инженерных дисциплинах [2];

– «профессиональная инженерная компетентность», предполагающая понимание социокультурных смыслов техники и инженерной деятельности, которая формируется в контексте современной профессиональной культуры;

– «социально-культурная включенность инженера-конструктора (профессиональная культурная компетентность)», которая определяет качество инженерной профессиональной культуры, так как социокультурная включенность является необходимым условием любого вида инженерной деятельности – от этапа зарождения и конструирования проекта до его технологического исполнения.

Представленные блоки позволяют определить цели и задачи формирования профессиональной культуры и оценки ее уровня, чтобы концентрация усилий инженеров-конструкторов приводила к созданию оптимального развития психических

процессов, способностей, творческой активности, что в результате дает основание заложить в сознание специалиста готовность к дальнейшему саморазвитию и повышению уровня профессиональной культуры.

Приведенное разнообразие признаков профессиональной культуры позволяет на основе структурного моделирования феномена «профессиональная культура» не только представить поблочный состав его содержания, но и дать обобщенную характеристику идеального образа качеств специалиста-профессионала.

Таким образом, представленные блоки составляющих профессиональной культуры инженеров-конструкторов могут служить основой для составления требований к работнику предприятий, так как именно они являются не только показателем уровня квалификации работника, но и показателями оценки уровня профессиональной культуры инженеров-конструкторов.

Литература

1. Багдасарьян Н.Г., Литвинцева А.В. Мир человека как культура // Мир через культуру. М.: Изд-во МГТУ им. И.Э Баумана, 1999. Вып. 5. 130 с.

2. Багдасарьян Н.Г. Профессиональная культура инженера: механизмы освоения. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 1998. 150 с.

3. Ломов Б.Ф. Основы инженерной психологии. М.: Высшая школа, 1986. 448 с.

4. Климов Е.А. Введение в психологию труда. М.: Изд-во МГУ, 1988. 199 с.

5. Климов Е.А. Психология профессионала. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. 387 с.

6. Климов Е.А. Как выбирать профессию. М.: Просвещение, 1990. 159 с.

7. Климов Е.А. Образ мира в разнотипных профессиях. М.: Изд-во МГУ, 1995. – 224 с.

8. Иванова Е.М. Психотехнология изучения человека в трудовой деятельности. – М.: Изд-во Института психологии РАН, 1992. 215 с.

9. Иванова Е.М. Аналитическая профессиограмма как средство обеспечения профессиональной диагностики кадров // Вестник Московского ун-та. Сер. 14. Психология. 1989. № 3. С. 13-22.

10. Платонов К.К. Структура и развитие личности. М.: Наука, 1986. 370 с.

11. Платонов К.К. Вопросы психологии труда. М.: Наука, 1970. 278 с.

Коротко об авторах ***Briefly about the authors***

Калекина А.В., канд. психол. наук, канд. экон. наук, доцент, Сургутский филиал Омского государственного технического университета
kav_0502@mail.ru

Научные интересы: психология труда, инженерная психология, эргономика (психологические науки)

Степанова Г.Ф., доцент каф. «Государственное, муниципальное управление и таможенное дело», Омский государственный технический университет
kav_0502@mail.ru

Научные интересы: психология труда, инженерная психология, эргономика (психологические науки)

A.A. Kalekina, Candidate of psychological sciences, Candidate of economical sciences, assistant professor, Surgut branch of Omsk State Technical University

Scientific interests: psychology of labour, engineering psychology, ergonomics

G. Stepanova, Assistant professor, State, municipal management and customs business department, Omsk State Technical University

Scientific interests: psychology of labour, engineering psychology, ergonomics (psychological sciences)

УДК 159.9.07

Потанина Лейла Тасировна
Leyla Potanina

ОБРАЗНО-СИМВОЛИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ

FIGURATIVELY, IS A SYMBOLIC THINKING AS MEANS OF VALUE-SEMANTIC SPHERE DEVELOPMENT OF PERSONALITY

Рассматривается образно-символическое мышление как особый вид деятельности, обусловленный единством интеллектуального, эмоционального и поведенческого компонентов, реализуемые в целостной личности. В качестве носителя смысла образно-символического мышления рассматривается категория смыслового обобщения, которая может быть выражена различными семантическими единицами. Анализируется влияние образно-символического языка на смысловую, эмоциональную сферы личности, а также на характер ее отношения к миру на уровне поведения. Вводятся основные параметры образно-символического мышления, показаны уровни каждого из параметров

Ключевые слова: *образно-символическое мышление, образно-символическая деятельность, смысловое обобщение, символ, смыслопреобразующая деятельность, понимание смыслового обобщения, конструирование смыслового обобщения*

Figuratively as a symbolic thinking is considered to be a special kind of activity, caused by the unity of intellectual, emotional, and behavioral components, implemented in person. As meaning carrier of the figurative and symbolic thinking a category a meaningful generalizations is described, which can be expressed in several different semantic units. The impact of the figurative and symbolic language of the semantic and emotional sphere of person, and also to the nature of its relationship with world at the level of behaviour is analyzed. The principal parameters of the figurative and symbolic thinking show the levels of each parameter

Key words: *image-symbolic thinking, figuratively-symbolic activity, semantic generalization, symbol, meaningful activities, meaning of generalization understanding, construction of meaningful generalizations*

Статья подготовлена в рамках выполнения гранта РГНФ № 110600614а.

В психологической литературе изучались различные аспекты образно-символического мышления (Л.С. Выготский, В.В. Давыдов, А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин, Ж. Пиаже, Н.Г. Салмина, Е.Е. Сапогова и др.), однако в контексте развития ценностно-нравственной структуры личности образно-символическое мышление не имело истории своего исследования. Несмотря на то, что в истории человечества всегда использовались образно-символические средства в качестве средства духовного развития личности (Я.А. Коменский, А.С. Макаренко, С.Т. Шацкий, В.Т. Кабуш, К.О. Карагезов, В.В. Лебединский и др.), в научной литературе не выделены значимые психолого-педагогические характеристики образно-символического мышления, благодаря которым оно являет собой богатейший развивающий потенциал.

Образно-символическим мы называем мышление, отражающее личностно-смысловое отношение человека к миру посредством образного познания свойств и взаимоотношений объектов и явлений действительности. В образно-символическом движении мысли главным является выражение *отношения* субъекта к явлениям объективной действительности. Отно-

шения могут быть самыми разными: эстетическими, социальными, нравственными и др. Когда субъектом выражаются нравственные отношения, образно-символическое мышление становится средством развития личности.

В образно-символическом движении мысли человек совершает «восхождение» от объективного значения к смыслу, что позволяет одухотворять явления реальной действительности, осуществляя «смысловое преображение бытия» (1; С. 366-367). В рамках нашего исследования под символом мы понимаем знак, представляющий идею ценностного отношения к миру. Это становится возможным при условии, если субъект использует вербальный или невербальный знак в качестве выражения своего отношения к чему-либо или к кому-либо (позитивное или негативное). Носителем смысла в образно-символическом мышлении выступает смысловое обобщение, которое может быть выражено такими близкими, но не тождественными семантическими единицами языка, как сравнение, метафора, аллегория, эмблема, символ.

Образно-символическое мышление является результатом смыслопреобразующей *деятельности* как *деятельности субъекта по преобразованию «обыденного мира» и как результат, включение его в пространство иного качества – «бытийное пространство»*. Смыслопреобразующая деятельность позволяет педагогу предъявлять мир школьнику с позиции непрагматических смыслов и, как следствие, способствует обогащению внутреннего мира личности. Данный вид деятельности выступает в качестве средства развития личности. Поэтому предлагается организация целенаправленной *смыслопреобразующей деятельности* педагога по отношению к школьнику. Смыслопреобразующая деятельность способствует развитию мотивационно-потребностной сферы личности посредством преобразования мотивов той или иной деятельности. Образно-символическая деятельность – особая мыслительная деятельность, «внутренняя работа» по производству личностных смыслов, в ходе которой происходит решение «задач на смысл» (А.Н. Леонтьев), ибо позволяет человеку транслировать свое личностно-смысловое отношение к конкретным людям, к объектам окружающей действительности и к миру в целом посредством многообразных вербальных и невербальных образно-символических средств. Образно-символическое мышление – это ценностный аспект мышления. Это процесс, направленный на развитие способности подрастающей личности взаимодействовать с миром на символическом, смысловом, ценностно-нравственном, эмпатийном уровнях.

Целью и сущностью воспитания долгие годы являлось формирование ценностных ориентаций личности, трактуемое как «вкладывание» ценностей в личность в процессе ее социализации. В качестве способа педагогического управления развитием системы ценностей личности традиционно применялись методы, осуществляющие преимущественно внешнее информационное воздействие на личность: убеждение, пример, наказание, поощрение, диалог, разъяснение. Они способствовали формированию рационального отношения ребенка к ценностям, что не могло привести к желаемому воспитательному результату. Само по себе знание детей о ценностях не гарантирует им присвоения этих ценностей. Одна лишь демонстрация ребенку широкой палитры существующих в мире духовных ценностей может никак не коснуться перестройки его ценностно-смысловой сферы и не привести к планируемому педагогами обогащению внутреннего мира ученика. Объективно существующие ценности декларативны, они заданы как объект для будущего освоения и присвоения их субъектом. Знание о нравственных ценностях и нравственные принципы, которыми руководствуется человек в поведении, – не тождественны. С целью развития *отношения* личности к ценностному знанию необходимо оказание внутреннего воздействия на его эмоциональную сферу. Воспитание чувств невозможно прямым путем, оно предполагает косвенное воздействие на личность, что возможно только через

переживание посредством создания такой психологической ситуации, которая способствует возникновению и развитию эмоционального отношения человека к определенному кругу явлений действительности. Как доказано психолого-педагогическими исследованиями, моральные идеи, нормы, принципы в отвлеченной форме трудно воспринимаются детьми и подростками. Они усваиваются легче и успешнее, если связываются с конкретными предметами, действиями, возвышающими яркие и глубокие переживания... Это происходит благодаря большой наглядности, которая выражается в символах, действиях, музыкальных оформлениях ритуала. Огромный воспитательный потенциал символического образа позволяет включать его в систему воспитательных средств и, реализуя заложенные в нем возможности, возвышать ребенка до вечных проблем жизни, до мировоззренческого уровня восприятия действительности. В каждый из исторических периодов, в зависимости от уровня цивилизации и культуры, формирование подобных сфер осуществлялось различными средствами и способами.

Теоретический анализ сущностных характеристик образно-символического мышления позволил определить возможный потенциал его влияния на границы смыслового поля личности, на развитие ее эмоциональной сферы, а также на характер отношений к миру на уровне поведения. В связи с этим, нами введены основные параметры образно-символического мышления – *широта, глубина* и *оригинальность*. Показаны уровни каждого из параметров:

1. Широта – мера обобщенности смыслового поля, в котором протекает деятельность субъекта. Широта смыслового поля определяется границами того социально-психологического пространства, где конкретный знак выступает в качестве носителя смысла. Операционально были введены следующие измерения широты образно-символического мышления: 1) индивидуальное (персональное) поле; 2) групповое (региональное) поле; 3) общечеловеческое поле. Персональное поле – это пространство, в котором субъект взаимодействует с миром объектов, находящимся в поле его окружения, что соответствует индивидуальным смыслам. Групповое (региональное) поле – это пространство, в котором субъект взаимодействует с множеством смыслов, известных в определенном национально-культурном регионе. Общечеловеческое – это пространство, в котором субъект взаимодействует с миром смыслов, известных всему человечеству. Это уровень общечеловеческих смыслов.

2. Глубина – уровень обобщения смыслового поля, уровень ценности, на основе которой устанавливается связь. Этот процесс, благодаря способности образа функционировать на различных уровнях реальности, несводимых и невыводимых друг из друга, существующих одновременно и всегда (4; С. 5), может осуществляться на уровне фундаментальных ценностей, касающихся жизнеустройства человека, ценностей, выражающих смысл жизни человека, его целевые установки, отношение к духовным ценностям. Ценности могут отражать и более частные проявления личности. Под образом мы понимаем носителя смыслового обобщения, подобно тому, как знак является носителем значений. По широте образно-символического поля образ может представлять собой не самый высокий уровень, при этом, по глубине – восходить к отражению универсальных ценностей. Например, на Кавказе существует обычай, согласно которому брошенный женщиной на землю платок останавливает воинственно настроенную толпу. Данный символ, ограниченный региональными рамками, отражает такие генеральные, универсальные ценности, как стремление человечества к миру, роль женщины – матери в решении важнейшего вопроса человечества. На этом основании мы выделяем следующие уровни глубины образно-символического мышления: 1) уровень универсальных ценностей; 2) уровень надстроечных ценностей.

3. *Оригинальность* – характер, способ устанавливаемых связей в образно-символическом мышлении. Результатом абстрагирующей деятельности субъекта, в

процессе которой устанавливаются определенные связи, отношения между предметами, явлениями, процессами на основе их сравнения по каким-либо характеристикам, является образ. Смысловое обобщение может быть представлено такими близкими, но тождественными теоретическими, структурно-семантическими категориями, как метафорой, аллегорией, эмблемой. Высочайшая степень смысловой насыщенности принадлежит символу, благодаря чему он способен какие-то незнаемые вещи сделать приемлемыми для нашего сознания (5; С. 130). Связи, устанавливаемые в процессе образно-символической деятельности, могут быть стандартными, шаблонными, предсказуемыми, а могут – самыми необычными, неожиданными, яркими, своеобразными. По нашему мнению, способ установления связи в процессе создания образа, направленный на выражение смыслов, является критерием оригинальности. По данной характеристике мы выделяем три уровня: низкий, средний, высокий.

Обозначенные уровни представлены разными структурно-семантическими категориями: сравнением, аллегорией, метафорой, художественным образом, символом. Оригинальность мышления способствует расширению арсенала и палитры способов выражения смыслового отношения к жизни, выводит субъекта на неувядающий интерес к миру и нахождению своего индивидуального пути взаимодействия с ним.

4. Способность к созданию (порождению) образа рассматривается нами как умение субъекта целенаправленно и самостоятельно создавать (порождать) образ в процессе образно-символической деятельности. Это индивидуальный процесс преобразования объекта в смысловое обобщение, что не есть результат простого запечатления взаимодействия субъекта с объектом, но продуктивный, творческий процесс, в результате которого происходит трансформация объективного содержания. «При этом действие индивида приобретает порождающий характер и все более теряет форму ответа: его результат шире, чем исходная цель...творчество в узком смысле слова начинается там, где перестает быть *только ответом*, только решением заранее поставленной задачи. Оно остается и решением, и ответом, но вместе с тем в нем есть нечто «сверх того», что и определяет его творческий статус» (3; С. 82).

Как в любой форме познания, в образно-символической деятельности имеют место репродуктивный и продуктивный моменты. Когда в образно-символической деятельности доминирует продуктивная деятельность по формированию содержания образа, оно соответствует способности субъекта к воображению на творческом уровне. По данной характеристике мы выделяем три уровня: 1) отсутствие способности к самостоятельному созданию образов; 1) способность к репродуктивному порождению образов; 2) способность к продуктивному, самостоятельному, творческому порождению образов.

Репродуктивный уровень образно-символического мышления указывает на использование субъектом в своей деятельности уже существующих, кем-то созданных образов. *Продуктивный* уровень образно-символического мышления демонстрирует способность субъекта к самостоятельному созданию образа.

Результаты проведенного нами исследования (6) показали, что воспитание нравственных качеств у школьников разных групп при почти одинаковом низком уровне развития у них образного мышления осуществляется более эффективно, если педагогами используется образная речь в отличие от воспитания без использования художественно-образных средств. Отсюда вытекает необходимость профессионального уровня владения образно-символическим мышлением педагогом, предполагающий высокий уровень понимания образно-символического языка, способность порождения образно-символических средств и осознанность образно-символической деятельности. Деятельность понимания образно-символического языка предполагает способность субъекта прочитывать самые разные образы по содержанию: широкие, глубокие, оригинальные. Понимание обус-

ловлено мотивами, целями человека, а поэтому определяется мерой его социально-психологического развития. Высокий уровень понимания не является гарантией способности порождения образно-символических средств.

Педагоги, пользующиеся образно-символическими средствами с воспитательными целями или формирующие у школьников образно-символическое мышление, должны владеть действием трансляции (объяснять значения единиц ОСМ) и другим обучающим действиям (отработки, контроля хода и результатов обучения), что соответствует осознанному уровню образно-символического мышления.

Для анализа образно-символического мышления на поведенческом уровне вводится еще одна важная характеристика – *сопричастность* субъекта к другому человеку и миру, определяющая смысл желаемого действия субъекта, характер его отношений к ценностным явлениям, предполагающая единство интеллектуального и эмоционального в жизнедеятельности личности. Вводятся и рассматриваются три уровня данной характеристики: 1) сочувствие; 2) соучастие (содействие); 3) поступок. Уровень сочувствия соответствует взаимодействию субъекта с миром, основанному на отзывчивом, участливом отношении к Другому. Соучастие предполагает выход субъекта на активное участие по отношению к Другому. Высший уровень сопричастного отношения к миру предполагает выход субъекта на самостоятельный поступок, действия которого регулируются не только существующими и известными в культуре образцами поведения, но и выходят за их пределы, требуя от субъекта конструирования новых форм. Главным для поступка является его «аксиологичность» – опосредствованность ценностями. Это ценностный общечеловеческий уровень взаимодействия субъекта с миром. Исполняя правила, подчиняясь нормам, субъект выстраивает систему действий – «живет, выстраивая поведение». В этом случае справедливо говорить не о личности, а, согласно В.В. Петухову и В.В. Столину, о социальном субъекте (или социальном индивиде). Ребенка невозможно будет вывести на поступок, с которого начинается личность, пока за нормой и правилами он не обретет личностный смысл, то есть осознанное, устойчивое и сформированное отношение к ценностному явлению жизни. Работа с детьми на смысловом уровне кардинально изменяет характер социального развития ребенка, оснащая его способностью видеть за конкретным общее, за материальным – духовное, за предметом – ценность жизни (7). Символическое поведение, в отличие от нормативно-инструктивного, несет в себе ценностное отношение, ибо форма его проистекает и выстраивается ради смысла. Поэтому символическое поведение способно вызывать особое психологическое состояние, инициируя сопереживание. Способность к «восхождению» поведения на символический уровень обнаруживается у того, кто «восходит» на уровень символического смыслового восприятия мира, кто «находится не в пространстве вещей и предметов, а в пространстве событий» (5; С. 538). «Восхождение» к символическому поведению, на наш взгляд, обусловлено, с одной стороны, личностной свободой человека – субъекта; с другой – принципиальным постоянством и устойчивостью поведенческих черт человека, когда он самостоятельно и свободно проявляет свое «Я», сознательно производит ценностный выбор. «Смысловой уровень регуляции не предписывает, таким образом, готовых рецептов поступков, но вырабатывает общие принципы, которые в разных ситуациях и деятельностных пересечениях могут быть реализованы разными внешними (но едиными по внутренней сути) действиями. Лишь на основе этих принципов впервые появляется возможность оценки и регуляции деятельности не с ее целесообразной, прагматической стороны – успешности или неуспешности течения, полноты достигнутых результатов и т. п., а со стороны нравственной, то есть со стороны того, насколько правомерны с точки зрения этих принципов реально сложившиеся отношения между целями и мотивами, целями и средства-

ми их достижения... главным становятся не цели, а нравственная оценка этих целей, не успехи, а средства, которые были выбраны для их достижения» (2; С. 291). Гуманистические позиции современного образования предполагают во взаимодействии с ребенком выход за пределы постоянного контроля над ним, оснащая его разнообразием необходимых умений и навыков и освещая его выбор широкими и глубокими смыслами наивысших ценностей жизни. При таком подходе взаимодействие личности с миром будет осуществляться посредством символа (но не правила), отношения (но не нормы), образа поведения, форма которого будет создаваться творчески. Выделенные нами характеристики образно-символического мышления тесно взаимосвязаны и взаимозависимы между собой, обусловлены индивидуальным опытом и социокультурными условиями.

Образно-символическое мышление — это благоприобретаемое видение мира, оно не дается человеку от рождения, а является результатом сложного и длительного онтогенетического процесса развития и требует целенаправленной работы по его формированию. Как важнейшее средство развития системы ценностей школьника, использование образно-символического мышления в системе школьного образования является необходимой частью образовательного процесса, а следовательно, важной составляющей педагогического мастерства. Поэтому образно-символический язык должен стать необходимым средством профессиональной деятельности педагога, а его развитие требует целенаправленной и систематической деятельности по его формированию, заставляя по-иному рассматривать функции и результат учебно-воспитательного процесса и профессиональную подготовку педагогов. Особая роль при этом должна быть отведена научно-методической и психологической подготовке педагогов к использованию образно-символического языка в качестве средства педагогического воздействия, которая должна носить системный характер, обеспечивающий целенаправленное формирование педагогической способности к развитию у школьника личностно-смыслового отношения к действительности.

Литература

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. 424 с.

2. Братусь Б.С. Личностные смыслы по А.Н. Леонтьеву и проблема вертикали сознания // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А.Н. Леонтьева. М.:Смысл, 1999. 429 с.

3. Богоявленская Д.Б. Ученые записки кафедры общей психологии МГУ. Вып. 2 / Под общ. ред. Б.С. Братуся, Е.Е. Соколовой. М.:Смысл, 2006. 512 с.

4. Кулагина Н.В Символ и символическое сознание // Культурно-историческая психология, 2006. № 1.

5. Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. М., 1997. 570 с.

6. Потанина Л.Т., Гусев А.Н. Связь образно-символического мышления с развитием ценностно-смысловых представлений личности // Вопросы психологии. 2008. № 2. С. 30-40.

7. Потанина Л.Т., Щуркова Н.Е. Символика поведения. М., 2001. 96 с.

Коротко об авторе ***Briefly about the author***

Потанина Л.Т., канд. пед. наук, ст. науч. сотрудник, научно-практическая лаборатория проблем социализации Московского государственного областного университета
leila652006@yandex.ru

L. Potanina, Candidate of pedagogical sciences, senior scientific researcher, scientific practical laboratory of the problems of socialization, Moscow State Regional University

Научные интересы: педагогическая психология, психолого-педагогические технологии обучения и воспитания, активные формы и методы обучения

Scientific interests: pedagogical psychology, psychological technologies in education, active forms and methods of education

Социологические науки

УДК 316.7

Авраменко Светлана Николаевна
Svetlana Avramenko

ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕТОДА МОЗАИКИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ЭТНОКОЛОРИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРВЬЮ

EFFECTIVE METHOD OF MOSAIC DURING ETNOCOLORISTC INTERVIEW

Представлен инновационный метод социологического исследования, способствующий определению цветовых предпочтений личности путем использования его основных критериев. Метод мозаики позволяет идентифицировать цветовые предпочтения отдельной этнической группы посредством обобщения множеств ассоциативных представлений о цветах и оттенках ее отдельных представителей. Эффективность метода заключается в получении наиболее полной информации не только о цветовых предпочтениях различных народов и цветовом языке их этнической культуры, но и об индивидуальном стремлении личности постигать «чужую» культуру, что делает его особенно актуальным на этапе развития и укрепления межкультурных коммуникаций

Ключевые слова: *глобализация, многообразие культур, этносоциальные представления, этническая самоидентификация, цвет и национальность, этноколористическое интервью, цветовые предпочтения, метод мозаики*

The paper presents an innovative method of sociological research to determine the color preferences of the individual through the use of its main criteria. The method of mosaic allows the identification color preferences of a particular ethnic group by generalizing set associative representation of the colors and shades of its individual members. The effectiveness of the method is to obtain the most complete information not only about the color preferences of different peoples and color language of their ethnic culture, but also the personality of the individual striving to comprehend the «foreign» culture, which makes it particularly relevant to the stage of development and the strengthening of intercultural communication

Key words: *globalization, multiculturalism, ethnic-social views, ethnic identity, color, nationality, etnocoloristic interviews, color preferences, the method of mosaic*

Стремительное развитие международных связей, активное взаимодействие и взаимопроникновение цивилизаций стало импульсом для изучения условий успешного и взаимовыгодного межкультурного диалога. Интенсивность сотрудничества представителей различных народов растет с каждым днем, углубляется взаимодействие экономических, политических, социокультурных систем разных стран. С учащающейся в глобализующемся мире практикой международных коммуникаций становится очевидным, что в процессе межкультурного диалога недостаточно одних лишь знаний о представителях других народов – для плодотворного и результативного общения важно научиться не только понимать друг друга, но и чтить и уважать традиции и обычаи других народов. Глобализация, способствуя ускоренному развитию межкультурных контактов, выявляет актуальную для современного общества проблему культурно-этнической идентичности. Таким образом, одной из приоритетных задач современности становится сохранение многообразия культур, некоторые из которых в

силу своего локального характера не всегда соответствуют ключевым планам коллективного движения, тем самым находясь под угрозой исчезновения.

Происходящее смешение различных культур может вызывать у представителей этноса недопонимание происходящего вокруг, что вызывает чувство нестабильности и незащищенности и вынуждает к поиску того, что могло бы помочь восстановить целостность картины мира и обрести чувство спокойствия и комфорта. В данном случае ключевой поддержкой становится общность народа, способствующая каждому отдельному человеку укрепиться в собственном ощущении внутригруппового единства, осознать себя частью социума. В процессе социализации и взаимодействия с другими народами ведущая роль принадлежит этносоциальным представлениям, свойственным членам данной этнической группы, что является содержательной составляющей этнической идентичности. Данные представления, как правило, формируются из осмысления истории собственного народа, культуры, обычаев и традиций, которым принадлежит представитель этнической группы, и отражают мировоззрение этноса посредством, в том числе, знакомства с произведениями народного творчества, формами мышления и этнического поведения. Посредством этносоциальных представлений личность идентифицирует себя со своим народом и путем подсознательного делит окружающих на «своих» и «чужих».

Результатом этнической самоидентификации личности традиционно принято считать такие факторы, как язык, обряды, обычаи и т.п. (см. об этом, например, [4; С. 6]), но, отступая от общепринятых норм, обращает на себя внимание актуальная в настоящее время параллель между цветовыми предпочтениями и этнической принадлежностью личности. Изучение взаимосвязи между цветом и национальностью начинает занимать умы все возрастающего количества исследователей в различных научных областях, например, психологии, философии, социологии. Российский исследователь А.В. Рогова, анализируя зависимости цветовых предпочтений этноса от его менталитета, приводит примеры их взаимосвязи в жизни европейского народа (немцев, французов, англичан и др.): «Красный цвет подобен крику – он активизирует психику, вызывает возбуждение и прилив энергии; ... ассоциируется у немцев со страстью, торжеством, огнем, революцией, свободой, преданностью. В Германии народная присказка гласит: «Rot ist die Liebe, Rot ist das Blut, Rot ist der Teufel in seiner Wut» (буквально: красный – это любовь, красный – это кровь, красный – это черт во гневе)». Цит. по: [9; С. 48]. А. Т.-Г. Землянская, выявляя отношение общественности к желтому цвету, приходит к выводу, что у российских граждан он ассоциируется с летом, пляжем, золотом, праздником Пасхи, сбора урожая и др., в то время как для большинства респондентов из числа сотрудников российско-китайских компаний он является торжественным цветом Солнца, Бога, императора (императорские одежды – желтые) [3; С. 78-84]. Китайская пословица гласит: «Если смешать красный и желтый цвета, можно получить новый цвет» (*много людей – много мнений*).

Обращаясь к культуре русского народа, можно предположить, что влияние упоминаний о цвете в народной художественной культуре неслучайно и призвано оказывать воздействие на формирование менталитета личности на подсознательном уровне, что выражается в таком источнике народной мудрости, как сказка, так как, например, практически во всех русских народных сказках с целью подчеркнуть достоинство героини не только в красоте, но и в благочестии, невинности, покладистости, ее называют *красна-девица*, что само по себе уже говорит о положительных качествах персонажа. В культуре русского народа отсутствуют сказки, в которых бы это выражение ассоциировалось с отрицательным персонажем, относящимся к темным силам и наделенного негативными характеристиками: *черный ворон*, *черный кот* (помощники Бабы Яги). У немецкого этноса,

напротив, черный цвет является символом положительных эмоций и надежд, например, на территории западных земель Германии до сих пор в небольших деревнях свадебное платье невесты черного цвета – символ торжественности (в деревнях южнее Биденкопфа: Хольцхаузен, Херцхаузен, Морнхаузен и др.) [5; С. 328].

Взяв за основу гипотезу взаимосвязи цветовых предпочтений и этнической принадлежности личности, среди представителей молодежи разных государств было проведено социологическое исследование с использованием метода этноколористического интервью [6; С. 58-59], целью которого являлось выявление ассоциаций во взаимосвязи цвета и отношения к нему определенного этноса. В эксперименте приняли участие граждане России, Белоруссии, Германии и Франции. Количество респондентов составило 140 чел. в возрасте 17...29 лет: 47 россиян – жители и гости Москвы, опрошенные выборочным путем среди прохожих на улицах столицы; 28 немцев – в городах Берлин и Франкфурт-на-Майне из числа коренных жителей; 31 студент французского университета Авиньона и Воклюза и 34 представителя белорусского народа – студенты Московского государственного педагогического университета и молодые люди, временно проживающие в городах Смоленск и Москва. Исследование проводилось с использованием инновационного метода этноколористического интервью, введенного в практику российским исследователем, доктором педагогических наук Е.В. Невмержицкой: «Этноколористическое интервью – метод сбора первичной этнокультурной информации, основанный на непосредственном общении опрашивающего с респондентом, в процессе которого опрашивающий получает необходимую этноколористическую информацию в форме ответов». Цит. по: [7; С. 11-12]. По условиям интервью респондентам предлагалось назвать цвет, который, по их мнению, наиболее типичен и характерен для определенного народа, самоидентифицирует принадлежность человека к своему этносу (см. табл. 1).

Таблица 1

Цветовые предпочтения молодежи в условиях этнической самоидентификации, чел.

Наименование страны	Наименование цвета						
	белый	красный	желтый	зеленый	голубой	синий	черный
Россия	8	23	4	2	3	7	
Беларусь	19	9		5	1		
Германия	1		6	17	2		2
Франция		5		2		24	

Как видно из табл. 1, большинство молодых россиян (48,94 %) идентифицируют свою принадлежность к русскому народу путем восприятия красного цвета, ассоциируя его с Красной площадью, преобладанием красного в национальных костюмах, красотой (*красный – красивый*), присутствием в государственной символике. Большинство граждан Германии отдали предпочтение зеленому цвету (60,71 %), который у современной немецкой молодежи ассоциируется с движением в защиту природы, экологоориентированным характером потребляемых товаров, продуктов, зеленью полей и лугов их родной страны. У французской молодежи принадлежность к своему народу ассоциируется с синим цветом (77,42 %), что в ответах респондентов представлено синевой неба Франции, одним из цветов государственного флага, Лазурным берегом, деловым костюмом и др. Белорусские респонденты из числа обучающихся в российских вузах идентифицируют свою принадлежность к Республике Беларусь с белым цветом (55,88 %), который для большинства интервьюируемых является символом «Белой Руси», свободы и непорочности страны, гостеприимства белорусов.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что не все респонденты отдают предпочтение определенному цвету в аспекте этнической принадлежности; некоторые из интервьюируемых предпочли другие цвета, по-разному обосновав свой выбор. Так, например, у российской молодежи ассоциативный выбор цвета представлен золотом куполов православных храмов, гжелевской росписью, белыми березами, полосами государственного флага и др.; немцы обращаются к черному цвету, отмечая его торжественность и т.д.; выбор французами зеленого цвета обоснован (как и в случае с представителями немецкого народа) движением за сохранение окружающей природной среды, экологически чистыми продуктами и др.; ассоциативные представления с красным цветом белорусских юношей и девушек связаны с цветом знамен белорусских партизан времен Великой Отечественной войны и т.д. Таким образом, можно предположить, что на цветовую этническую идентификацию личности оказывают влияние не только народные традиции, обычаи, легенды и другие образцы традиционной культуры, но и то, в каких условиях развивается и получает воспитание данная личность, ее круг общения, интересы, семейные ценности и др.

Результатом данного эксперимента также явился разработанный автором метод мозаики — система правил и операций, необходимых для процесса изучения цветовых предпочтений группы, личности (как члена группы), а также причин, влияющих на его конечный результат. Мозаика (итал. mosaico; позднелат. mosaica, от лат. musivum — «посвященное музам») — искусство и техника создания изображений набором кусочков какого-либо материала, прикрепляемых к основе [12].

Цветовые предпочтения этнической группы, как мозаика, складываются из цветовых предпочтений отдельных личностей, что находит свое отражение в колере национальных костюмов, расписных узорах на игрушках, посуде, цветах геральдической символики государств и др. В частности, если рассматривать связь между геральдической символикой и цветовыми предпочтениями респондентов, обращает на себя внимание палитра цветов, характерная для группы, в данном случае — для нации.

Обращаясь к историческому прошлому русского народа, можно предположить, что выбор цветовой гаммы российскими респондентами (рис. 1), обнаруженный в процессе проведения этноколористического интервью, не является случайным, так как, например, красный, белый и голубой цвета издавна имели для России весомое значение. «Белый цвет в современном прочтении символизирует чистоту, святость, мир и толерантность. Он принят во всем мире с одинаковым значением: флаг парламента — белый. Обратившись к символике времен древней Руси можно узнать также, что этот цвет в геральдике символизирует такие качества, как откровенность и благородство. Синий цвет использовался в национальной символике России редко, однако именно он символизирует такое важное качество русского народа, как верность и честность. Красный цвет с его мощной энергетикой используется в символике многих стран. В российском прочтении он символизирует мужество, смелость, любовь и великодушие русского народа». Цит. по: [1; С. 82].

Выбор респондентов в пользу желтого цвета является выражением связи с историческими корнями далеких предков, потому что «для древних славян золото — символ зрелости хлебов, поскольку солома имеет отождествление с Солнцем. Оно же — символ божественного озарения, ореол святости, княжеское и царское начало» [2; С. 128].

Предпочтение зеленому и голубому цветам как ассоциативным представлениям, например, с бескрайними российскими лесами и чистотой неба, также можно обосновать связью респондентов с их национальными предпочтениями, так как в дореволюционной России голубой цвет символизировал благородство, честь, образованность. Известное выражение *голубая кровь* употребляли по отношению к лицам дворянского происхождения (в настоящее время — фразеологизм), являвшихся

образчиками патриотов Отечества [2; С. 131]. Зеленый цвет, занимая доминирующее положение в растительном царстве, ассоциируется у юношей и девушек с цветом весны, природы, свободы, радости, надежды, так как символизирует наступление теплых весенних дней, обновление жизни, возрождение, молодость.

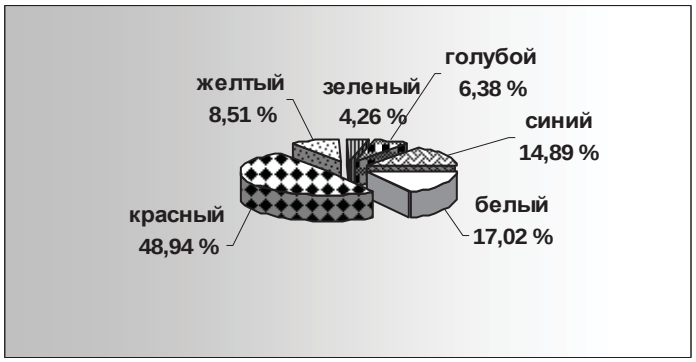


Рис. 1. Цветовые предпочтения российской молодежи

Предпочтение белорусских респондентов, отданное белому цвету (рис. 2), является символичным, поскольку большинство представителей данного этноса, выбирая одежду или головной убор, останавливают свое внимание именно на белом. Вероятно, подобная самоидентификация связана еще и с историческим прошлым народа – расселением племен между реками Двиной, Днепром и Друтью, территории которых впоследствии получили название Белая Русь [11]. Выбор белорусской молодежью зеленого цвета может свидетельствовать об их уважительном отношении к природе, в частности, лесам Белоруссии, весеннем пробуждении природы после зимы, а также символизировать одно из почитаемых божеств славян-земледельцев – Мать-Сырую-Землю, что также связано с пробуждением растительного мира. Голубой цвет для представителей белорусской молодежи является символом неба, чистоты и надежд.

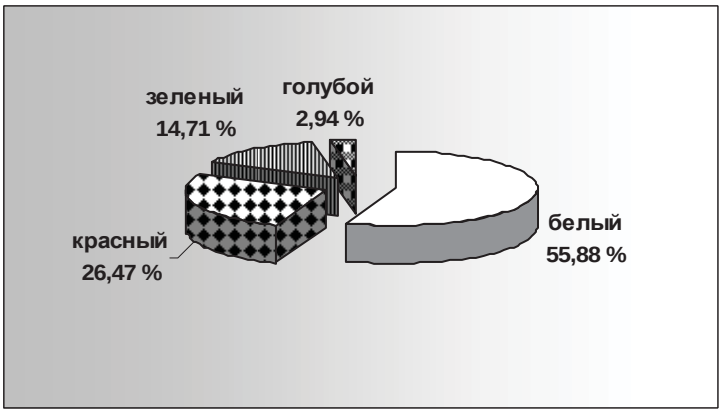


Рис. 2. Цветовые предпочтения белорусской молодежи

Палитра цветовых предпочтений немецких респондентов (рис. 3) отличается от названных своим разнообразием. Анализируя ответы интервьюеров с высокой частотностью названного ими зеленого цвета, можно выявить не только позитив-

ное, бережное отношение к природе со стороны молодых людей, но и констатировать, что зеленый употребляется представителями немецкой молодежи, например, в быту при обозначении свежести: «grüne Hering» («свежая сельдь), «Aal grün» («свежий угорь») [9; С. 23]. По мнению отечественного исследователя А.В. Роговой: «Зеленый цвет в немецкой культуре имеет особую символичность и связан со многими традициями и суевериями. Этот цвет действует успокаивающе, он насыщенный, спокойный, свежий, нежный, умиротворяющий, живой. Он символизирует мир, покой, любовь, спасение. Зеленый цвет в немецкой традиции связан с жизнью, ростом и гармонией. Зеленый цвет объединяет с природой и помогает быть ближе друг к другу». Цит. по: [9; С. 58].

Выбор немецкими респондентами желтого, красного и черного также идентифицируется с палитрой государственной символики и значениями этих цветов, обусловленными историческим прошлым народа. При этом явное отсутствие в ответах молодых людей цветовых предпочтений к голубому и синему, а также всего 3,57 % от общего количества интервьюрованных, отдавших предпочтение белому, свидетельствуют о непопулярности данного колора у немецкой молодежи, что, вероятно, связано с его традиционно негативными характеристиками, выраженными, например, во фразеологизмах, где синий цвет часто символизирует ложь и притворство: «das Blaue vom Himmel lügen» (говорят, когда хотят подчеркнуть, что *кто-то рассказывает небылицы и врет, не краснея*); белый – цвет старости, седин и слепоты; в облачении усопших в белые одежды или белый саван и др. [10; С. 43].

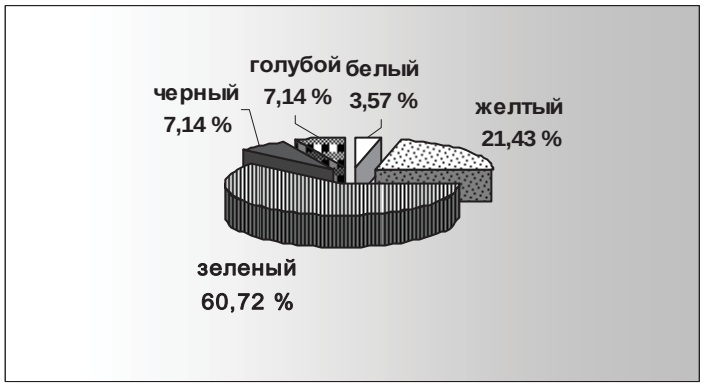


Рис. 3. Цветовые предпочтения немецкой молодежи

Цветовой выбор французской молодежи (рис. 4) связан с историческим прошлым этой страны, что свидетельствует не о случайности выявленных предпочтений у интервьюируемых. В частности, доминирующий в ответах синий цвет не только возвращает респондентов к событиям французской революции, но и напоминает о почитаемых национальных святых. Как свидетельствуют исторические хроники, в конце V в. знамя французского государства, основанного Хлодвигом, было белого цвета и имело изображение трех жаб. В 496 г. Хлодвиг сменил белое полотнище на синее – символ святого Мартина, считавшегося покровителем Франции» [1; С. 101]. Отсюда можно предположить и о причине выбора респондентами белого цвета (также связан с цветом знамени Жанны д'Арк, которое ассоциировалось у французского народа того времени с чистотой и святостью). Выбор красного цвета также не является случайным, так как он является цветом завоеваний: судебные и военные знамена франкского императора Карла Великого были выкрашены в этот цвет.

Таким образом, можно предположить, что французские респонденты идентифицируют свою принадлежность к французской нации, прежде всего, основываясь на цветах государственного флага.

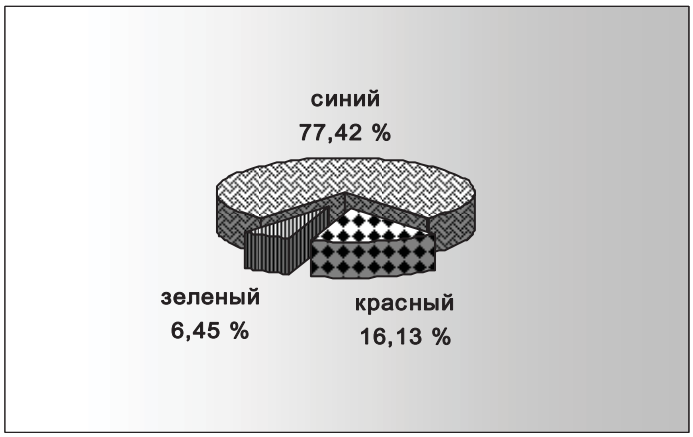


Рис. 4. Цветовые предпочтения французской молодежи

Соответственно, цветовые предпочтения отдельных респондентов, участвовавших в интервью, позволяют идентифицировать цветовые предпочтения определенной этнической группы, которые складываются из множеств ассоциативных представлений о цветах, оттенках, группируются методом мозаики с использованием его основных критериев (табл. 2).

Таблица 2

Составляющие критериев метода мозаики

Наименование критерия	Характеристика
Креативность	Проявление воображения; способность использовать в различных контекстах семантическую составляющую цвета и его оттенков
Мотивационность	Стремление личности к изучению истории и культурных традиций как своего народа, так и представителей других этносов, выраженных различными цветообозначениями
Активность	Использование социокультурных знаний (в т.ч. этноколористических) в процессе своей жизнедеятельности, например, при проведении культурных мероприятий в пределах определенной социальной общности (образовательного учреждения, трудового коллектива, города)
Этнотолерантность	Терпимость, миролюбие, уважение к людям с другим цветом кожи; готовность к активному сотрудничеству с представителями иных социальных общностей
Культуросообразность	Знание о культуре страны собеседника, ее традициях, социокультурных нормах и правилах
Владение социолектами / этносоциолектами	Частота и умение правильного использования цветовых обозначений в языковых разновидностях, употребляемых какими-либо социальными общностями людей, которые находятся в постоянном и непосредственном языковом контакте
Имидж человека / социума	Целенаправленно формируемый образ в общественном или индивидуальном сознании
Этноинформированность	Знание этнокультурных особенностей своего народа, в частности, выраженных цветовыми обозначениями в образцах народной культуры, традициях, обычаях, этноориентированных нормах и др.

На основании изложенного можно констатировать, что выявление цветовых предпочтений личности при проведении этноколористического интервью позволяет

эффектизировать процесс идентификации как определенного человека, так и этнической группы с использованием инновационного метода мозаики. Эффективность его использования в исследовании заключается в том, что верно сформулированные интервьюером вопросы по каждому из критериев метода позволяют получить наиболее полную информацию не только о цветовых предпочтениях различных народов и цветовом языке их этнической культуры, но и о степени осведомленности участника исследования (респондента) о колористических особенностях культуры других этносов, а также желании постигать «чужую» культуру, что делает использование метода мозаики особенно актуальным в глобализационный период, на этапе развития и укрепления межкультурных коммуникаций.

Литература

1. Авраменко С.Н., Рогова А.В. Цвет в государственной символике: учебно-практическое пособие. Ч. 1. М.: Граница, 2012. 160 с.

2. Деркач А.А. Акмеологические основы развития профессионала. – М.: Московский психолого-социальный институт, Модэк, 2004. 752 с.

3. Землянская А.Т-Г. Отношение к желтому цвету как знаку общественного положения // Вестник Читинского государственного университета. 2012. № 2 (81). С. 78-84.

4. Зубачевский М.В. Этническая самоидентификация и ее объективация в культуре: автореф. ... канд. философ. наук, 2010. С. 18.

5. Невмержицкая Е.В. Теория и практика этнокультурного образования в условиях среднего профессионального образования: монография. М.: Граница, 2011. 382 с.

6. Невмержицкая Е.В. Детерминанты этноколористического интервью // Двигатель. 2012. № 1 (79+244). С. 58-59.

7. Невмержицкая Е.В. Этноколористическое интервью: учеб.-практ. пособие. М.: Граница, 2012. 128 с.

8. Невмержицкая Е.В. Этнокультурное воспитание молодежи в процессе изучения немецкого языка: концепции и реалии: научн. изд. М.: Граница, 2010. 160 с.

9. Невмержицкая Е.В., Донцова М.А. Этноколористический словарь. В 3-х ч. Словарь основных цветов. Ч. 1. М.: Граница, 2011. 96 с.

10. Рогова А.В. Цвет и менталитет этносов: учебно-практическое пособие. М.: Граница, 2012. 108 с.

11. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dic.academic.ru/.

12. Словари. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://slovari.yandex.ru/.

Коротко об авторе ***Briefly about the author***

Авраменко С.Н., методист, Государственное бюджетное образовательное учреждение среднего профессионального образования, колледж архитектуры и строительства № 7. г. Москва
e-mail: sv_avr@mail.ru

S. Avramenko, resource teacher, State-run Institution of the Secondary Professional Education of College of Architecture and Construction № 7, Moscow

Научные интересы: социология, этнокультура

Scientific interests: sociology, ethnic culture

УДК 325 (571.55)

Бадмаева Людмила Владимировна
Lyudmila Badmaeva

Башкуева Елена Юрьевна
Elena Bashkueva

КИТАЙСКИЕ СТУДЕНТЫ В ЗАБАЙКАЛЬСКОМ КРАЕ: БАРЬЕРЫ АДАПТАЦИИ В ПРИНИМАЮЩЕЙ СРЕДЕ

CHINESE STUDENTS IN ZABAYKALSKY KRAI: ADAPTATION BARRIERS IN THE ACCEPTING ENVIRONMENT

Рассматриваются проблемы адаптации и коммуникации студентов из Китая в Забайкальском крае. На материалах сплошного опроса учебных мигрантов из Китая выявлены фрустрирующие обстоятельства, препятствующие адаптации и интеграции обследованных студентов в принимающий социум. Расставлены акценты на выявленных барьерах адаптации, предложены механизмы, способные обеспечить безбарьерное вхождение учебных мигрантов в среду Забайкальского края

Ключевые слова: *адаптация, учебный мигрант, китайский студент, принимающая среда, барьеры адаптации, фрустрирующие обстоятельства, интеграция в новую среду, коммуникационные аспекты адаптации*

The problems of adaptation and communication of students from China in Zabaikalsky Krai are considered. On materials of solid poll of training students from China frustrating obstacles preventing adaptation and integration of the surveyed students in the accepting society are revealed. The emphasis on the identified barriers of adaptation, the mechanism that can provide barrier free entry of migrants in the educational environment of Zabaikalsky Krai are made

Key words: *adaptation, training migrant, Chinese student, receiving environment, barriers of adaptation, frustrating circumstances, the integration to the new environment, communication aspects of adaptation*

Китайские учебные мигранты являются частью российского образовательного пространства, что подразумевает их включение на определенный временной период в принимающий социум. Поэтому проблемы адаптации этой группы населения являются значимыми не только для адаптантов, вуза, в котором они обучаются, но и для регионареципиента, принимающего иностранных студентов. Однако приспособительное взаимодействие личности и принимающей среды имеет два противоположных аспекта. Один из них состоит в том, что акторы взаимодействия трансформируются в результате коммуникации, а другой — в том, что они стремятся к самосохранению. Когда возникает адаптивная ситуация, то включаются защитные механизмы, препятствующие изменениям, которые в теории адаптации называются «барьерами адаптации». Причем эти барьеры может выставлять любая из взаимодействующих сторон — как субъект (китайский студент), так и объект (принимающее общество) в силу своего адаптивно-адаптирующего характера [1; С. 7].

Рассмотрим, как выглядят общепризнанные взгляды исследователей на барьеры адаптации китайских студентов на пути

к российскому образованию. Так, например, российские социологи Н.И. Гузарова и Т.С. Петровская полагают, что это «... значительные культурные и ментальные различия населения, ограниченные контакты с гражданами России, языковые различия, правовые, бюрократические сложности, недоброжелательность населения» [2; С. 27-28].

Выявленные «барьеры» адаптации, зафиксированные в приведенной и других работах отечественных ученых, подтверждаются и результатами наших исследований. Установлено, что существенным барьером, осложняющим пребывание изученного массива мигрантов в г. Чита, является недоброжелательное отношение, которое они встречают со стороны части представителей принимающего общества. Выявлено, что ксенофобные настроения, к которым мы относим «не вполне доброжелательное», а порой и «враждебное» отношение к респондентам, отмечаются во всех контактных группах принимающего учебных мигрантов сообщества в большей или меньшей степени. К основным контактным группам принимающей среды мы относим, в первую очередь, студентов вуза обучения, профессорско-преподавательский корпус вуза-реципиента; представителей органов правопорядка и органов государственной власти принимающего учебных мигрантов региона. Сюда же мы причисляем персонал сферы обслуживания (в магазинах, столовых, кафе, ресторанах и т.д.), а также население (на улице, в транспорте и других местах общественного пребывания), где потенциально иностранные студенты могут взаимодействовать с россиянами.

Рассмотрим на рис. 1 насколько благожелательно выглядит настрой основных контактных групп принимающей среды Забайкальского края к китайским студентам (по самооценкам респондентов).

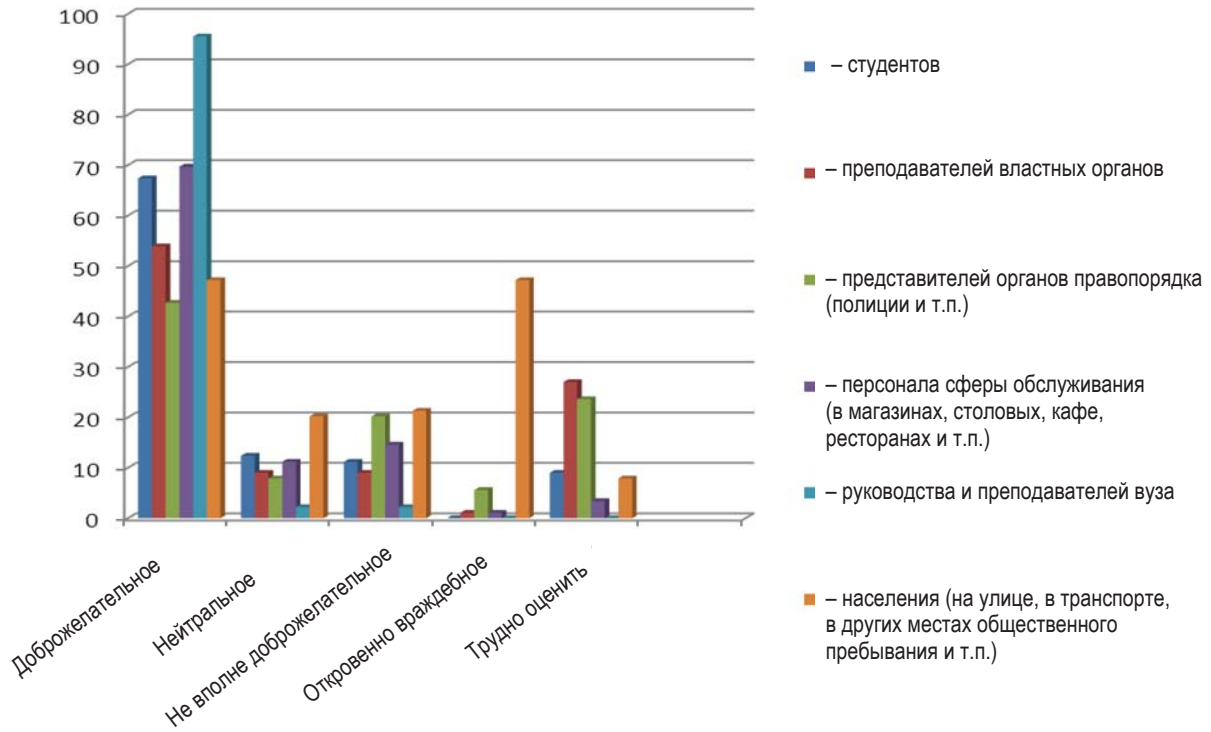


Рис. 1. Отношение к учебным мигрантам основных контактных групп принимающей среды, %

По мнению респондентов, наиболее лояльным по отношению к адаптантам выглядит профессорско-преподавательский корпус: показатель ксенофобных настроений, рассчитанный по сумме «не вполне доброжелательных» и «враждебных» оценок, равен лишь 2,2 %. Лояльность профессорско-преподавательского состава по отношению к китайским студентам вполне объяснима. Демографические расчеты показывают, что в современных реалиях на рынке образовательных услуг предложение зачастую расходится со спросом. Зафиксированная тенденция к уменьшению потенциальных абитуриентов в России диктует необходимость расширения канала «образовательной» миграции, что и предпринимают вузы г. Чита, где обучаются обследованные мигранты. Ксенофобные настроения проявляются и в такой контактной группе, как российские студенты вуза обучения. Не вполне доброжелательное и даже враждебное отношение проявляет к иностранцам каждый восьмой студент из г. Чита (12,4 %). На наш взгляд, данный феномен объясняется тем обстоятельством, что на смену достаточно толерантной молодежи 80- 90-х гг. XX столетия приходят другие когорты, социализация которых проходит в совершенно иных условиях. По работам отечественных социологов, националистические, антимигрантские, ксенофобные настроения прослеживаются практически на территории всей страны [3; С. 56; 4; С. 61]. Обследованный регион не явился исключением. Отметим, что истоки ксенофобии и мигрантофобии уходят корнями в глубокое прошлое, различение «свой-чужой» – одна из наиболее древних базовых антиномий [5; С. 68]. Выявлено, что проявления мигрантофобии, наблюдаемые в контактных группах с иностранными студентами, имеют в большинстве своем явную этническую этиологию. Приток мигрантов воспринимается населением России неоднозначно. Специфика социального устройства такова, что на уровне среднестатистического россиянина у человека теряется вера в гражданские и социальные институты, в других людей и т.д. Остается только доверие к ближайшему окружению на уровне малых социальных групп: семье, родным, друзьям и поэтому неприятие «чужих» выглядит как следствие душевного дискомфорта и рассматривается в социальных группах принимающей среды как восстановление справедливости за нарушение сложившихся устоев социального порядка [3; С. 56-65].

По мнению респондентов, достаточно доброжелательно настроен к учебным мигрантам персонал сферы обслуживания (в магазинах, столовых, кафе и т.п.) – 69,7 % (см. рис. 1). Это объясняется тем, что основной целью работы таких заведений является максимизация (максимальное получение) прибыли, а в условиях рыночной конкуренции соперничество за клиентов и, соответственно, за прибыль существенно увеличивается. Находясь в России, китайские студенты становятся потребителями различных товаров и услуг, и, конечно, только позитивный настрой и доброжелательное отношение при обслуживании со стороны представителей сферы услуг способно сделать из них постоянных клиентов. Вместе с тем, довольно высок уровень неприятия иностранных студентов органами правопорядка (проявляют не вполне доброжелательное отношение к ним – 7,8, нейтральное – 20,2, откровенно враждебное – 5,6, доброжелательное 42,7%). По всей видимости, не все представители правоохранительных органов, выполняя свои служебные полномочия, в том числе совершая проверки соблюдения миграционного законодательства и другие административные действия, проявляют корректность и уважение к личности в лице иностранцев. В то же время отношение представителей органов государственной власти к адаптантам, по самооценке опрошенных, более лояльно: доброжелательное отношение проявляют 53,9 %, не вполне доброжелательное – 9 %, нейтральное – 9 % (по самооценкам иностранных студентов). Однако принимающая среда в лице населения г. Чита настроена к учебным мигрантам менее позитивно, чем, например, представители органов государственной власти. Рассмотрим (рис. 1) как выглядит, по мнению

опрошенных китайских студентов, общий настрой населения столицы Забайкальского края к обследованным. Так, в местах общественного пребывания: на улице, в транспорте и т.д. позитивное отношение к учебным мигрантам выражает меньше половины представителей принимающего общества (47,2). Не вполне доброжелательно относится к обследованным каждый пятый житель г. Чита, нейтрально – каждый пятый, враждебность проявляют лишь 3,4 %. Безусловно, адаптация учебных мигрантов в социуме региона-реципиента проходит более успешно, когда местное население относится к ним терпимо и открыто. Проявление негативного отношения со стороны местного населения к респондентам можно объяснить как низким уровнем культуры части населения, так и наличием большой этнокультурной дистанции между россиянами и китайцами в целом.

По работам отечественных ученых и по материалам российских средств массовой информации последних лет можно проследить, что в российском обществе в условиях роста китайской миграции и общего экономического возвышения Китая возрождаются теории «желтой опасности», появившиеся еще в конце XIX-XX вв. и связанные с резким неприятием китайской нации в целом [6; С. 51-63; 7; С. 120-127]. У простых россиян численно доминирующие в мире китайцы вызывают страх захвата территории, ассимиляции и утраты национальной идентичности. Так, например, по данным В.Л. Ларина (материалы опроса, проведенного на Дальнем Востоке в 2003 г.), почти половина респондентов (46 %) назвали «экспансионисткую политику Китая» главной угрозой, а свыше половины опрошенных (54 %) согласились с тезисом о существовании экспансии Китая на Дальнем Востоке [8; С. 280-281]. Другой отечественный востоковед А.Г. Ларин высказал следующее: «Показательно, что и в Москве, и на Дальнем Востоке наиболее вероятным видом экспансии считается демографическая, потому, наверное, что китайские коммерсанты с их товаром являются самым зримым, самым наглядным свидетельством китайского присутствия на российской территории». Между тем, А.Г. Ларин считает, что «...перспективы «территориальной экспансии» после заключения Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве в 2001 г. и полного урегулирования пограничной проблемы на основании соглашений 1991, 1994 и 2004 гг. существуют лишь виртуально, в абстрактных политологических фантазиях, тогда как рост китайского экономического пристутствия виден невооруженным глазом» [9; С. 300]. Приведенные выдержки из работ российских ученых по поводу существования так называемой «китайской угрозы» свидетельствуют как о полярности сложившихся мнений, так и о том, что в рельности тезис об угрозе «желтой опасности» пока представляется только визуальным, так называемым воображаемым мифом в «умонастроениях простых россиян».

В инструментарий анкетного опроса нами включен и вопрос «Сталкивались ли Вы со случаями, что россияне...?». Анализ ответов изучаемых адаптантов позволяет трактовать их как некий показатель уровня конфликтогенности принимающей среды Забайкальского края к иностранным студентам. В ответах респондентов зафиксировано, что 15,2 % китайских студентов сталкивались со случаями оскорблений со стороны россиян, а также имели место случаи высокомерного отношения россиян к респондентам – (9,8 %), угроз – (8 %). При этом 3,6 % изучаемых подверглись избиению со стороны местного населения, 8,9 % – ограблению (см. рис. 2).

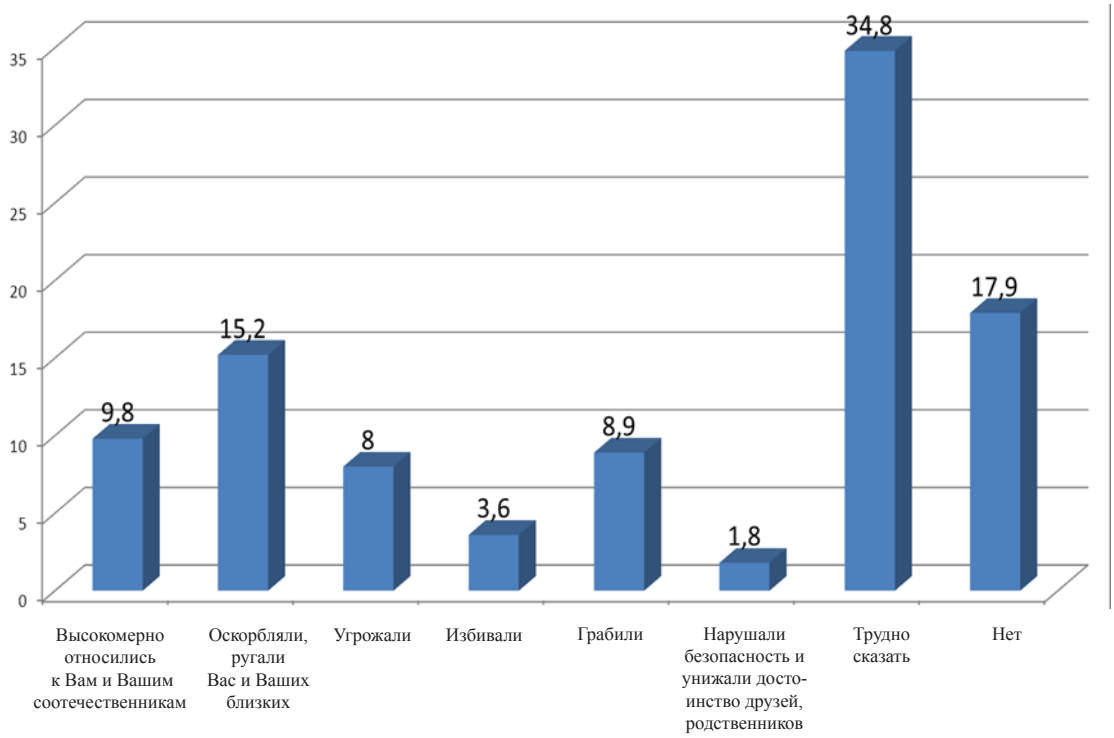


Рис. 2. Оценка респондентами конфликтогенности принимающей среды Забайкальского края, %

Вместе с тем, несмотря на фиксацию таких негативных моментов в субъективных мнениях опрошенных китайских студентов, следует констатировать, что результаты аналогичных опросов иностранных студентов, проведенных в других регионах России, выявляют еще более нелицеприятную ситуацию. Например, результаты опроса китайских студентов в Москве и на Дальнем Востоке (исследования А.Г. Ларина и В.Г. Гельбраса [9; 10]) фиксируют значительную долю наличия «высокомерного отношения» к китайским студентам и их соотечественникам (66 и 69 % соответственно), исходя из чего А.Г. Ларин констатирует, что «общая атмосфера, окружающая китайских студентов, отравлена разного рода проявлениями ксенофобии» [9; С. 241]. По данным анкетного опроса иностранных студентов Ивановского государственного университета (ИвГУ) и Ивановского государственного энергетического университета (ИГЭУ), 55 % иностранных студентов, сами либо их соотечественники, подвергались насилию со стороны местного населения [1; С. 10]. Обследованные нами китайские студенты Забайкальского края, безусловно, испытывают гораздо меньший дискомфорт и сталкиваются с менее конфликтогенной принимающей средой, однако выявленные случаи конфликтного взаимодействия с местными жителями являются своего рода маркёром негативной реакции некоторой части принимающего сообщества на присутствие китайских студентов в регионе. Помимо языкового и коммуникативного барьеров, весомым фрустрирующим обстоятельством, осложняющим пребывание обследованных иностранных студентов в нашей стране, является фактор их низкой личной безопасности. По самооценке опрошенных, безопасно и комфортно чувствует себя на улицах г. Чита лишь треть респондентов (30,3 %). Двое из пяти мигрантов в целом чувствуют себя безопасно, но стараются не выходить на улицу в вечернее время. Не чувствуют себя в безопасности 6,7 % респондентов (см. рис. 3).

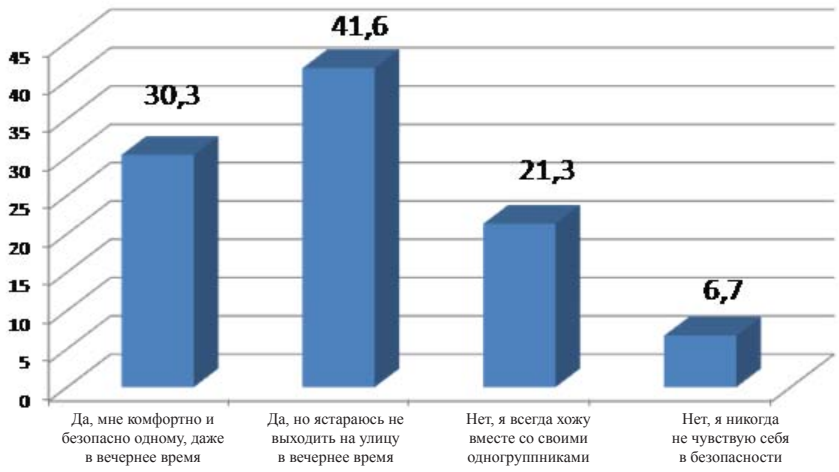


Рис. 3. Оценка респондентами уровня безопасности принимающей среды Забайкальского края, %

Итак, рассмотренные реалии жизнедеятельности и адаптации китайских студентов в социокультурной среде Забайкальского края представляют собой совокупность сложных, многоаспектных и взаимосвязанных процессов, протекающих на различных уровнях социальной организации и социальных взаимодействий. Обобщая, можно заключить, что в целом анализируемый процесс протекает достаточно благоприятно: при наличии некоторых языковых, бытовых и коммуникативных проблем, основная масса китайских студентов удовлетворена учебой, отношениями с местным сообществом. В то же время выявленные фрустрирующие факторы: низкий уровень безопасности, высокая криминогенность, интолерантное отношение некоторых социальных слоев и групп региона-реципиента выступают барьерами адаптации китайских студентов в принимающем сообществе. Представляется, что, в свою очередь, принимающий социум также должен предъявлять необходимый минимум условий и требований к адаптантам.

Исследование показало, что назрела необходимость выработки и реализации ряда мер адаптогенного характера для оптимизации процесса приживаемости китайских студентов в принимающей среде. На наш взгляд, в качестве социальной поддержки для учебных мигрантов в рамках вуза обучения могут быть проведены адаптационные тренинги для китайских студентов, позволяющие в короткий срок установить социальные связи с другими студентами. Такие тренинги успешно проводятся в большинстве вузов США и Европы. Необходимо развитие социокультурной компетентности китайских студентов через совместную досуговую деятельность с участием людей, знающих и принимающих особенности языка и национальной культуры китайского народа. Процесс аккультурации учебных мигрантов требует активного участия российских студенческих организаций и профессорско-преподавательского состава вуза-реципиента. В идеальном варианте именно преподаватели вуза и студенты-сокурсники могут выполнять функцию своеобразных «агентов адаптации», помогать иностранным студентам овладевать ситуацией, снабжая необходимой информацией о негласных правилах коммуникации в принимающей среде как вуза обучения, так и социума в целом, содействовать налаживанию социальных контактов и пр. Участие в обозначенном процессе не должно ограничиваться проведением спорадических формальных мероприятий. Положительное влияние на адаптацию оказывает деловая и эмоциональная включенность китайского студента в студенческое сообщество, активное участие в общеуниверситетских

мероприятиях, таких как подготовка совместных праздников, научных конференций, спортивных соревнований, музыкальных фестивалей и т.д., что позволит в некоторой степени нивелировать различия между «своими» и «чужими», устранить дистанцированность и замкнутость внутри этнической группы. Одной из важнейших задач в заданном аспекте представляется приобщение китайских студентов к национально-культурным ценностям принимающего общества средствами внеучебной деятельности. Через приобщение адаптантов к национальной культуре российского народа достигается формирование и развитие коммуникативных и речевых умений и навыков адаптантов. В то же время, прививая толерантность в принимающем обществе, следует помнить и о самих мигрантах как участниках процесса. Таким образом, успешность процесса адаптации учебных мигрантов в иноэтничном окружении, прежде всего, в вузе-реципиенте, зависит от обоюдных усилий как представителей принимающего социума, так и самих адаптантов.

Литература

1. Аргунова В.Н., Лондаджим Т. Барьеры социокультурной адаптации иностранных студентов, обучающихся в российских вузах // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». 2008. № 4 (12). С. 7-12.

2. Гузарова Н.И., Петровская Т.С. К вопросу о повышении эффективности адаптации китайских студентов к академической и социально-культурной среде Сибирского университета (на материале Томского политехнического университета) // Русско-китайские языковые связи и проблемы межцивилизационной коммуникации в современном мире: матер. междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2009. С. 26-30.

3. Мукомель В.И. Грани интолерантности (мигрантофобии, этнофобии) // СОЦИС. 2005. № 2. С. 56-65.

4. Гудков Л. Смещенная агрессия: отношение россиян к мигрантам // Вестник общественного мнения. 2005. № 6(80). С. 61-77.

5. Акмалова А.А., Капицын В.М. Социальная работа с мигрантами и беженцами. – М.: ИНФРА. М, 2008. С. 68.

6. Дятлов В.И. «Великие ксенофобии»: взаимовлияние и взаимодействие (опыт России) // Идеи и идеалы. 2010. № 2(4). Т. 1. С. 51-63.

7. Жукова Л.В. Появление в России мифа о «желтой опасности» // Обозреватель. 2009. № 12. Т. 239. С. 120-127.

8. Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона: российско-китайские отношения на рубеже XX- XXI вв. Владивосток: Дальнаука, 2006.

9. Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009.

10. Гельбрас В.Г. Россия в условиях глобальной китайской миграции. – М.: Муравей, 2004.

Коротко об авторах — *Briefly about the authors*

Бадмаева Л.В., канд. социол. наук, доцент, ст. науч. сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН», Отдел региональных экономических исследований
socludvlad@mail.ru

Научные интересы: этносоциология, социология миграции, социология села

L. Badmaeva, Candidate of sociological sciences, associate professor, senior scientific researcher, Federal State Budget Establishment of Science «Buryat Scientific Center of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences», Department of Regional Economic Studies

Scientific interests: ethnosociology, sociology of migration, rural sociology

Башкуева Е.Ю, канд. истор. наук, мл. науч. сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН», Отдел региональных экономических исследований
frombear@mail.ru

Научные интересы: этносоциология, социология миграции

E. Bashkueva, Candidate of historical sciences, junior scientific researcher, Federal State Budget Establishment of Science «Buryat Scientific Center of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences», Department of Regional Economic Studies

Scientific interests: ethnosociology, sociology of migration

УДК (316.346.32-053.6)

Бахаровская Елена Викторовна
Helen Bakharovskaya

УПРАВЛЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЕМ И РАЗВИТИЕМ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

THE MANAGEMENT OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF SOCIAL YOUTH ACTIVITY IN THE MORDEN RUSSIAN SOCIETY

Рассматривается управление формированием и развитием социальной активности молодежи. На основании анализа феномена социальной активности молодежи предложены следующие элементы управления формированием и развитием социальной активности молодых людей: субъекты, объекты, цели, методы, функции управления развитием и формированием социальной активности молодежи, управленческие ресурсы, нормативно-правовое обеспечение, система индикаторов эффективности управления, дана краткая характеристика их содержания. Предложенные выводы автора могут быть использованы для дальнейшего изучения проблематики социальной активности молодежи, а также выступить в качестве основания для разработки рекомендаций по управлению социально значимой деятельностью молодых людей, организации и проведения социологических исследований, формирования различных социальных молодежных программ, нормативных документов

Ключевые слова: *управление, социальная активность молодежи, методы управления, функции управления, ресурс управления, индикаторы эффективности*

In this article the author considers the management of youth's social activity formation and development in modern Russian society. Under analysis is a phenomenon of a social activity that suggests such elements of management as: subjects, objects, aims, methods, functions of management, management resources, legislative ensuring, management efficiency indicators system, and also gives a short characteristics of its maintenance. The author used such methodological principles as: system principle, principle of social determination, and principle of practical oriented activity. The author's conclusions may be used for investigation of social youth's activity and may be employed as a basis for the references development of social youth management activity for organization sociological studies, making different social youth programs and laws

Key words: *management, social youth activity, managements methods, functions of management, managements resources, management efficiency indicators*

Работа выполнена в рамках реализации федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы» по теме «Качество жизни как основа обеспечения социальной безопасности России в XXI веке»

Современные условия российского общества предопределили изменение отношения государства к молодежи. Молодые люди, обладающие интеллектуальным капиталом, творческими задатками, такими личностными характеристиками, как инициативность, готовность к социальным переменам, самостоятельность, рассматриваются как важные социальные субъекты. При этом дальнейшее развитие и прогресс российского общества будет зависеть от

того, сумеют ли государственные органы направить данный потенциал молодежи в нужное русло. В связи с этим, особую актуальность принимает осуществление управленческого воздействия на формирование и развитие социальной активности молодых людей. Как и любой другой вид, управление формированием и развитием социальной активности молодежи можно проиллюстрировать в качестве совокупности взаимосвязанных элементов, то есть системы.

Управление формированием и развитием социальной активности молодых людей включает такие составляющие, как субъекты, объекты управления, функции управления, методы управления, ресурсы управления, нормативно-правовое обеспечение, систему индикаторов оценки эффективности управления.

Цель управления формированием и развитием социальной активности молодежи, ввиду разнообразия субъектов управления социальной активностью молодых людей, масштабностью данного вида социально значимой деятельности, следует рассматривать на двух уровнях. Первый уровень – уровень общества, второй – личностный. Цель управления формированием и развитием социальной активности молодежи на уровне общества – способствовать становлению института гражданского общества, обеспечить реализацию прав и свобод молодежи, содействовать развитию социального потенциала молодых людей, стимулировать изменения структуры потребностей молодежи от материальных к духовным за счет осознанного активного участия в разрешении актуальных социальных проблем. Данная цель управления формированием и развитием социальной активности молодежи выступает в качестве приоритетов, выдвинутых государством. Ввиду своей сложности возлагается, прежде всего, на федеральные органы власти, субъекты, призванные обеспечивать реализацию положений государственной молодежной политики.

В свою очередь, цель управления формированием и развитием социальной активности молодежи на уровне личности заключается в координации развития различных ресурсов и возможностей молодежи (интеллектуальные ресурсы, творческие задатки, профессиональные и коммуникационные навыки и др.), проявляющихся в социально значимой деятельности – обеспечение осуществления активности молодежи в рамках социально одобряемых форм, профилактика молодежного экстремизма. Достижение этой цели управления предполагает совместную работу всех субъектов управления, а также необходимую заинтересованность самой молодежи.

Вариативность форм и видов проявления социальной активности молодежи детерминирует наличие многих субъектов управления формированием и развитием указанных социальных инициатив, которые распределяются в следующей иерархии: органы управления федерального, регионального, муниципального, локального уровня, сама личность молодого человека. К субъектам управления формированием и развитием социальной активности молодежи федерального уровня относят государство, совокупность ведомств и министерств, призванных защищать интересы молодежи, регулировать все сферы жизнедеятельности данной группы населения (Министерство образования и науки РФ, Министерство спорта, туризма и молодежной политики РФ, общественные молодежные организации общероссийского значения и др.). Указанные субъекты управления разрабатывают и утверждают программы, выступающие стандартом поддержки социально значимых инициатив молодежи на территории государства, обеспечивают защиту ключевых прав и свобод этой группы населения, являются ориентиром для региональных, местных органов власти.

Региональные субъекты управления формированием и развитием социальной активности молодежи могут быть рассмотрены в лице органов субъектов РФ, объектом профессиональной деятельности которых выступает молодежь, ее интересы и значимые потребности, а также общественные организации и социальные службы регионального уровня, осуществляющие

работу с молодежью в сфере образования, добровольческого движения, патриотического воспитания, молодежных инициатив, социальной поддержки отдельных категорий этой группы населения (Администрация края или области, региональные органы власти в области образования, науки и молодежной политики, Молодежный парламент субъекта РФ, социальные службы для молодежи субъектов РФ и др.). Эти субъекты управления исполняют предписания федерального центра в отношении молодых граждан с учетом региональных особенностей и специфики.

Следующая группа субъектов управления формированием и развитием социальной активности молодежи представлена органами муниципальной власти, социальными службами для молодежи городского уровня, организациями третьего сектора, инициативными группами граждан, не состоящими в общественных организациях и объединениях (Администрация города, городские социальные службы для молодежи, волонтерские и добровольческие организации молодежи, зарегистрированные на данной территории и д.р.). В отличие от федеральных и региональных субъектов данного вида управления указанная группа не ведет крупномасштабную работу по развитию уровня социальной активности молодых людей, а реализует адресные мероприятия в отношении молодежи.

Локальные субъекты управления формированием и развитием социальной активности молодежи представлены структурами, подразделениями, специалистами, осуществляющими работу с молодежью в конкретном учреждении или организации. Наиболее разнообразно данные субъекты управления представлены в высших и средних учебных заведениях. Примером таковых являются ректорат и деканаты учебных заведений, управления и отделы по воспитательной работе, органы студенческого самоуправления, общественные организации, созданные по инициативе самой молодежи. Данные субъекты управления более гибки в своих действиях, осуществляют постоянный непосредственный контакт с молодыми людьми, применяют на практике разнообразные вариации управленческих технологий и механизмов, обладают большими возможностями оказать воздействие на молодое поколение.

Субъектом управления формированием и развитием социальной активности молодежи может выступать сам молодой человек, реализующий на практике принципы и положения самоменеджмента. Согласно точке зрения Л. Зайверт, самоменеджмент включает последовательное и целенаправленное использование испытанных методов работы в повседневной практике, цель которых состоит в том, чтобы максимально применять собственные возможности, сознательно управлять течением своей жизни, преодолевать внешние обстоятельства [1; С. 10]. Рассмотрение личности молодого человека в качестве субъекта управления накладывает особые отпечатки на индивида: необходимость развитости таких характеристик, как личная ответственность, творческий подход к деятельности, наличие альтруистического настроя по отношению к окружающим, отсутствие конформности и безразличия к процессам и явлениям, происходящим в обществе.

Все перечисленные субъекты управления формированием и развитием социальной активности молодежи осуществляют влияние на отдельные объекты, разнообразие которых обусловлено включением субъектов в различные сферы жизнедеятельности. При выделении объектов управления формированием и развитием социальной активности молодежи акцентируем внимание на двух моментах – рассмотрение процесса управления как специфического вида деятельности, анализа молодежи как особого объекта процесса управления.

Таким образом, объектом управления формированием и развитием социальной активности молодежи выступают молодые люди, которые могут быть классифицированы по половой принадлежности, месту и форме обучения в учебном заведении, курсу обучения, характеру занятости, месту жительства и др. При рассмотрении управления формированием и развитием соци-

альной активности молодежи как процесса социальной деятельности, объектами воздействия являются типы отношений, возникающих внутри данной группы, а также характер взаимодействия с социальным окружением.

Следующим элементом системы данного вида управления являются функции управления, которые представляют собой направления деятельности субъектов управления в процессе своей деятельности по достижению запланированной цели. Среди приоритетных функций управления, находящих отражение в формировании и развитии социальной активности молодежи, можно выделить следующие: планирование воздействия на уровень социальной активности молодых людей, организация данного вида деятельности, координация процесса формирования и развития социальной активности молодежи, стимулирование социально значимой деятельности, контроль.

Кроме того, любой процесс управления предполагает использование ряда методов. Традиционно субъекты управления формированием и развитием социальной активности молодежи используют следующие методы управления: организационно-административные (указания и рекомендации молодым людям относительно участия в тех или иных видах социальной активности), экономические (приобретение вещей, необходимых для проведения социальных акций, выдача грантов на реализацию социальных проектов и т.п.). Социальные методы управления включают действия, обеспечивающие осознание молодежью значимости участия в разрешении актуальных проблем общества, социума, обеспечение условий, позволяющих молодым людям реализовать свои творческие способности и задатки посредством участия в определенных видах социальной активности. Социально-психологические методы управления формированием и развитием социальной активности молодежи предусматривают деятельность по мотивации этой группы населения к разработке и проведению добровольческих акций, написанию социальных проектов, оказанию помощи людям, нуждающимся в посторонней поддержке и т.п.

В управлении формированием и развитием социальной активности субъекты управления опираются на следующие ресурсы управленческого воздействия: организационный, кадровый, информационный, ресурс ближайшего социального окружения, личностный, ресурс самоорганизации, что обусловлено спецификой функций субъекта управления, рассмотрением личности молодого человека в качестве самостоятельного субъекта управления, наличием постоянных контактов с социальной средой.

Другой элемент управления – нормативно-правовое обеспечение формирования и развития социальной активности молодежи посредством различных законов и подзаконных актов закрепляет права молодых людей, называет возможные механизмы поддержки социально значимой деятельности (грантовая поддержка, предоставление нематериальных льгот молодежным общественным организациям, материальное поощрение талантливой молодежи и др.), формирует модель взаимоотношений основных субъектов социальной активности – государства, органов власти, общественных организаций и объединений, молодежи.

Планирование и контроль процесса управления формированием и развитием социальной активности молодежи невозможны без применения системы индикаторов эффективности данного воздействия. При этом индикаторы эффективности управления формированием и развитием социальной активности молодежи рассматриваются как количественные и качественные параметры, позволяющие субъекту управления проанализировать соответствие реализованных мероприятий запланированной цели управления формированием и развитием социальной активности молодежи, выявить факторы отклонения. По своей структуре указанные индикаторы эффективности управления могут делиться на группы показателей, характеризующих содержание конечных результатов управления формированием и развитием

социальной активности молодежи, непосредственную организацию процесса управления.

Таким образом, управление формированием и развитием социальной активности молодежи представляет сложный процесс, состоящий из совокупности ряда элементов. Анализ перечисленных элементов дает возможность получить информацию о состоянии и содержании социально значимой деятельности молодых людей, в соответствии с этим предложить рекомендации по оптимизации управления формированием и развитием социальной активности молодежи.

Литература

1. Зайверт Л. Ваше время – в Ваших руках. М.: Интерэксперт, ИНФРА-М, 1995. С. 10.
2. Харланова Е.М. Теоретическое обоснование педагогического обеспечения развития социальной активности студентов: монография. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2010. 291 с.
3. Кожевникова Е.Ю. Личностные ресурсы преодоления ситуации социально-экономической депривации: автореферат дис. канд. психол. наук. Краснодар, 2006.
4. Алещенок С.В. К проблеме новой концептуализации молодежи // Методологические проблемы исследования молодежи: Материалы к дискуссии / НИЦ при Институте молодежи. М., 1998. С. 34.
5. Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации // Социальные технологии, исследования. 2007. № 10. С. 40-49.
6. Грунина С.О. Формируем активную личность со студенческой скамьи // Социальные технологии, исследования. 2006. № 5. С. 55-61.
7. Семенов В.Е. Ценностные ориентации современной молодежи // Социологические исследования. 2007. № 4. С. 37-43.
8. Дмитрий Медведев подписал указ «О Совете при президенте РФ по развитию информационного общества в РФ» // Независимая газета. 2008. 7 ноября.
9. Гражданское общество: история и современность: матер. Всерос. науч.-практ. конф. 26-27 апреля 2007 г., Ч. 2: Актуальные вопросы гражданского общества. Пространство политики. Политика и право. Социология гражданского общества. Религиозное пространство/ Администрация Читинской области; ЗабГГПУ им. Н.Г.Чернышевского. 2007.

Коротко об авторе ***Briefly about the author***

Бахаровская Е.В., ассистент, каф. «Социология и социальная работа», Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
Раб. тел.: (302-2) 35-22-20

H. Bakharovskaya, assistant, Sociology and social work department, Zabaikalsky State University

Научные интересы: организационно-управленческие аспекты формирования и развития социальной активности студенческой молодежи

Scientific interests: organizational and management aspects of student's youth activity formation and development

УДК 316.4

Жуковская Евгения Евгеньевна
Evgeniya Zhukovskaya

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ

PROBLEMS IN CONTROLLING INFORMATION PROCESSING

Автор делает вывод, что если не внедрять в информационно-коммуникационную сферу механизмы управления, предоставляя тем самым информационные процессы хаосу, весь социум подвергается риску фрагментации, ослаблению социальных связей, вплоть до распада реальных сообществ, снижения уровня доверия, а также социального и гражданского участия

Ключевые слова: *информационное общество, коммуникационные технологии, информационные процессы, проблемы управления, средства массовой коммуникации*

Nowadays information has become a specific production resource, leading to the continuously growing development of science intensive, computer and information technologies. Moreover, there is a widespread opinion, that the radical changes in the communication sphere, due to the revolution affecting the mass media techniques, have induced a feeling of disorientation. The author of this article has come to the conclusion, that if no control mechanism is introduced into the information and communication area, thus allowing chaos to invade information processes, all the society will be in danger of fragmentation, weakening of social relations up to the disintegration of existing communities, deterioration of the level of trust, and of the participation of people in social and civil life

Key words: *information society, communication technologies, information processes, management problems, mass communication media*

Эпоха «общества знания», «постиндустриальное общество», «информационное общество» – так исследователи называют современный этап развития цивилизации. «В конце второго тысячелетия нашей эры ряд значительных социальных, технологических, экономических и культурных преобразований привел к становлению новой общественной формы – сетевого общества», – пишет в предисловии к своей книге «Подъем сетевого общества» Мануэль Кастельс [29].

В новых условиях информация стала своеобразным производственным ресурсом, [7; С. 5] позволяющим наукоемким, компьютерным, информационным технологиям получать наибольшее развитие. Более того, все чаще можно услышать мнение о том, что радикальные изменения коммуникационной сферы, порожденные революцией в области технических средств связи, провоцируют чувство дезориентации.

Переход от традиционных средств массовой информации к системе горизонтальных информационных сетей, пронизывающей весь Интернет, а также возможность беспроводной передачи информации привнес в ментальность современного человека многообразие моделей коммуникации. Виртуальность стала неотъемлемым измерением нашей реальности. Возникла новая культура, основанная на многомодальной коммуникации и обработке цифровой информации. Она может стать причиной об-

разования разрыва между поколением тех, кто сложился до эпохи Интернета (1969), и тех, кто вырос в цифровую эру [29].

Глобальное коммуникационное пространство, как считает итальянский социальный мыслитель Джанни Ваттимо, с одной стороны, оказывается оторванным от какой-либо специфической «почвы», а с другой – дает взамен свободу выбора идентичности из множества звучащих в этом многоголосье диалектов-субкультур [4; С. 61]. В эпоху развития информационно-коммуникационных технологий член социума, в частности, и социальные группы, в целом подвержены одновременно и расширению коммуникационных возможностей, и риску сужения мировоззренческого кругозора.

Цель нашей работы заключается в выявлении основных современных проблем управления информационными процессами, их причин и возможных последствий.

Сообразуясь с поставленными целями, мы формулируем следующие задачи: выявление места коммуникации в общественных связях, соотнесение понятий «управление», «информация» и «информационные процессы» с социальными реалиями.

Осмысление управления информационными процессами актуально в связи с возникновением в конце XX – начале XXI вв. глобального коммуникационного пространства, в котором свободно взаимодействуют равноправные «реальности» [4; С. 60].

Исходя из изложенного, объектом нашего исследования является информация и информационные процессы, позволяющие выстраивать в социуме межличностные связи, коммуникацию. Предмет исследования – управление этими процессами.

I. Информационные процессы и жизнь социума

1. Смысл коммуникационных связей в работах Юргена Хабермаса и Никласа Лумана

Прежде чем приступить к рассмотрению проблем управления информационными процессами, необходимо подробнее остановиться на такой форме социального взаимодействия, как коммуникация.

«Коммуникация – это процесс передачи и восприятия разного рода информации (в том числе символической и чувственной) в межличностном диа- и полилоговом режиме взаимодействия, когда информация исходит от различных сторон, а также в монологовом режиме, когда информация исходит от различных средств массовой информации, а круг тех, кто ее воспринимает, не вполне определен. В таком случае общение – это та часть коммуникации, которая исходит в режиме межличностного взаимодействия», – пишет российский социолог Ф.И. Шарков. Он считает, что терминология области виртуального общения и «всего, что касается коммуникации и общения в компьютерных сетях, еще не устоялась» [25; С. 119].

Автором оригинальной метапарадигмальной теории коммуникативного действия является немецкий социолог Юрген Хабермас [12; С. 523]. При описании общественных связей он проанализировал межличностные отношения с точки зрения информационного взаимодействия, показав глубинные изменения «жизненного мира» человека [27]. В своей теории автор пришел к выводу, что рациональное возникает и развивается именно в сфере коммуникаций, и процессы, происходящие в этой сфере, являются определяющими факторами общественного развития. Именно коммуникативный дискурс, по мнению ученого, создает то пространство свободы, в котором люди на основе согласия способны влиять на ход исторического процесса, быть его реальными субъектами. Отсюда следует вера в разум, сознание, просвещение [18; С. 43].

Создавая свою теорию коммуникативного действия, немецкий коммуникативист стремится «несколько точнее» определить понятие «коммуникация» и выделить две формы разговорной (лингвистической) коммуникации – «коммуникативное дейс-

твие» и «дискурс»: «Итак, мы можем различать две формы коммуникации (или речи): коммуникативное действие (интеракция) — с одной стороны, дискурс — с другой. В первом случае, значимость наивно предполагается смысловой связностью в целях обмена информацией, связанной с приобретенным опытом. Здесь высказываются проблемные значимые требования по соответствующему вопросу, но информацией не обмениваются. В дискурсах же мы ищем проблематизированное соглашение, которое возникло в коммуникативном действии посредством основания: впредь в этом смысле (дискурсивном) я говорю о взаимопонимании. Взаимопонимание задается целью преодолеть ситуацию, которая возникает в результате проблематизирования наивно предполагаемых значимых требований в коммуникативном действии», — пишет Юрген Хабермас [28; С. 114, 115].

Взаимопонимание ведет к дискурсивно достигнутому, мотивированному соглашению. Дискурс необходим при мотивировке проблематизированных значимых требований, выраженных во мнениях и нормах. Юрген Хабермас считает, что структуры современной социальной системы, олицетворяющие собой доминирование формальной реальности, объединены в силу, колонизирующую жизненный мир людей, который относится к разряду субстанциональной рациональности. Из-за этого возникают коммуникационные барьеры, так как формальная рациональность лишена гуманистического содержания и тем самым препятствует достижению взаимопонимания между людьми. Опасность современного мира заключается в отмирании человеческого взаимодействия. Формальные рациональные отношения размывают подлинно человеческий смысл, делая рациональность технической, инструментальной [12; С. 523].

Оспаривая веберовское понимание инструментальной рациональности, социолог высказывает мнение, что формальная рациональность привела, с одной стороны, к беспрецедентному росту производительных сил, а с другой — технологическому контролю над жизнью людей. Разрешить эту проблему современного общества можно путем развития рациональности коммуникативного действия, не подвластную внешнему принуждению и насилию, а также свободную от влияния экономических, политических, культурных и иных институциональных структур. «Главное в коммуникации — достижение понимания, гармонизации планов индивида с другими участниками взаимодействия», — убежден ученый [12; С. 524].

Немецкий социолог критически переосмысливает марксизм и постмарксистские теории. Он не согласен с трактовкой Карлом Марксом отчуждения в контексте производственных отношений, полагая, что таким образом в стороне остаются коммуникативные действия людей, то есть социальное взаимодействие. Для Маркса труд является «непреходящей естественной необходимостью человеческой жизни». Юрген Хабермас убежден, что важной социокультурной составляющей, выражающей сущность человека, может быть только коммуникация [12; С. 525]. Анализируя общественный порядок, он указывает, что отношения власти и господства — основной источник самоотчуждения человека. Различные формы господства почти полностью подчинили себе человека. Отношения господства выступают, в силу этого, искаженной, «неистинной» коммуникацией. Искаженная коммуникация является формой радикального отчуждения человека в обществе, поскольку в процессе ее подавляется то, с помощью чего люди только и могут понимать и взаимодействовать друг с другом, а именно — язык. Неистинная коммуникация отнимает у человека его человеческое, «истинная» же — возвращает ему его подлинную идентичность.

Ученый подходил к анализу человеческой коммуникации с позиции исторического материализма. Он ввел новый термин «естественная коммуникация», которая обеспечивает аутентичное взаимопонимание благодаря непосредственным общениям. Она позволяет сохранять идентичные смысловые образы и социальные реалии

[12; С. 534]. Неистинной коммуникации Юрген Хабермас противополагает идею столь же сознательного, сколь и свободного «дискурса», возвращающего человеческой коммуникации осмысленный характер. «Дискурс» – это не что иное, как целенаправленный процесс обсуждения «общественностью» высших ценностей, которыми люди руководствуются в своих действиях. Задача его состоит в том, чтобы достичь общественного согласия – «консенсуса», то есть того самого аутентичного взаимопонимания, которое характеризует «естественное» речевое общение людей в жизненном мире, не искаженном вторжением – антагонистических, основанных на насилии – общественных систем» [6; С. 357].

Консенсунс может быть достигнут в результате рациональной критики людьми указанных ценностей. Данные ценности выступают высшими принципами целеполагания, определяющими самую общую перспективу социальной деятельности. Такая критика способствует сознательной «коррекции» участниками «дискурса» высших ценностей в целях приведения их в соответствие с изменяющимися требованиями современной эпохи. Поэтому и нужен общественный «дискурс», то есть «дискурс», в котором могли бы принимать участие все члены общества. Тогда в процессе рационально организованного обсуждения, имеющего целью «одну лишь правду», можно преодолеть индивидуальный и групповой партикуляризм (в широко распространенных сегодня социальных сетях, казалось бы, есть эта свобода высказываний у любого члена общества. Но дискуссии здесь по большей части лишены хабермасовского рационально организованного обсуждения. Поэтому партикуляризм на данном этапе развития информационного общества здесь не преодолевается), разобщающий людей, мешающий их взаимопониманию: «Все основные значения, которые являются составляющими нормативно регулируемых действий, уже имеют нравственный критерий. Он используется в полной мере только в тех случаях, когда люди обсуждают конфликты или нарушения норм. С достижением социального мира и переходом к нормативным отношениям, все социальные отношения принимают безоговорочно этический характер. Золотые правила подчинения закону этически необходимы с целью определения содержания как социальных ролей, так и норм, главных в любом нравственном конфликте, так как они обусловливают дополнительные поведенческие ожидания и должную симметрию прав и обязанностей», – считает Юрген Хабермас [26; С. 412].

Еще одним исследователем теории коммуникационных процессов в обществе является немецкий социолог Н. Луман. В своем лекционном курсе «Введение в системную теорию» он отмечает, что при передаче информации – выстраивании коммуникативных связей – знание не пропадает, не утрачивается, но только преумножается [15; С.303-304]. При этом ученый не рассматривает ситуации, когда оно, например, искажается, забывается, замалчивается.

Согласно его концепции, коммуникация делится на три части: информацию, сообщение и понимание. Коммуникация возникает только тогда, когда возникает единство, состоящее из сообщения, информации понимания... [которые] не могут появляться изолированно, а всегда представляют собой аспекты оперативно осуществляемого единства, но при этом не являются элементами, атомами или какими-то заданными состояниями, которые нужно просто скомпоновать [15; С. 310], считает ученый, выражая убеждение: «Если на уровне понимания не будет проводиться различение между сообщением и информацией, коммуникация не состоится. В компоненте «понимание» коммуникация как раз и создает двойственность информации и сообщения, которая и делает ее коммуникацией» [15; С. 313].

Размышляя об эффектах или функциях коммуникации, Н. Луман затрагивает проблему теории, утверждающей, что смысл коммуникации заключается в установлении согласия (консенсуса). Социолог критически относится к подходу Юргена Хабермаса о коммуникативном действии,

цель которого, несмотря на многочисленные типы коммуникативного поведения, только одна — достижение единства, консенсуса.

«Жизненный мир как предполагаемый консенсус по-прежнему содержит в себе такой объем разногласий, что угроза того, что когда-нибудь мы сможем удовлетворенно откинуться в кресле и сказать: «Ну вот мы этого и добились, теперь в коммуникации нет необходимости, теперь мы единодушны», вряд ли существует. Но если проблемы комплексности или объема настолько ужасны, настолько драматичны, то какой тогда смысл требовать противоположного и таким образом встраивать в понятие коммуникации стремление к консенсусу, как будто все остальное уже и не является коммуникацией? Почему мы превращаем невозможность в норму? Иначе говоря, кто скажет нам, в каких случаях это должно осуществляться, если оно не может осуществляться ни в каких случаях?», — задается вопросом немецкий исследователь [15; С. 323].

Ученый считает коммуникацию отдельным независимым процессом, «который хотя и может определять сообщение как действие», но этим не исчерпывается. Он (процесс коммуникации) поднимается над действием, «атрибутирует, приписывает, конструирует» его, но сам им — действием — не является. Исходя из этого постулата, Никласа Лумана делает вывод: результатом коммуникации является «не консенсус в нормальном или идеальном случае или его отсутствие и досадные отклонения во всех остальных случаях». Результатом становится бифуркация, ведь «процесс, достигший точки понимания, может или принять то, что понято, в качестве предпосылки дальнейшего коммуницирования, или отклонить». Таким образом, результат сообщаемой информации — или «да», или «нет» — включен в качестве предпосылки последующей коммуникации.

При исследовании коммуникационных процессов особое внимание социолог уделил письменности: «По сути коммуникация, согласно Хабермасу, должна гарантировать, что все как минимум читают одни и те же тексты, но этого невозможно добиться даже в рамках одного семинара, не говоря уже обо всем человечестве. Собственно говоря, вся письменная коммуникация ускользает от этих рассуждений и модельных построений» [15; С. 324]. Значение письменной коммуникации — в межвременном и межпространственном доступе к письменному наследию человечества.

В связи с широким распространением компьютерных технологий социолог задается вопросом: «Можно ли еще говорить о коммуникации в случае отказа от последовательности, когда у нас есть компьютерные информационные системы, в которых мы от случая к случаю что-то выискиваем и затем сами по-новому это комбинируем и в которых одно предложение не следует за другим, а информация уже есть, и затем это просто подается спектр ссылок на другую информацию. Человек сидит, прокладывает себе траекторию и выводит на экран то, что ему нужно, и при этом уже не может провести различение между информацией и сообщением» [15; С. 324].

В реалиях становления информационного общества возникают сложности понимания коммуникационных процессов, вплоть до проблем классификации коммуникации. Однако существование информационно-коммуникационных технологий, письменности, книгопечатания и новой терминологии коммуникации обусловлено эпохой, историческим контекстом и развитостью общества.

2. Управление информацией и ее процессами

Изучение информации как некоей самостоятельной константы возникло в период становления кибернетики — науки, доказавшей, что информация имеет непосредственное отношение к процессам управления и развития, обеспечивающим устойчивость и выживаемость любых систем [20; С. 123].

В основу теории вошли три принципа, позволяющие отнести то или иное явление к управлению:

1) наличие процесса передачи, обработки и хранения информации;

2) наличие телеологического эффекта или целеполагания;

3) наличие механизма обратной связи для корректировки действий по достижении целей.

В результате проведения ряда исследований Н. Винер пришел к выводу, что в живых системах существует скорее техническое подобие физиологической регуляции, нежели само управление, ведь «управление без устремления в будущее, без сформулированного человеком желаемого результата и схемы, плана его достижения и, конечно, без сознательного построения механизма обратной связи теряет свое основополагающее свойство» [22; С. 20]. Обнаружение же информационных свойств в объектах живой природы скорее говорит о распространенности явлений саморегуляции и самоорганизации, происходящих спонтанно, без участия интеллектуальных ресурсов. Управление возникает в результате осознанного человеческого действия: «Человек является не пассивным объектом природы, автоматом, беспрекословно повинующимся ее предписаниям, а субъектом, наделенным волей, сознанием и способностью к созиданию в космическом масштабе» [22; С. 21; 24].

Ведущий современный российский ученый в области социологии управления А.В. Тихонов считает, что с самого начала зарождения коммуникационного анализа как исследовательской процедуры в нем был заложен методологический изъян: коммуникация стала рассматриваться отдельно от базового вида совместной деятельности. Над данной проблемой работали такие ученые, как Э. Роджерс, Р. Агарвала-Роджерс, К. Шеннон, У. Уивер, У. Шрэм, Уэстли, Маклин, П. Лазарсфельд, Г. Лассуэл, К. Ховланд и другие. Исследователи пришли к выводу, что коммуникацию следует рассматривать не только с точки зрения интересов источника, но и получателя информации [22; С. 431-434]. Поэтому при анализе управления информационными процессами важно учитывать три фундаментальных аспекта кибернетики: информационный, управленческий, организационный – в их динамическом единстве. Изучение хода общественного развития в системно-кибернетическом плане показывает, что основными составляющими интенсификации информационных процессов являются:

1) неуклонное возрастание скорости передачи сообщений;

2) увеличение объема передаваемой информации;

3) ускорение обработки информации;

4) все более полное использование обратных связей;

5) увеличение объема добываемой новой информации и ускорение ее внедрения;

6) наглядное отображение информации человеком в процессах управления;

7) бурный рост технической оснащенности управленческого труда [20; С. 124].

Определено три постулата коммуникационного анализа социологии управления о наличии устойчивых связей между участниками информационных процессов:

1) анализ содержания сообщений позволяет определить характер социальных отношений участников, и наоборот;

2) смысл и значение совместной деятельности могут быть установлены на основе значений, которые участники коммуникаций придают содержанию и форме сообщения;

3) эффект вмешательства управляющего механизма в процесс совместной деятельности зависит от состояния коммуникационной сети, степени ее синзитивности [22; С. 435].

Если понимать информацию как жизненную силу общественного организма, то информационные процессы – это сердцебиение, благодаря которому организм жив. К основным информационным процессам относятся хранение, передача, обработка информации. Далее рассмотрим детально, как можно управлять каждым из этих процессов.

Люди хранят информацию либо в собственной памяти, либо на каких-то внешних

носителях. Раньше это была бумага, теперь – компьютерные банки данных, серверы. С каждым годом объем информации, которая уходит в память электронных носителей, все возрастает. Так, в середине XX в. количество научной информации удваивалось каждые пятнадцать лет, в конце XX в. – каждые пять с половиной лет. В начале XXI в. прогнозируется, что удвоение информации будет происходить каждые двадцать месяцев [19; С. 5]. «Ускорение, вызывающее постепенное ослабление памяти, наверное, одна из самых неразрешимых проблем нашей цивилизации. С одной стороны, мы придумываем множество инструментов для сохранения памяти, разнообразные формы регистрации и возможности передачи знаний. Все это, наверное, является существенным преимуществом по сравнению со временами, когда приходилось прибегать к различным мнемотехникам, способам запоминания – ведь тогда у нас не было под рукой необходимых знаний. Тогда люди могли полагаться только на свою память. Недолговечность этих инструментов действительно представляет собой проблему, но мы также должны признать, что по отношению к производимым нами объектам культуры мы бываем несправедливыми», – предостерегает У. Эко [5; С. 20].

«В середине XIX в. художник-портретист из Массачусетса Сэмюэл Морзе передал по электрическому телеграфу первое сообщение: «Что сотворил Господь?» Это стало началом нового этапа мировой истории. Чтобы передать любое сообщение, его должен был кто-то доставить. Однако появление спутниковой связи означало не менее драматичный разрыв с прошлым. Первый коммерческий спутник был запущен лишь в 1969 г. Теперь на околоземной орбите находятся более 200 таких спутников, и каждый из них передает огромные объемы информации. Впервые в истории стала возможной мгновенная связь между противоположными точками земного шара. В последние годы ускорилось и развитие видов электронной связи, все более интегрированной со спутниковыми системами. До конца 1950-х гг. кабельной телефонной связи через Атлантический или Тихий океаны вообще не существовало. По первому телефонному кабелю можно было передавать около 100 разговоров одновременно. «Сегодняшние передают более миллиона», – пишет в своей работе «Ускользающий мир» социолог Э. Гидденс, размышляя над проблемами глобализирующегося мира [3; С. 27-28].

Безусловно, при выстраивании системы управления хранения информации нужно заботиться не только о техническом состоянии сервера, но и о том, чтобы он находился в правовом поле. Известная фраза «Предупрежден – значит вооружен» в эпоху информационного общества только актуализируется: «В условиях, когда вашу прекрасную идею можно столь быстро скопировать, наиболее стойким конкурентным отличием является информация – особо важный фактор, который позволяет организациям отвечать на постоянные внешние изменения путем постоянной модернизации и обновления. А это значит, что стратегия управления информацией... может оказаться либо наиболее привлекательной,.. либо наиболее ограничивающим... работу дефицитом» [21; С. 45].

Информация нередко подвергается преступным нападениям, поэтому владельцы банков данных должны ответственно относиться к проблеме конфиденциальности, пресекая попытки распространения отданной им на хранение информации во внешнюю среду как среди своего персонала, так и охотников (= преступников) за информацией. В целях повышения эффективности управления хранением информации видится насущным объединить усилия экспертов по созданию правовой базы, причем не только в мировом, но и в региональном масштабах. Специалисты информационно-коммуникационной сферы озабочены и усовершенствованием механизмов по «продлению жизни» электронных носителей, ведь «если вся визуальная и звуковая (а также текстовая, размещенная в интернете и иных компьютерных технических средствах – прим. Е.Ж.) память о XX в. окажется стертой из-за тотального

энергетического коллапса или еще из-за чего-нибудь, у нас по-прежнему и навсегда останутся книги» [5; С. 34].

«В результате постоянного изменения характера угроз жизни людей, деятельность государственных структур и бизнеса все больше стали зависеть от качества и надежности используемых или информационно-коммуникационных технологий и информационной инфраструктуры. Защита информационных систем и сетей от различного вида угроз, обеспечение их надежного и устойчивого функционирования становятся приоритетными национальными интересами в информационной сфере. Их роль в общем числе национальных интересов в информационной сфере в рамках национальной безопасности [стран] существенно возрастает», – считают российские эксперты в области разработки национальных государственных концепций и программ по формированию информационного общества [10; С. 249].

Мгновенная электронная связь – не просто способ ускоренной передачи информации или новостей. Ее существование меняет саму жизнь любого человека [10; С. 249] вне зависимости от его социального статуса или гендерной принадлежности. Поэтому, управляя процессом передачи информации, важно помнить, что на этом процессе строятся все коммуникационные связи социума. Современная информационная сеть создает возможность прямого диалога каждого с каждым практически вне зависимости от ситуации и физического местонахождения. Развитие коммуникационных технологий заметно облегчают информационные процессы, однако они, вследствие своей инструментальной природы, могут их и затруднить. Чтобы этого не случилось, необходимо научиться ими управлять посредством осмысления того, что компьютерные технологии обозримы и временны. Важно передавать информацию «из первых рук», так как «получение информации из «вторых рук» ИТ нарушает биологически детерминированный способ усвоения информации и взаимодействия. В психике формируется дематериализованный мир, заменяющий реальный, материальный мир, к которому приспособлены тело и психика человека... Компьютеры «ликвидируют» опыт, сверх-рационализируют человеческое мышление и ставят его под контроль машины» [19; С. 235-236; 29].

В условиях становления сетевого общества, когда Интернет оказывает большое влияние на полноценное развитие личности, вне зависимости от пола и возраста, особое внимание следует обратить на проблемы управления обработки информации. «Теперь мы можем, благодаря компьютеру, подойти к сложным социальным потребностям с такой же уверенностью архитектора, какой мы ранее достигли в частном жилищном строительстве», – убежден Маршалл Маклюэн [16; С. 413].

Небывалый рост данных, представляющих собой «сокрушительную массу» разрозненных, неоднозначных и нередко противоречащих друг другу фактов, «представляет и наиболее значительную проблему, и наиболее крупную благоприятную возможность» в процессе обработки и усвоения информации. В связи с этим, «естественным выходом становится разнесение данных по разным категориям, разделение информации и ответственности за ее использование», – считают американские специалисты в области управления информационными процессами [21; С. 45].

Выстраивая стратегию управления информационными процессами, необходимо помнить о двояких эффектах, провоцируемых новыми реалиями в сфере реального коммуникативного сообщества. С одной стороны, «новые средства информации и коммуникации помогают преодолеть многие из физических препятствий для коммуникации (удаленность, недостаток времени)», а с другой – «глобализация пространств разрушает «коммуникацию малых расстояний» (институты соседства, цельность местных общин).

Также средства информации повышают возможности участников коммуникации довести до других и обосновать свою точку зрения, организовывать дискурсы и участвовать в дискурсах (увеличивают ин-

формационную емкость общества, снижают издержки обмена информацией). Однако при этом новые средства коммуникации являются эффективным ресурсом власти и доминирования, а обладание ими позволяет исключать из коммуникации неугодных (неинтересных) участников, темы, точки зрения.

Помимо этого в определенных условиях они «делают более прозрачными и даже в некоторых случаях снимают границы институтов и культур, продуцирующих конвенциальную мораль «субстанциальной нравственности», в иных же – разрушая сложившиеся сообщества, ведут «к дезинтеграции обществ, распаду сложившихся нормативных систем и, в конечном счете, к деградации личности».

Наконец, новые информационные условия могут не только повышать «степень свободы личности и предоставляют больше, чем предпосылки для укрепления постконвенциональной морали», но и освобождать «от традиций и конвенциональных норм», чем повышают «степени произвола и анархии», чреватые «эгоизмом и аморализмом личности» [19; С. 241-242].

Проведенное нами изучение понятия «информация», изменения средств ее передачи, возникновения на протяжении человеческой истории нескольких коммуникационных революций, теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса и критичных отзывов ряда ее положений Н. Луманом, а также рассмотрение области управления информации и ее процессами позволяет выявить следующие проблемы в этой сфере.

Хранение и передача информации сталкиваются с проблемой информационной безопасности, с развитием компьютерных технологий. Казалось бы, для ее решения необходим прогресс инженерной сферы деятельности. Исключается ли при этом человеческий фактор? Никакой искусственный разум, наноинтеллект не может заменить человека, его способность к творческому мышлению, стратегическому видению, целевому планированию своей деятельности. Иными словами, только человек может управлять, тем более такими процессами, как информационные, от которых зависит здоровье всего общественного организма, и в достижении этой цели уже недостаточна эволюция в области инженерных или юридических технологий. Требуются принципиальные решения в сфере организации информационных процессов. В связи с этим, мы можем говорить о нарастающей проблеме, при которой существуют неограниченность инженерного потенциала, с одной стороны, и ограниченность человеческих возможностей – с другой.

Наиболее пристальное внимание следует обратить на проблему управления процессом обработки информации. В условиях небывалого роста информационных потоков и доступности получения информации человек и социум сталкиваются с таким вызовом современности, как умение находить достоверную, реальную, а не гиперреальную информацию. Пользователям информации необходимо также уметь анализировать получаемые сведения. Однако обилие коммуникационных пространств не способствует осознанию человеком всей целокупности общественной жизни. Зачастую мы сталкиваемся с «фрагментарным», «мозаичным» мышлением, когда люди вычленяют отдельно взятый образ, сигнал, факт и его ставят в центр события или явления. При этом может быть не учтен весь его контекст, весь спектр нюансов и информационных красок.

Отсюда вытекает и проблема взаимообмена информациями, которая особое значение приобретает при широком распространении интернет-сообществ, в том числе блогосферы и твиттера. Так, сообщить о чем-либо можно посредством качественного аналитического материала в газете, субъективного анализа, происходящего в блоге, краткой констатации факта в твиттере. Налицо – деградация мышления, спровоцированная в том числе расширением значения электронных средств информации в обществе. Но если не внедрять в информационно-коммуникационную сферу механизмов управления, предоставляя ин-

формационные процессы хаосу, мы, вслед за отдельным индивидуумом, подвергаем весь социум риску фрагментации, ослабления социальных связей, вплоть до распада реальных сообществ, снижения уровня доверия, а также социального и гражданского участия [4; С. 61; 30].

Мы во многом зависим от информации любого рода и жанра, сведений, поступающих к нам от средств массовой коммуникации, данных, найденных в разных источниках. Знания стали доступнее, что коренным образом повлияло на формирование новых потребностей человека, мировоззрение людей. Деятельность отдельных граждан, групп, коллективов и организаций все в большей степени начинает зависеть от их информированности и способности эффективно использовать имеющуюся информацию. В настоящее время прежде чем предпринять какие-то действия, сначала требуется отфильтровать полученные сведения, затем их осмыслить и проанализировать. Активизировать данные процессы невозможно без выстраивания управленческих схем, игнорирования механизмов управления. Иначе информационно-коммуникационные технологии принесут не столько пользы, сколько вреда, что, естественно, отразится на всех сферах социальной жизни и производственной деятельности.

Неэффективное управление информацией и коммуникационными процессами может увеличить формирование виртуальных сообществ, основанных на слабых связях по интересам и способствующих в конечном счете фрагментации культуры и общества. Поэтому возникает необходимость выстраивания эффективной системы управления. Информационная прозрачность в мировых масштабах, высокая степень динамики людей, капиталов, технологических и научных наработок [3; С. 167] способствуют активному развитию коммуникационных процессов и созданию адекватных времени управленческих решений.

«Генерируя больше данных, больше информации и знаний, чем наши предки, мы их по-иному организуем, по-иному распределяем и более гибко комбинируем. Мы создали целые кибермиры, в которых идеи, как великие, так и ужасные, сталкиваются друг с другом как разумные шарики для пинг-понга», – отмечают Элвин и Хейди Тоффлеры в своей книге «Революционное богатство» [23; С. 557].

По мнению американских философов, мы являемся прямыми или косвенными участниками строительства новой цивилизации и революционной системы богатства, которая составляет ее ядро. Завершится ли этот процесс благополучно или же нет зависит и от того, насколько современное общество фундаментально подойдет к проблемам управления информационными процессами и выработке оптимальных решений.

Литература

1. Афанасьев В.Г. Социальная информация. М., 1994. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://huminf.tsu.ru/e-jurnal/magazine/1/rojneva.htm.

2. Гивишвили Г.В. Есть ли у естествознания альтернатива Богу? // Вопросы философии. М.,1995, № 2.

3. Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004.

4. Глаголев В.С., Бирюков Н.И., Зарубина Н.Н., Зонова Т.В., Самарин А.Н., Силантьева М.В. Межкультурная коммуникация в условиях глобализации. М., 2010.

5. Головлева Е.Л. Массовые коммуникации и медиапланирование. Ростов-н/Д, 2008.

6. Давыдов Ю.Н. Очерки по истории теоретической социологии XX столетия: от М. Вебера к Ю. Хабермасу. – М., 1994 // http://pravovestnik.ru/?p=15.

7. Информационное общество. XXI век. Энциклопедия для школьников и студентов. Минск, 2009.

8. Карьер Ж.-К., Эко У. Не надейтесь избавиться от книг. СПб., 2010.

9. Кастельс М. Галактика. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://i-u.ru/biblio/download.aspx?id=4290.

10. Коротков А.В., Кристальный Б.В., Курносов И.Н. Государственная политика Российской Федерации в области развития информационного общества. М., 2007.

11. Кочергин А.Н., Коган В.З. Проблемы информационного взаимодействия в обществе. М., 1980. [Электронный ресурс]. Режим доступа: // http://huminf.tsu.ru/e-jurnal/magazine/1/rojneva.htm.

12. Кравченко С.А. Социология: парадигмы через призму социологического воображения. – М., 2007.

13. Левин П. Интернет как гражданское общество. М., 2010.

14. Лукина М.М. Российский медиарынок в интернете // Национальные модели информационного общества. М., 2004.

15. Луман Н. Введение в системную теорию. М., 2007.

16. Маклюэн М. Понимание медиа. М., 2007.

17. Назайкин А.Н. Основы медиапланирования. М., 2010.

18. Назарчук А.В. От классической критической теории – к теории коммуникативного действия: (Смена парадигмы в социальной теории) // Вестник Моск. ун-та. Сер.: Философия, 1993. № 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: // http://pravovestnik.ru/?p=15

19. Назарчук А.В. Этика глобализирующегося общества. М., 2002.

20. Панарин И.Н. Информационная война, PR и мировая политика. М., 2006.

21. Рассел А., Дэвис Дж., Миллер Г. Информационная революция. Путь к корпоративному разуму. М., 2008.

22. Тихонов А.В. Социология управления. М., 2009.

23. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. Как оно будет создано и как оно изменит нашу жизнь. М., 2007.

24. Цыдря Ф.Н. Социальная информация: Философский очерк. Кишинев, 1978. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://huminf.tsu.ru/e-jurnal/magazine/1/rojneva.htm.

25. Шарков Ф.И. Коммуникология. Социология массовой коммуникации. М., 2010.

26. Couture T. Habermas, values, and the rational, internal structure of communication // J. of value inquiry. – Dordrecht. 1993 // http://pravovestnik.ru/?p=15.

27. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns // http://www.ztg.tu-berlin.de/download/legewie/Dokumente/Vorlesung_5.pdf.

28. Habermas J., Luhmann N. Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnolgie. Was leistet die Systemforschung? – Frankfurt a. M., 1971 // http://pravovestnik.ru/?p=15.

29. M. Castells The Rise of the Network Society. – Wiley-Blackwell, 201030. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://huminf.tsu.ru/e-jurnal/magazine/1/rojneva.htm.

31. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://i-u.ru/biblio/download.aspx?id=4290.

32. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org.

33. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ztg.tu-berlin.de/download/legewie/Dokumente/Vorlesung_5.pdf.

Коротко об авторе — *Briefly about the author*

Жуковская Е.Е., преподаватель, каф. «Журналистика и PR», Российский православный университет, специалист контрольно-аналитической службы Управления делами Московской Патриархии
ezh@patriarchia.ru

Научные интересы: социология управления, управление информационными процессами, управление информационной политикой, информационные риски и риски в информационном обществе, применение механизмов управления в информационной деятельности Русской Православной церкви

E. Zhukovskaya, teacher, journalism and PR department, Russian Orthodox University, specialist in the Control and Analytical Department of the Moscow Patriarchate's Chancery

Scientific interests: management sociology, control of information processes, control of information policy, information hazards and hazards in an information society, implementation of control mechanisms in the information activity of the Russian Orthodox Church

УДК 159.9

Романова Илона Валерьевна
Ilona Romanova

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ, ЭКОНОМИЧЕСКИХ, СОЦИАЛЬНЫХ И ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ОСНОВ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КАК ДЕТЕРМИНАНТА ИЗМЕНЕНИЙ ОБРАЗА ЖИЗНИ ОДИНОКИХ ЖЕНЩИН

THE TRANSFORMATION OF THE POLITICAL, ECONOMIC, SOCIAL AND SPIRITUALLY-MORAL BASES OF THE RUSSIAN SOCIETY AS DETERMINANT OF LIFESTYLE CHANGES SINGLE WOMEN

Дан анализ стратегических приоритетов политики и актуальных тревог современных одиноких женщин посттрудового периода жизнедеятельности. Из анализа заключено, что общество и государство пока еще не слышат друг друга по многим жизненно важным вопросам. Их ориентации в жизни не совпадают по критерию социальной важности и очередности, что в полной мере относится и к социальной группе одиноких женщин посттрудового периода, для которых названные противоречия проявляются еще более контрастно. Выявлено, что основной детерминантой этих противоречий являются экономические отношения, рассматриваемые нами как основа жизнедеятельности этой категории женщин

The analysis of the strategic priorities of the policy and the current alarms modern single women post labour period of life is given. From the analysis concluded that the state and the society still do not hear each other, on many vital issues. Their orientation in life does not correspond to the criterion of social importance and priority that applies in full to the social group of single women of post labour period for which these differences are even more of a contrast. It is proved that the main determinants of these contradictions are economic relations, viewed as the basis of life of this category of women

Ключевые слова: *одинокие женщины, посттрудовой период жизнедеятельности, политические, экономические, социальные основы общества, образ жизни, детерминанта, трансформация, социальная структура, иерархия жизненных ценностей, реформа, самоидентификация*

Key words: *single women, post labour period of life, political, economic, social foundations of society, way of life, determinant, transformation of social structure, hierarchy of values, reform, self-identification*

Социально-экономические процессы, происходящие в современном трансформирующемся российском обществе, многогранны и их характер противоречив. При этом люди выступают в качестве исторических субъектов, которые объективно участвуют в развитии новых отношений. Вовлеченными в общественные преобразования оказываются все социальные группы, что диктует необходимость изучения влияния на них этих перемен.

Трансформация институтов российского общества в сторону его капитализации, инициированная политической реальностью, сказалась на его социальной структуре. Изменились и продолжают меняться

отношения собственности и власти, перестраивается механизм социальной стратификации, идет интенсивная смена элит. На социальную сцену выходят новые группы и классы, происходит массовая маргинализация общества, соответственно, меняются системы групповых интересов, способов поведения, социальных взаимодействий.

Поэтому общим детерминирующим фактором, вызвавшим коренные изменения в образе жизни российского общества и, в частности, одной из его наиболее уязвимых социальных групп – одиноких женщин, следует считать трансформационные процессы в политической, экономической, социальной и духовно-нравственной сферах конца XX – начала XXI вв.

Масштабы и глубина трансформации современного российского общества определяются рядом факторов, важнейшим из которых является политический. Изменения политической системы в российском обществе затрагивают все стороны его жизни. Политическое устройство общества во многом определяет характер и направления его развития.

Исследование трансформации политической системы современного российского общества обусловлено следующими противоречиями: период реформ выявил существенный разрыв между теоретическими моделями политической системы и практикой ее построения. Отмечается неравномерное развитие ветвей государственной власти. Несмотря на достигнутые результаты, пока не устранено политическое отчуждение, выражающееся в неудовлетворенности населения деятельностью политических институтов, политических партий, в дистанцировании значительных масс граждан от властных структур, непонимании их политической стратегии и курса, снижении уровня политического участия.

За прошедшие два десятилетия политическая система российского общества претерпела качественные изменения. Ушли в прошлое безраздельная монополия коммунистической партийной номенклатуры на политическую власть, преобладание идеологии над политикой и экономикой, изменились способы управления обществом. В течение относительно небольшого исторического срока сформированы новые институты власти, в стадии практической реализации находится принцип разделения властей, оптимизируются отношения между федеральным центром и регионами, происходят изменения в массовом политическом сознании, возникают новые политические практики и технологии.

Российская специфика динамики политического пространства заключается в следующем: как и во многих странах Восточной Европы, российские преобразования означают переход к демократии не от авторитарного, как в Латинской Америке, ряде стран Азии, а от тоталитарного общественного устройства. В частности, в России отсутствовал опыт реального парламентаризма (за исключением небольшого периода в начале XX в.). Россия обладает уникальными историческими и географическими особенностями, нашедшими отражение в политической составляющей и определяющими настоящий специфический характер федерализма.

Необходимость решения множества взаимосвязанных крупномасштабных задач общественных преобразований в сжатые сроки обусловила важную роль политической системы, которая призвана определять стратегию развития, общенациональную идеологию.

Ядром политической системы служит подсистема государственного управления, ответственная за состояние общества, уровень безопасности и благосостояния его членов. В этой области постсоветский период характеризуется сложными переходными процессами, установлением типизированных отношений между Президентом и Парламентом, палатами Федерального Собрания Российской Федерации, федеральным центром и регионами. Существенное влияние на изменение политической системы российского общества оказывает процесс формирования новой социальной структуры.

В периоды реформирования общества происходят подвижки во всех его сферах,

в том числе и в массовом политическом сознании населения, в его политических ориентациях. Понимание внутренней логики, по которой развивается политическая система, позволяет четче определять цели и направленность политических действий ведущим субъектам политики. Любые социальные реформы, которые начинает государство и на которые соглашается общество, имеют своей политической целью изменение, переустройство общественных условий, институтов и отношений с целью улучшения качества жизни граждан.

В процессе посткоммунистического перехода к демократии Россия столкнулась с рядом проблем, которые характерны для транзитивных стран (экономическим спадом, высокими социальными издержками преобразований, олигархической формой собственности, распространением коррупции, нестабильностью демократических институтов и т.д.). Вместе с тем, особенности ее политического развития связаны не столько с самой ситуацией трансформации политического режима, сколько с построением новой государственности и сложносоставными конфликтами, сопровождавшими этот процесс.

Существенная роль в процессе посткоммунистической трансформации России принадлежала политической элите, изменение ценностных ориентаций представителей которой существенно опережало аналогичные процессы в массовой среде. Исходя из этого, адаптивность политической системы повышалась или понижалась в зависимости от того, в какой мере создание новых политических институтов (модификация функционирования прежних структур) опиралось на неформальную культуру массовых групп. Однако интенсивная поверхностная либерализация массового сознания, распространение ориентаций на западные стандарты потребления обеспечивали общественную поддержку демократических преобразований на этапе инициирования трансформационного процесса.

Следует отметить, что трансформация политической системы постсоветской России проходила в сложных социокультурных условиях, так как традиционные компоненты ценностной системы, сложившиеся типы политического сознания, доминирующие стратегии политического поведения в определенной мере препятствовали усвоению демократических норм и укоренению формирования демократических институтов.

Показателем успешности посткоммунистической трансформации выступает глубина многоуровневого интеграционного процесса, включающего консолидацию демократии, внутриэлитную консолидацию и консолидацию общества. Консолидация демократии, обеспечивающая необратимость демократических преобразований и формирующаяся развитием ряда других процессов, предполагает достижение процедурного, ценностного и поведенческого уровней консенсуса в обществе.

В условиях посткоммунистической трансформации достижение ценностного и поведенческого уровней общественного консенсуса, необходимых для консолидации демократии, осложнено неравномерностью этого процесса, так как восприятие новых норм и реализация инновационных стратегий поведения существенно дифференцируются в зависимости от принадлежности к различным социальным стратам, возрастным когортам, политическим субкультурам.

Дальнейшее демократическое развитие российского общества будет зависеть как от качества ценностной системы (степени ее гомогенности и специфики адаптационного (инновационного) потенциала), так и от преодоления проблем, связанных с формированием политической субъектности масс (ограниченность социального капитала в обществе, дефицит демократических акторов, рассогласование ценностных приоритетов разностатусных групп, выраженность в массовом сознании ориентации на сильного лидера).

Результативность трансформационного процесса также зависит от характера и интенсивности изменений ценностной системы общества, которая способна играть роль как катализатора, ускоряюще-

го политические процессы, так и барьера, существенно замедляющего их. Игнорирование основных особенностей ценностной системы не только влечет за собой возникновение разного рода институциональных искажений, но и в целом влияет на дисфункциональность результата трансформации.

Исходя из этого, развитие политической системы общества предопределяется ее способностью соединять как институциональные, так и социокультурные аспекты своего функционирования.

Таким образом, между трансформацией политической системы и изменением ценностной системы общества существуют отношения коэволюции, т.е. одно развивается, как правило, по мере развития другого.

В связи со сказанным определенный интерес представляет динамика изменения ценностного сознания объекта нашего исследования – одиноких женщин посттрудового периода жизнедеятельности. В табл. 1 приведены ранжированные перечни жизненных ценностей одиноких женщин посттрудового периода, полученные автором при социологических опросах в 2002 и 2009 гг.

Приведенный материал позволяет наметить те сдвиги, которые произошли в ценностных ориентациях изучаемой социальной группы одиноких женщин за семилетний период. Объединяют эти две группы первичная ориентация (1...2 ранги) на такие базовые терминальные ценности, как «жизнь человека как высшая ценность, самоценность», «семья, личное счастье, продолжение рода», «общение в семье, с друзьями и другими людьми, взаимопомощь», «законность как установленный государством порядок, обеспечивающий безопасность индивида, равноправность его отношений с другими», а также ранговая периферийность (4...5 ранги) таких инструментальных ценностей, как «авторитетность – способность оказывать влияние на других, иметь власть над ними, конкурировать и добиваться успеха, победы», «вольность, тяготеющая к вседозволенности».

Таблица 1

Иерархия жизненных ценностей одиноких женщин посттрудового периода Забайкалья

Жизненные ценности *	Ранги и годы опроса	
	2002 г.	2009 г.
1) жизнь человека как высшая ценность, самоценность	1	1
2) свобода в реализации социально позитивных потребностей и способностей индивида	3	4
3) нравственность как качество поведения человека в соответствии с общечеловеческими морально-этическими нормами	3	1
4) общение в семье, с друзьями и др. людьми, взаимопомощь	1	2
5) семья, личное счастье, продолжение рода	1	1
6) работа как самоценный смысл жизни и как средство для заработка	1	3
7) благополучие – доходы, комфорт своей жизни, здоровье	3	3
8) инициативность, предприимчивость, способность выразить себя, выделиться	2	5
9) традиционность – уважение к традициям, жить как все, зависимость от окружающих обстоятельств	3	2
10) независимость, способность быть индивидуальностью, жить по своим критериям	3	4
11) самопожертвование как готовность помогать другим, даже в ущерб себе	4	2
12) авторитетность – способность оказывать влияние на других, иметь власть над ними, конкурировать и добиваться успеха, победы	4	5
13) законность как установленный государством порядок, обеспечивающий безопасность индивида, равноправность его отношений с другими;	1	1
14) вольность, тяготеющая к вседозволенности	4	5

* курсивом выделены терминальные ценности

Различия в ценностных ориентациях изучаемой группы одиноких женщин сводятся к усилению к 2009 г. ценности «нравственность как качество поведения человека в соответствии с общечеловеческими морально-этическими нормами» (3 ранг сменился на 1), что, видимо, можно объяснить размыванием этих норм в период «социального хаоса» начала 2000-х гг. и «расконсервацией» этой ценности в период усиления тенденции к стабилизации конца 2000-х гг.

Обратное соотношение приоритетов такой ценностной ориентации, как «работа как самоценный смысл жизни и как средство для заработка» свидетельствует об исчерпании возможностей нахождения работы для пополнения своего бюджета у большинства женщин посттрудового периода. Иллюзии, которые еще существовали в начале 2000-х гг., к концу первого десятилетия рассеялись. Об этом же говорит заметное понижение ранга такой ценностной ориентации, как «инициативность, предприимчивость, способность выразить себя, выделиться».

Низкие ранги в иерархии ценностей занимала в 2002 г. и занимает сейчас «свобода в реализации социально позитивных потребностей и способностей индивида». Это легко объяснимо, если привести слова одной из респонденток: *«свободу-то провозгласили, но приемлемых для пенсионеров методов ее реализации не создали…, а предпринимательство и бизнес не всем нам по зубам…»*.

Таким образом, в исследуемых периодах у одиноких женщин наблюдается движение ценностной структуры в сторону преобладания индивидуалистических целей жизни над социальными. В целом актуализируются ценности, основу которых составляет удовлетворение витальных потребностей. Индивидуально-ориентированные жизненные цели находятся сейчас в согласии с такой же индивидуалистической ориентацией большинства форм идеологии в реформируемом российском обществе.

В настоящее время в процессе политической трансформации сложилось несоответствие существующих институциональных характеристик политической системы и ценностной системы общества, препятствующее демократизации современной России. Разрыв стал результатом воспроизводства политической системой мобилизационной модели развития, поэтому институциональные преобразования значительно опередили становление политического субъекта.

Ценностная легитимация демократических институтов, консолидация демократии во многом будут зависеть от ряда условий, к которым можно отнести реализацию нормативного структурирования политической системы; формирование политической инфраструктуры, артикулирующей и агрегирующей ценностные приоритеты различных слоев; преодоление ценностного размежевания между элитными и массовыми группами; развитие гражданской культуры и культуры автономного участия; складывание функционально-целевого согласия.

Особенность российского трансформирующегося общества не в том, что оно преобразуется (преобразуется вся миросистема), но скорее в том, что оно находится в высокоактивной стадии социальных трансформаций, когда нестабильность трансформируемой социальной системы близка к состоянию «динамического хаоса» (по И. Пригожину). Этим нынешнее российское общество отличается от стабильно трансформирующихся обществ с прогрессирующей экономикой и устойчивой социально-политической системой.

Анализ социально-трансформационных процессов в разных регионах мира указывает на существенные цивилизационные различия, подтверждает убедительность аргументов в пользу своеобразия российских трансформаций и в историческом прошлом, и в предстоящем будущем… Основные аргументы сводятся к следующим.

В России, в отличие от Европы и Северо-Американского Континента (США, Канада), не сформировалось гражданское общество, и роль государства остается ре-

шающей во всех социальных и экономических преобразованиях. Российские модернизации, начиная с Петра I и кончая перестройкой, были мобилизационными [1, 13], тогда как западноевропейские стимулировались «из недр» самого общества. Концепция «общественного договора» и функций государства в качестве «медиатора» между различными социальными слоями, регионами, народностями, исполняющего «волю» граждан, не вполне свойственна ни российскому, ни советскому, ни постсоветскому государству.

Убедительной представляется аргументация А. Ахиезера [2] относительно того, что наше общество со времен первого рывка в сторону Запада остается «расколотым обществом». Противоборство западников и традиционалистов подпитывается из двух источников – образом жизни в крупных городах, в мегаполисах и повседневными практиками «глубинки», мощным слоем российского крестьянства.

Итог такого рода трансформаций – анклавизация, гибридизация, т.е. развитие «форпостов» социального прогресса западноевропейского типа в мегаполисах и примыкающих к ним регионах при сохранении обширных относительно «застойных» периферийных регионов.

Цивилизационная особенность российского общества и, в частности, его пожилых представителей усугубляется вкладом в его современную историю особенностей, свойственных советскому периоду, главные и наиболее инерционные следы которого, сохраняющие свое влияние – это патерналистские чаяния людей, сила коллективизма (прежде – общинности) и неприятие выраженного индивидуализма, приоритетная ценность социальной справедливости и презрительно-завистливое отношение к «новым русским». Вместе с тем, вековая история и семидесятилетие после октября 1917 г. сформировали мощный слой населения, уповающего на судьбу, живущего по принципу «как повезет» и психологически самоопределяющихся в социальном мире по формуле «я – простой человек», «от меня мало что (ничего не) зависит» [3, 14].

Социологические исследования многих авторов свидетельствуют о том, что нынешние россияне высокоактивны и инициативны в обустройстве своей собственной жизни и жизни своей семьи и в этом обнаруживают определенный оптимизм. Но они предельно пессимистичны по части будущего страны и общей ситуации в России. Наиболее емкое объяснение этого, казалось бы, противоречия состоит в том, что люди не видят для себя возможности контролировать ситуацию за пределами узкого жизненного пространства. Самоидентификации в кругу близких на порядок выше идентификаций с большими социальными общностями [4]. Эта ломка идентичностей – эффект постсоветского периода: резкий переход от идентичности «прежде всего мы – советские люди, что звучит гордо» к самоопределению «мы – это мои близкие, и ни государству, ни другим до нас нет дела».

Постсоветское российское общество крайне дезинтегрировано. Всплески интегрирующего патриотизма, каковые наблюдаются в последние годы, имеют своим источником в основном исключительно внутреннюю опасность – террористические акции, вооруженные конфликты, различные проявления экстремизма. Объединяющие общество мобилизационные импульсы к социальным преобразованиям практически отсутствуют.

Исходя из теоретических представлений о «движущих силах» российского исторического процесса и представлений о цивилизационных особенностях российского социального характера и менталитета [5, 15] предопределяются, по крайней мере, два следствия [6].

Следствие первое. Российские трансформации могут быть успешными и эффективными при условии высокого авторитета государственных структур. В любом обществе авторитет власти стабилизируют его социальные институты, но в российском обществе при слабости гражданских «горизонтальных взаимосвязей» этот фактор в трансформационных процессах остается решающим.

Следствие второе связано с формированием общества «социальной справедливости». Очень сомнительно, что уже завтра в нашем обществе восторжествует модель, согласно которой преуспевающий в силу своих талантов и усердия достигнет благополучия. Успех и благополучие в российских конструкциях социальной реальности традиционно связываются либо со счастливыми обстоятельствами, либо с попранием нравственных основ. И поэтому удачливый и благополучный должен делиться с менее удачливыми.

Согласно индикатору классовой самоидентификации [7], 31 % населения относят себя к низшему классу. Величина значимая, а в совокупности с группой респондентов, затруднившихся ответить, она репрезентирует почти половину населения. С низшим классом идентифицируют себя в большей степени люди старших возрастов, рабочие, пенсионеры (здесь же одинокие женщины посттрудового периода), «бедные» и «нищие».

Продолжая рассматривать факторы, которые определяют масштабы и глубину трансформационных процессов современного российского общества, после политических факторов следует назвать экономические.

Структурные изменения в экономике оказывают влияние на стратификационную систему общества, что проявляется в следующем. Возникают новые социальные общности на основе плюрализации форм собственности: специфические слои наемных рабочих и инженерно-технических работников, работники смешанных предприятий и организаций с участием иностранного капитала и тому подобное. Затем наблюдается трансформация государственной формы собственности и изменение положения традиционных классово-групповых общностей; их границ, количественно-качественных характеристик, возникают пограничные и маргинальные слои. И, наконец, появляются слои и страты на основе взаимодействия различных форм собственности: менеджеры – новый управленческий слой, новая элита, средние слои, безработные и так далее.

Трансформация государственной формы собственности, повлекшая за собой кардинальные изменения стратификационной структуры общества, обошла стороной большинство населения страны и тем более женщин, не говоря уже о престарелой части населения. «Игра» в приватизационные чеки и массово открытый для приватизации населением рынок маломерного жилья не могли повлиять на изменение уровня жизни основной массы населения страны и тем более изменить его образ жизни.

«Чемпионами» прошедшей приватизации, по мнению граждан, являются теневые дельцы (48 %) и работники управления (41 %). К концу 1990-х гг. 75 % российской экономики оказалось в собственности довольно небольшой группы населения. Такая ситуация по сути дела означает, что в глазах общества приватизация приняла криминально-чиновничий характер.

Особенностью переходного периода явилось кардиальное изменение роли государства в социальной сфере, которое перестало выполнять стабилизирующую функцию в обществе. Падение производства, ВВП, национального дохода оказало огромное влияние на бюджетные возможности государства по обеспечению социальных гарантий, что привело к существенному падению уровня жизни подавляющего большинства населения, к возрастанию масштабов бедности и, естественно, резкому расслоению, поляризации общества.

Структуру социальной самоидентификации общества определяет материальное положение составляющих его групп населения. В частности, структура самооценки денежных доходов показывает, что оснований для беспокойства о социально-имущественном разломе общества более чем достаточно: 16-кратный разрыв в доходах (5 % достаточно благополучных и 7 % бедных) является источником постоянного социального напряжения и дезинтеграции.

Всего лишь 13 % респондентов указали, что они не испытывают денежных затруднений. Столь малая величина устойчивой в денежном отношении социальной базы явно недостаточна для вывода о со-

циальной консолидированности общества. Около 50 % респондентов относят себя к группам «бедных» и «нищих» граждан, а около 40 % «ограничены в средствах». По нашим данным, более 80 % одиноких женщин относят себя к группе бедных граждан.

За первое десятилетие неолиберальных трансформаций население России потеряло большую часть своих денежных доходов в номинальном и реальном выражении. По расчетам специалистов (данные канд. экон. наук. А. Суворова), реальная средняя заработная плата за годы реформ сократилась более чем в 2,5 раза, а отношение средней к прожиточному минимуму – в 1,7 раза.

За годы неолиберальных трансформаций в России сформировалась одна из самых жестоких в индустриальных странах систем эксплуатации наемного труда. Доля заработной платы в ВВП в России составляет менее 40 %, тогда как в странах Евросоюза, США и Японии – 70...76 %.

Удельный вес заработной платы в ВВП России в 2...2,5 раза ниже, чем в развитых западных странах. Научно-исследовательские институты ООН доказывают, что в странах с развитой промышленностью и товарно-денежным обменом часовая оплата ниже трех долларов лишает работника трудовой мотивации, делает его труд рабским – с оплатой только за еду.

Среднемесячная оплата ниже 600 долл. США в такой климатически суровой стране, как Россия, со сложившейся в ней своеобразной структурой цен на основные жизненно необходимые продукты питания и предметы первой необходимости, делает труд бессмысленным и ведет к утрате навыков труда, вырождению трудовой культуры и замещению ее криминальной.

Около 50 % респондентов, по их самооценке, живут, не доедая (12 %), или еле-еле сводя концы с концами, зарабатывая деньги, которых хватает практически только на продукты питания (36 %). Почти у 39 % хватает лишь на продукты и одежду. Таким образом, 90 % респондентов живут в достаточно стесненных денежных обстоятельствах и явно нуждаются как в более высокой заработной плате, так и в высокой мотивации труда. Свыше трети населения России, по официальным данным, имеют доходы ниже прожиточного минимума. Неофициальная статистика и социологические опросы (самооценка условий и качества жизни) показывают еще более негативную картину социальной реальности, которая пока не выявляет тенденции к улучшению.

Наши исследования самооценки возможностей удовлетворения потребностей одиноких женщин пенсионного периода показывают следующую картину: живу в нищете, денег не хватает даже на самые необходимые продукты питания – 41,7 %; живу от пенсии до пенсии, часто приходится занимать деньги на самое необходимое – 38,5 %; на ежедневные расходы денег хватает, покупка одежды представляет трудности – 12,4 %; затрудняюсь ответить – 7,4 %.

Одинокие женщины посттрудового периода постоянно живут под гнетом потенциальных тревог, которые часто реализуются, причем в более худших вариантах. Представление о них дают ответы на вопрос «Какие проблемы беспокоят Вас в первую очередь?» Согласно полученным данным, структуру проблемно-смыслового и поведенческого ядра жизни исследуемой категории женщин составляют дороговизна жизни (80 %), повышение тарифов на жилье и коммунальные услуги (62 %), повышение цен на лекарства (51 %) и проблемы медицинского обслуживания (47 %), проблемы лекарственного обеспечения (45 %), бездушное отношение чиновников (29 %), падение нравов, культуры (25 %), разделение общества на богатых и бедных (22 %), обострение межнациональных отношений (8 %). Меньше всего – только 7 % респондентов были обеспокоены проблемой честного проведения выборов в различные органы власти. Исходя из реалий морального климата в стране, криминальной ситуации и уровня коррупции, вряд ли значение этого индикатора можно интерпретировать как высокий уровень доверия к властным структурам. Перечисленные приоритеты образуют первичные базовые социальные

интересы одиноких женщин, вокруг которых может и должна строиться социальная политика общества и государства.

Социальные факторы включают, прежде всего, глубокие перемены в системе занятости (система планового использования рабочей силы сменилась практически нерегулируемым государством рынком рабочей силы) и снижение уровня жизни подавляющей части населения.

В целом данные статистики и социологии показывают, что неолиберальные политические трансформации не привели к улучшению качества жизни основной части населения и преодолению морально-политического кризиса, который начал развиваться в стране с середины 80-х гг. XX столетия.

Трансформация политической системы России неизбежно повлекла за собой и трансформацию духовно-нравственной сферы общества. Составляя фундаментальную основу социального бытия, духовная и нравственная атмосфера общественной жизни не просто оказывает значительное влияние на социально-экономические и политические процессы. Она делает осмысленным существование человека в том или ином обществе, предопределяя жизнеспособность, историческую перспективу развития всего социума.

Особое значение духовно-нравственные процессы приобретают в переходном обществе. В обыденной жизни мораль бытует в совокупности проявляющихся нравов, характер которых отражает состояние нравственного здоровья общества. Мораль является объектом этики – особой философской науки, которая на теоретическом уровне призвана решать практические нравственные проблемы, отвечать на вопросы как должно поступать человеку, обществу или части его в жизни. Между этическими принципами, идеалами, понятиями добра и зла и нравами, господствующими в обществе, всегда существует определенное несоответствие. Дистанция между абсолютной нормой и практическим поведением людей в конкретной жизни может увеличиваться, достигать критических значений, перерастать в противоречие. Как правило, такие процессы обостряются накануне и в периоды реформ, ломки и перестройки социальной структуры общества, вызываемых кризисами общественно-экономических формаций.

Переживая период изменения фундаментальных основ социального строя, системы традиционных социальных связей, оно неизбежно меняет и систему ценностей. Общество совершенствуется, отказываясь от многих привычных устоев, взглядов, норм, пытаясь выработать новые, в большей степени соответствующие задачам текущего дня, соотнося их с признанными общечеловеческими ценностями. Это непосредственно отражается на духовно-нравственном облике всех его членов.

В период 1990-х гг., резко сменив ориентиры развития, российское общество оказалось в состоянии глубокого духовно-нравственного кризиса, своего рода анемии, утраты ряда стержневых основ своего социокультурного бытия, что породило комплекс проблем, во многом не разрешенных вплоть до настоящего времени. В этот период нарастающие социально-экономические проблемы оказали крайне негативное влияние на духовно-нравственное состояние российского общества.

Осмысливая истоки перемен в духовно-нравственной сфере жизни российского общества, характеризуя формирование в общественном сознании новой картины мира, основанной на ценностях уже иной исторической эпохи, исследователи выходят на ряд серьезных обобщений. В целом, они связаны с констатацией негативного влияния на систему духовно-нравственных ценностей россиян процессов «системной деградации» российского общества – экономики страны, политической и общественной структуры социума, углубления разрыва между властью и обществом и т.д. Последнее подтверждает резкое увеличение разрыва социополитических связей по линии центр – регионы. Все большее количество граждан в стране считают (Здесь и далее в этом абзаце приводятся данные всероссийского социологического

мониторинга «Как живешь, Россия?». Научный руководитель В.К. Левашов. Объем выборки 1500-2000 респондентов, 12 регионов РФ, ошибка выборки 3 %), что власти нет никакого дела до простых людей (рост за три года с 53 до 73 %). Резко, почти в два раза, с 27 до 52 % возросло количество респондентов, которые считают, что главное для центральной власти в Москве – это решить свои проблемы за счет областей и республик России. На 19 % (с 50 до 69 %) выросло число граждан, считающих, что большинство россиян не могут повлиять на политические процессы в стране.

Российская трансформация второй половины 1990-х гг. и последующих годов определяется учеными как «цивилизационная катастрофа», обусловившая не только экономическую, демографическую, социальную, культурную деградацию, но и разрушение всего комплекса духовно-нравственных ценностей, ломку глубинных цивилизационных основ народной жизни. При этом они отмечают отсутствие общественного согласия относительно базовых ценностей, наличие всеобщего дефицита доверия, складывание практики выживания одних за счет других, и всех – за счет природы и «проедания» богатств, созданных трудом прежних поколений и сверхэксплуатацией человеческого потенциала. В научной литературе находят отражение кризисные черты, обусловленные утратой или деформацией социально значимых ценностей, развитием асоциальных девиаций, ростом деструктивных проявлений, связанных с криминализацией российского общества. В данной связи среда обитания россиян в 1990-е и последующие годы оценивается как «общество всеобщего риска».

Состояние политического и социального нигилизма оказало разрушительное воздействие на его духовно-нравственные ценности. Формирование ценностного сознания человека на уровне общества и личности представляет собой некоторую совокупность установок и ориентаций на общественные ценности – идеалы, нормы, обычаи, традиции и т.д.

Следствием политического и социального нигилизма стали социальная аномия (разрушение одной ценностно-нормативной системы и несформированность другой) и социальная депривация. Под депривацией следует понимать любое состояние, которое порождает или может породить у индивида или группы ощущение собственной обездоленности в сравнении с другими индивидами (или группами), или с интернализованным набором стандартов. Ощущение депривации может быть осознанным, когда индивиды и группы могут понимать причины своего состояния. Но возможно и такое развитие ситуации, когда депривация переживается как что-то иное, то есть индивиды и группы воспринимают свое состояние в превращенной форме, не осознавая его подлинных причин.

Данную тенденцию усилили радикальные изменения в сфере отношений собственности. По мнению общества, власть и собственность сосредоточились в руках бюрократов, богатых и криминала. Представления о праведно и неправедно нажитой собственности лежат в фундаменте исторического сознания россиян и коррелируются с главными моральными понятиями добра и зла.

На частных, а также совместных и частно-государственных предприятиях и в организациях страны к 2000 г. работало более 60 % всех занятых в экономике России. Однако переход гигантской собственности в частные руки не привел ни к гармонизации отношений в сфере труда, ни к повышению жизненного уровня работников.

Напротив, он повлек за собой обнищание основной массы населения, деградацию экономики, фактическую деиндустриализацию страны. Носившая хищнический, по существу, грабительский характер приватизация нанесла особенно сильный удар по системе традиционных духовно-нравственных ценностей в недавнем прошлом коллективистского, социально-ориентированного общества.

Складывающаяся в общественном сознании россиян ситуация подрывала незыблемые ранее нравственные устои: чтобы прокормить себя и свою семью, многие

представители ранее вполне благополучных социальных слоев были вынуждены использовать немыслимые ранее с морально-нравственной точки зрения способы и методы добывания средств. По сути, нравственным становилось все, что давало возможность выжить в сложившихся условиях всеобъемлющего социально-экономического кризиса.

Реформы 1990-х гг. обусловили углубление раскола в обществе как в материальном, так и в мировоззренческом плане. Для наиболее активных членов социума в это время на передний план все в большей степени выдвигались ценности достижения жизненного успеха. При этом в российском обществе культивировались не просто элементы западной идеологии. Философия успеха постепенно трансформировалась в стремление к достижению успеха любой ценой, питая стремительный рост агрессивности, общественной конфликтности.

С другой стороны, в условиях резкого снижения уровня жизни, нарастание социальных проблем нашло свое законченное выражение в формировании так называемого социального дна (нищих, бомжей, беспризорных, проституток и т.д.), складывании «культуры бедности». К середине 1990-х гг. сюда включали примерно 10 % городского населения, или 10,8 млн человек. Заметим, что это была группа с практически полностью атрофированными морально-нравственными ценностями [9].

Кризисные явления в российской жизни создали исключительно благоприятную среду для возникновения различного рода асоциальных девиаций. Бедность, утрата ясных жизненных ориентиров влекли за собой целый комплекс острых социальных проблем (алкоголизм, наркомания, проституция и т.д.). При этом асоциальные девиации все более поражали прежде благополучные слои общества, всегда отличавшиеся адаптивным и адекватным поведением.

В условиях кризиса морали все большая часть населения отвечала на обнищание поисками криминальных способов выравнивания доходов. Инстинкт выживания толкал людей на противоправные формы деятельности. Одним из важнейших показателей значительной деформации общественного правосознания и нравственности явился тот факт, что основная часть преступлений в этот период была совершена законопослушными гражданами, ранее не имевшими проблем с правоохранительными органами.

По мере развития процессов криминализации общества произошел существенный сдвиг в отношении россиян к таким нравственным нормам, как спокойная совесть; честная, беспорочная репутация. Прежде в иерархии духовно-нравственных предпочтений они занимали лидирующее место, теперь уступили его таким ориентациям, как власть, успех, накопление материальных ценностей.

Важно отметить, что в данной ситуации общий кризис поразил и государственные институты. В частности, невиданных размеров достигла коррупция. Возникли целые группы населения, фактически игнорирующие закон, недоступные для правоохранительных органов [10].

Очевидная деградация всей системы социальных связей привела к смене иерархии жизненных целей. В частности, произошла девальвация традиционных семейных ценностей. Так, в 1990-х гг. существенно сократилось число вступающих в брак, особенно в молодежной среде. В 1999 г. число молодых, состоящих в браке, составляло всего 26 %. Существенно снизилось количество деторождений. Напротив, значительно возросло количество разводов. В целом, в стране стала формироваться тенденция пренебрежительного отношения к семейным обязанностям, а также своему здоровью, хотя, как и прежде, последнее оставалось для большинства одной из главных жизненных ценностей.

В условиях дефицита средств на удовлетворение повседневных жизненных нужд все меньшее внимание россиянами уделялось духовному и нравственному совершенствованию. В частности, произошло падение ценности знания, квалифицированного труда, что нашло отражение в его

оплате. В частности, зарплата профессора в 1987-1993 гг. сократилась с 219 % от зарплаты в промышленности до 62 %, а занятость в сфере образования в 1992-1999 гг. уменьшилась почти на 0,5 млн человек. Опустели библиотеки. Работники вузов скатились, по существу, на нижние ступеньки социальной лестницы.

Морально-политическое состояние общества любой страны в стратегической перспективе в значительной степени зависит от характера процессов социальной самоидентификации. От того, каким образом граждане понимают и оценивают свое место, роль, статус, материальное положение в структуре общественных отношений, и тем самым формируют стратегию их развития, во многом зависит характер траектории движения страны в будущем. Адекватность занимаемого гражданами места в жизни уровню социальных претензий определяет в конечном счете потенциал устойчивости общества, готовность его к структурным переменам. Представления о месте, которое отводят себе российские граждане в системе социальных и политических отношений, помогают составить данные, приведенные в статье В.К. Левашова, доктора социологических наук, заведующего отделом стратегических, социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН [11]. По его данным, в картине социальной и политической самоидентификации респондентов просматриваются две доминирующие особенности: 1) российские граждане в среднем по совокупности всех признаков достаточно скромны в определении своего места в обществе: на шкале жизненных успехов они располагаются где-то на середине 10-балльного континуума; 2) свидетельствуют о заниженном уровне социальных претензий. Например, по полученному образованию высший балл составил всего лишь 5,85. Приближается к этому уровню статус по квалификации, выполняемой работе и профессии. В совокупности значения этих признаков показывают самооценку возможностей общества для своей самореализации в различных областях жизнедеятельности. Очень показательна в этом плане таблица, приведенная в цитируемой статье В.К. Левашова (табл. 2). В целях сравнения мы дополнили эту таблицу столбцом, в котором привели данные, касающиеся одиноких женщин посттрудового периода.

Таблица 2

Социальная самоидентификация респондентов, баллы

Вопрос: «Как Вы считаете, какое место в нашем обществе Вы занимаете по своему образованию, профессии, другим параметрам? Отметьте, пожалуйста, по шкале место, исходя из того, что 10 – это высшая ступень, а 1 – низшая ступень в обществе»	**Средний балл**	
	данные В.К. Левашова за 2003 г.	наши данные по одиноким женщинам, оценка 2008 г.
По образованию	5,85	5,55
По квалификации	5,82	5,98
По выполняемой работе	5,60	3,56
По профессии	5,58	4,25
По качеству жизни	3,84	2,7
По размеру зарплаты (пенсии – для одиноких женщин)	3,32	2,1
По участию в политической жизни страны	2,48	1,13
Место в обществе в целом	4,64	3,61

В своем главном функциональном предназначении (самореализации в различных областях жизнедеятельности) общество терпит фиаско. Самооценка своего места в обществе по качеству жизни составила всего лишь 4,64 балла (10 – это высшая ступень, а 1 – низшая ступень в обществе), по размеру зарплаты – 3,32, а

по участию в политической жизни страны самооценка зафиксирована на самом низком уровне – 2,48 балла. Налицо разрыв между уровнем социальных притязаний, ожиданий, исходя из достаточно высокой самооценки по образованию, квалификации, выполняемой работе, профессии и степенью удовлетворенности качеством жизни, уровнем зарплаты и политической активности.

Обозначившееся противоречие самооценки социального статуса делает неустойчивой всю структуру отношений в обществе. Это противоречие еще контрастнее проявляется в отношении одиноких женщин посттрудового периода: при сопоставимых показателях образовательно-профессионального статуса одинокие женщины значительно ниже оценивают свою удовлетворенность качеством жизни, уровень пенсии и политической активности.

Подчеркнем, что снижение роли и статуса женщины в российском обществе, ее кризисное положение неизбежно сказывается на духовно-нравственном мире женщины. При этом возможности его реализации в различных типах семей остаются неодинаковыми. Так, в бездетной семье женщина весь свой потенциал направляет во внесемейную сферу деятельности и достигает там заметных успехов.

В матрифокальной семье женщина выполняет роль воспитателя и является единственным источником материального дохода и содержания семьи и ребенка. В этом случае возможность самореализации, в том числе в духовном плане, во многом зависит от уровня образования, социального и материального статуса. Материальные проблемы приводят к трансформации духовно-нравственной жизни женщины, ограничивают возможности ее самореализации в полной мере. На завершающем этапе онтогенеза эти проблемы проявляются еще острее и формируют у большинства одиноких женщин крайне отягощенный образ жизни.

Существующее напряжение, по всей вероятности, может быть снято за счет адекватно значимого повышения качества жизни в материальной и политической сферах жизнедеятельности общества.

В целом приведенные данные относительно женщин посттрудового периода говорят об идентификации этой социальной группы с низшим классом и ее «выпадении» практически из всех социальных сфер жизни.

Под влиянием смены духовно-нравственных и мировоззренческих ориентиров и критики коммунистической идеологии значительные издержки обнаружило «углубленное изучение» и заполнение «белых пятен» истории. Нередко оно вело к очернению исторического прошлого. В это же время происходила трансформация массовой культуры, ее переход на самый низкий и упрощенный потребительский уровень. На смену людям образованным, не понаслышке знающим о достижениях мировой и отечественной культуры, стали приходить массы, для которых культура представляла собой лишь способ развлечения.

Общество в своей подавляющей части составляет свои представления о деятельности практически всех федеральных политических институтов из сообщений СМИ. Роль массовой информации в консолидации общества вокруг политических институтов трудно переоценить. В структуре свободного времени женщин посттрудового периода значительное место отведено просмотру программ телевидения, большинство из которых имеют узко корпоративный или сенсационно-эмоциональный характер. Современный отечественный и зарубежный опыт исследования этого феномена показывает, что политическая, нравственная культура общества растет в тех странах, где государство не бросает ее на откуп стихийных «развязанных» политических страстей, а терпеливо и аккуратно создает условия для ее корректного и точного самовыражения в эффективной социальной практике.

Деградация сферы образования и культуры явилась одним из факторов, способствовавших погружению значительной части общества в «новое Средневековье». Место знания заняли религиозные воззрения. Причем если обращение к традиционным

конфессиям имело в основном позитивный эффект, поскольку предоставляло человеку в кризисной действительности проверенную духовную опору, то распространение разнообразных оккультных и мистических учений, а также активизация деятельности многочисленных тоталитарных сект создали прямую угрозу для общества [12].

Резюмируя сказанное, следует отметить следующее. Общество стремится к стабилизации в духовных поисках, профессиональном и образовательном самосовершенствовании, но реалии материального положения складываются для процессов социополитической и моральной консолидации пока неблагоприятно.

Сравнительный анализ стратегических приоритетов политики и актуальных тревог респондентов показывает, что общество и государство пока еще не слышат друг друга по многим жизненно важным вопросам. Они разговаривают друг с другом на разных языках. Их ориентации в жизни не совпадают по критерию социальной важности и очередности. Власть продолжает выстраивать стратегию политического анализа и практической политики в экономических категориях. Общество мыслит социальными категориями и не воспринимает лишенную повседневных тревог абстракцию экономических показателей. Власть исходит из корпоративной идеологии укрепления государства безотносительно учета актуальных интересов общества.

Общество в своих тревогах показывает, как оно борется за жизнь, и в этих своих действиях оно стихийно придерживается стратегии выживания, которая носит объективно социально значимый характер.

Сказанное в полной мере относится и к социальной группе одиноких женщин посттрудового периода, для которых названные противоречия проявляются еще более контрастно. Основной детерминантой этих противоречий являются экономические отношения, рассматриваемые нами как основа жизнедеятельности этой категории женщин, и социальные связи, как важная составляющая изменений в их образе жизни.

Таким образом, изменение современного российского общества происходит под влиянием, во-первых, преобразований всех социальных институтов – экономических, политических, культурных, образовательных и, в первую очередь, – институтов собственности и власти, а во-вторых, изменений самой социальной природы основных компонентов социальной структуры – групп, слоев, восстановление их как субъектов собственности и власти.

Активная трудовая жизнь современных одиноких женщин посттрудового периода, прошедшая, в основном, в условиях стабильного общественного уклада СССР, была насыщена многочисленными проблемами, которые с той или иной долей успеха они научились разрешать. В период кардинальных трансформаций политической, экономической, социальной, духовно-нравственной сфер нового российского общества весь опыт их предыдущей созидательной (общественной и личной) жизни вступает в противоречие с настоящим, маркируемым ими как социальный катаклизм.

Литература

1. Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества. М.: Эдиториал, 1999.

2. Ахиезер А.С. Россия – расколотое общество: некоторые проблемы социокультурных преобразований // Мир России. 1995. № 1.

3. Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х. Под ред. Ю. Левады. М.: Мировой океан, 1993.

4. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995, № 3-4.

5. Бутенко А.П., Колесниченко Ю.В. Менталитет россиян и евразийство: их сущность и общественно-политический строй // Социологические исследования. 1996. № 5.

6. Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ. Под ред. В.А. Ядова. М.: МПСИ, 2005.

7. Левашов В.К. Мера гражданственности в социоизмерении // Социол. исслед. 2007. № 1. С. 55-62.

8. Львов Д.С. Экономика развития. М.: Экономика. 2002. С. 293.

9. Романова Н.П. Социальные потребности и жизненные устремления одиноких женщин // Вестник ЧитГУ. № 8 (65). Чита: ЧитГУ, 2010.

10. Дробышевский В.С., Романова Н.П. Коррупция: сущность детерминанты и типология // Вестник ЗабГУ, № 9 (89). Чита: ЗабГУ, 2012.

11. Левашов В.К. Морально-политическая консолидация российского общества в условиях неолиберальных трансформаций // Социол. исслед. 2004. № 7. С. 27-45.

12. Романова Н.П., Жукова А.А. Религиозные образы в процессах возрождения этнических культур Забайкальского края // Вестник ЧитГУ. № 2 (81). Чита: ЗабГУ, 2012.

13. Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М.: ИФ РАН, 1997.

14. Ядов В.А. Российское общество в политеоретической интерпретации // Социологические чтения. Вып. 1 / Ин-т «Открытое общество», ИС РАН; Британский социол. клуб в Москве. М., 1996.

15. Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Ин-т национальной модели экономики, 1994.

Коротко об авторе ***Briefly about the author***

Романова И.В., д-р социол. наук, помощник Уполномоченного по правам человека Забайкальского края
rik-romanova-chita@mail.ru

I. Romanova, Doctor of Social sciences, the assistant of human rights commissioner in Zabaikalsky krai

Научные интересы: философия одиночества, гендерные исследования, деловые коммуникации

Scientific interests: the philosophy of solitude, gender studies, and business communications

УДК 316.6

Топоркова Елена Павловна
Elena Toporkova

АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «МОТИВАЦИЯ» В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

ANALYSIS OF THE CONCEPT «MOTIVATION» IN THE CONTEXT OF SOCIAL MANAGEMENT

Автор проводит теоретический анализ понятия «мотивация», приводит обзор исследований данного понятия в разных науках, дает различные определения мотива и ряд трактовок мотивации с позиций разных наук, раскрывает роль потребностей в процессе мотивации. В заключение автор констатирует, что формирование мотивации предполагает использование методов социального управления, которые должны оказывать влияние побудительного характера на процесс и субъектов поведения, обладая определенным уровнем степени воздействия

Ключевые слова: *мотивация, теории мотивации, мотивы, потребности, социальное управление, методы социального управления*

In the article the author holds theoretical analysis of the concept «motivation», examines this concept in different sciences, gives different definitions of motive and motivation from the different sciences views, discovers the role of necessities in the process of motivation. The author concludes that forming of motivation supposes using the methods of social management which should have influence and a certain level of impact on the process and subjects of behaviour

Key words: *motivation, theories of motivation, motives, needs, social management and methods of social control*

Понятие «мотивация» интерпретируется как в теоретическом, так и практическом поле таких наук, как психология, экономика, менеджмент, социология и др.

Анализ детерминации человеческого поведения целесообразно проводить, опираясь на многочисленные биологические теории мотивации, которые строятся на системе допущений о природе человека и устанавливают законы инициации и регуляции человеческого поведения.

Феномен мотивации первоначально являлся объектом исследований в бихевиоризме (Дж. Уотсон). «Гидромеханическая» модель мотивации Лоренца объясняла инстинктивные формы поведения получаемой энергией, и связи, существующие между физиологическим состоянием организма и раздражителями, поступающими из окружающей среды. Согласно теории оптимальной активации, предложенной в 50-е гг. психологами Даффи и Хеббом, организм стремится поддерживать оптимальный уровень активации, который позволяет ему функционировать наиболее эффективно. Этот уровень зависит от физиологического состояния человека в данный момент. Таким образом, одни люди нуждаются в более сильном притоке стимулов, чем другие, способные выносить их лишь в ограниченном количестве. Эта потребность в стимулах изменяется также в зависимости от психического состояния человека [3; С. 240-257].

В рамках когнитивной теории мотивации Р. Боллс рассматривает мотивацию скорее как «механизм выбора» какой-то формы поведения. Этот механизм в случае надобности отвечает на внешние раздражители, но чаще всего он выбирает возможность, которая в данный момент лучше всего соответствует физиологическому со-

стоянию, эмоции, воспоминанию или пришедшей на ум мысли; выбор может также определяться присутствием какого-то человека или объекта в непосредственной близости [3; С. 240-257]. В частности, Е. Деси считает, что все поступки мотивируются внутренне в соответствии с нашими врожденными особенностями [11]. По мнению этих теоретиков, внешнее поощрение (например, деньги и т.п.) чаще всего приводит лишь к уменьшению такой внутренней мотивации.

Среди когнитивных теорий, относящихся к мотивации, выделяется также теория атрибуции, определяющая каким образом люди осознают свое поведение и стараются его оправдать. Все теории атрибуции объединяются следующими общими предположениями: мы стараемся найти смысл в окружающем нас мире, часто объясняем действия людей либо внутренними, либо внешними причинами, мы делаем это в значительной степени на основе логики. Г. Келли подчеркивает, что теория атрибуции связана главным образом с теми когнитивными процессами, с помощью которых человек интерпретирует поведение как вызванное (или приписываемое) определенными элементами соответствующей окружающей среды [1]. Она касается вопросов «почему» в мотивации и поведении и предполагает, что люди рациональны и испытывают потребность в определении и понимании каузальной структуры окружающей среды. Именно поиск этих атрибутов и является основной характеристикой теории атрибуции.

В рамках теорий менеджмента исследуется трудовая мотивация.

Содержательные теории восходят к началу XX в. и связаны с представителями научного менеджмента, такими, как Ф. У. Тейлор, который предложил модель прогрессивной заработной платы для мотивации работников. Вслед за ними появилась школа «человеческих отношений», а затем содержательные теории мотивации А. Маслоу, Ф. Герцберга и К. Альдерфера. Разработчиков содержательных теорий интересует выявление имеющихся у людей мотивов и их приоритетности и какого рода вознаграждения или целей люди стараются добиться, чтобы чувствовать себя удовлетворенными и работать хорошо.

За содержательными теориями последовали процессуальные, основанные главным образом на когнитивной концепции ожидания (В. Врум, Л. Портер и Э. Лоулер).

Поведение человека может быть описано с разных сторон. В процессуальном плане любой поведенческий акт имеет начало, течение и завершение и характеризуется с точки зрения интенсивности и направления. Изучение мотивации – это анализ причин и факторов, которые инициируют и энергетизируют активность человека для совершения определенного поведенческого акта, а также направляют, поддерживают и приводят к завершению определенный поведенческий акт. Важнейшей особенностью мотивированного действия является наличие интенции намерения к его выполнению.

Мотивация является базовым психологическим процессом и самым важным понятием в подходе к поведению человека.

Мотивация – это процесс, начинающийся с физиологической или психологической нехватки или потребности, которая активизирует поведение или создает побуждение, направленное на достижение определенной цели или вознаграждения. Таким образом, ключ к пониманию процесса мотивации лежит в значении таких трех взаимодействующих и взаимозависимых элементов, как «потребности», «побуждение», «вознаграждение» и во взаимоотношении между ними. Потребности создают побуждения, нацеленные на получение вознаграждения.

Выделяется множество трактовок мотивации с позиций разных наук. Так, одна из управленческих трактовок, «мотивация – это совокупность движущих сил, которые побуждают человека к деятельности, имеющей определенную целевую направленность». Другое определение: «мотивация – это создание условий, оказывающих воздействие на поведение человека». Био-

логическое определение, «мотивация – это активные состояния мозговых структур, побуждающие высших животных и человека совершать действия, направленные на удовлетворение своих потребностей» [10].

В свою очередь, мотивирование – это процесс воздействия на человека с целью побуждения его к определенным действиям путем пробуждения в нем определенных мотивов.

Мотивированное поведение есть результат действия двух факторов: личностного и ситуационного. Под личностным фактором понимаются мотивационные диспозиции личности (потребности, мотивы, установки, ценности), а под ситуационным – внешние, окружающие человека условия (поведение других людей, отношения, оценки, реакции окружающих, физические условия и т.д.). Следует отметить, что внешние факторы включают не объективные параметры среды, а оценки и интерпретации личностью контекстуальных аспектов своего поведения, то есть субъективное отражение объективных условий и то значение, которое личность этим условиям придает.

Каждый индивид осуществляет тот или иной акт поведения на основании мотива. Мотивы — индивидуальные внутренние движущие силы, которые побуждают нас вести себя по-своему.

В Кратком словаре системы психологических понятий, мотив определяется как психологическое явление, становящееся побуждением к действию. Важнейший этап волевого акта – борьба мотивов, заканчивающаяся принятием решения и его осуществлением посредством отдельного действия или деятельности в целом [5].

Рассматривая мотивацию в социальном аспекте целесообразно рассмотреть мотивы социального действия. Так, М. Вебер в своих работах [2; С. 628] выделяет следующие мотивы социального действия:

– целенаправленные, если в основе лежит ожидание определенного поведения предметов внешнего мира и других людей и использование этого ожидания в качестве «условий» или «средств» для достижения своей рационально поставленной или продуманной цели;

– ценностно-рациональные, основанные на вере в безусловную – эстетическую, религиозную или любую другую – самодовлеющую ценность определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет;

– аффективные, прежде всего эмоциональным, то есть обусловленным аффектами или эмоциональным состоянием индивида;

– традиционные, то есть основанным на длительной привычке.

Мотивы формируются на основе потребностей и непосредственно связаны с целями деятельности. Мотив как внутреннее побуждение к действию связан с внешним побудительным фактором – стимулом и, как правило, отражает его.

Процесс мотивации (мотивирования) строится вокруг потребностей человека, которые и являются основным объектом воздействия с целью побуждения человека к действию.

Мотивационный процесс включает:

– оценку неудовлетворенных потребностей;

– формулирование целей, направленных на удовлетворение потребностей;

– определение действий, необходимых для удовлетворения потребностей.

Потребность выражается в ощущении потери или лишения, недостатка чего-то важного. Дефицит может быть физиологическим, социальным или психологическим.

В самом общем виде потребность – это ощущение недостатка в чем-либо, которое имеет индивидуализированный характер при всей общности проявления.

Пока потребность существует, человек испытывает дискомфорт, и именно поэтому будет стремиться найти средства удовлетворения потребности. Устраненная (удовлетворенная) потребность исчезает, но далеко не навсегда.

Большинство потребностей возобновляются, при этом меняя форму проявления, переходя на другой уровень иерархии потребностей. Потребности являются ос-

новным источником активности человека как в практической, так и в познавательной деятельности.

Осознанная и сформулированная человеком потребность далеко не всегда приводит к действию (мотиву) по ее устранению. Для этого необходимо определенное условие – наличие достаточно сильного желания изменить ситуацию, удовлетворить потребность (хочу…).

Это условие является ключевым и определяет направление усилий для ресурсного обеспечения (материальных, финансовых, временных) для осуществления действий и развития способностей, знаний, навыков для удовлетворения потребностей (могу…) [9].

Врожденные потребности, общие для всех людей (первичные потребности) получили название «нужда». Например, нужда в еде, сне и т.п. Данному виду потребностей соответствуют первичные (физиологические, биологические, врожденные) мотивы, которые являются врожденными и имеющими физиологическое происхождение. Использование термина «первичный» не подразумевает, что эта группа мотивов имеет превосходство над общими и вторичными мотивами. Хотя в некоторых теориях мотивации признается приоритет первичных мотивов, существует множество ситуаций, когда общие и вторичные мотивы доминируют над первичными.

Мотивы должны отвечать двум условиям, чтобы их можно было отнести к категории первичных: они должны быть врожденными и обусловливаться физиологией. Исходя из этого, самыми обычными из известных первичных мотивов являются голод, жажда, сон, стремление избежать боль, потребность в комфортной температуре, сексуальное удовлетворение и материнский инстинкт. Поскольку с точки зрения физиологии все люди одинаковы, они, естественно, будут иметь одни и те же первичные потребности, а следовательно, и первичные мотивы.

Как отмечает Н.П. Романова, приобретенные (вторичные) потребности связаны с существованием человека в группе, носят более персонифицированный характер и формируются под воздействием среды и обусловлены социальной практикой. Вторичные потребности лежат в основе вторичных мотивов. Так, основными вторичными потребностями определяются потребность в самоуважении, самореализации, достижении результата, одобрении, любви, которые могут определяться мотивами статуса, принадлежности, достижений [6; С. 118].

Кроме первичных и вторичных, ряд исследователей в своих работах выделяют общие мотивы, поскольку существует ряд мотивов, находящихся как бы в промежуточной зоне между первичными и вторичными мотивами. Для включения в данную категорию мотивы должны быть врожденными, но не обусловленными физиологией. В то время как первичные мотивы стремятся снизить напряжение или стимулирование, общие мотивы побуждают человека к усилению стимулирования. Поэтому иногда такие мотивы называют «стимулирующими». Хотя вероятно, с этим согласились бы не все психологи, к данной категории подходят такие мотивы, как любопытство, желание манипулировать, деятельность, привязанность. Понимание общих мотивов исключительно важно для понимания поведения человека [1].

Формирование мотивации предполагает использование методов социального управления, которые должны оказывать влияние побудительного характера на процесс и субъектов поведения, обладая определенным уровнем степени воздействия.

Как определяет В.И. Франчук, методы управления – способы и средства непосредственного воздействия на людей и социальные субъекты, входящие в состав объекта управления, заставляющие их действовать или вести себя определенным образом [9].

По мнению В.И. Франчука, наиболее распространенными в наше время методами управления являются административные, законодательные, экономические, социально-психологические и методы мотивации. При этом формирование мотива-

ции предполагает комплексное использование методов управления [9].

Административные (директивные) методы основаны на дисциплине, четкой субординации и строгой регламентации деятельности, характерной для формальных организаций. Формами выражения этих методов являются приказы, распоряжения, директивные указания вышестоящих органов управления, которые имеют обязательный характер для нижестоящих. Методы предполагают четкое определение прав, обязанностей и ответственности каждого руководителя и подчиненного, которые отражены в их должностных инструкциях.

Законодательные методы, в отличие от административных, основаны не на директивном, а на законодательном воздействии на людей и социальные субъекты с помощью норм права. При этом если административные методы имеют локальный характер (они распространяются только в пределах конкретного учреждения),то законодательные методы могут распространяться на всю территорию страны.

Экономические методы воздействуют на материальные интересы людей и социальных субъектов. При этом на каждом уровне управления используются свои средства воздействия. Так, на индивидуальном уровне используются различные системы оплаты труда, премирования, возможности использования общественных фондов и т.п. На уровне подразделений и предприятий используются различные формы хозрасчета, штрафы, нормы отчислений, нормы образования фондов (зарплаты, материального поощрения), налоги, кредитные ставки и т.п. На государственном уровне используются различные формы регулирования: контроль за размещением и строительством предприятий, контроль за качеством продукции, выдача лицензий, антимонопольный контроль, контроль за ценами, налоги и налоговые льготы, контроль за соблюдением трудового и социального законодательства, финансовая помощь (дотации, инвестиции, государственные капитальные вложения).

Социально-психологические методы основаны на моральном воздействии. Каждый человек испытывает на себе воздействие не только со стороны своего начальства и официальных законов, но также со стороны неформальных лидеров, друзей и врагов, неформальных законов, незримо действующих в любых коллективах. Методы направлены на формирование новых духовных ценностей или укрепление старых. Они включают меры воспитания, средства морального поощрения и взыскания, учет психологических особенностей характера и индивидуальных потребностей человека.

Методы мотивации действуют на индивидуальном уровне и основаны на использовании разнообразных стимулирующих средств и создании материальной и моральной заинтересованности, побуждающей людей к определенному действию или деятельности.

Изучение мотивации в практиках социального управления – это ключ для понимания не только межличностных процессов взаимодействия на индивидуальном уровне, но и процессов международного взаимодействия на государственном уровне.

Таким образом, в заключение можно констатировать, что мотивация носит как психологический, так и социальный характер и является ключевым процессом в социальном действии или принятии решений. В связи с современными условиями мирового развития, возрастанием интереса к межцивилизационному изучению социальных проблем, интенсификацией международных процессов исследование мотивации также целесообразно проводить в межцивилизационном контексте для интеркультурного сравнения этого понятия, дальнейшего его научного изучения.

Литература

1. Аширов Д.А., Большаков С.В. Организационное поведение. М.: Московский международный институт эконометрики, информатики, финансов и права, 2002. 104 с.

2. Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 628.

3. Готфруа Ж. Что такое психология? Т. 1. М., 1992. С. 240-257.

4. Комаров Е.И. Стимулирование и мотивация в современном управлении персоналом // Управление персоналом. 2002. № 1. С. 38.

5. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2010. 352 с.

6. Платонов К.К. Краткий словарь системы психологических понятий. М.: Высшая школа, 1984. 174 с.

7. Романова Н.П. Социальные потребности и жизненные устремления одиноких женщин // Вестник ЧитГУ. 2010. № 8 (65). С. 116-128.

8. Социологический словарь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http: // www. socium. info/ dict.html (дата обращения: 1.12.2010).

9. Франчук В.И. Основы общей теории социального управления. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://socio-org.narod.ru/OTCY.htm (дата обращения:12.12.2010).

10. Что такое мотивация. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://daz.su/nash-otvet/biznes/78/index.aspx (дата обращения: 1.12.2010).

11. Deci E.L., Ryan R.M. Selfdetermination and intrinsic motivation in human behavior. New York, NY: Plenum Press, 1985.

12. Douglas McGregor, Warren G. Bennis The Human Side of Enterprise: 25th Anniversary Printing McGraw-HILL, Inc, Irwin, 1985 г. P. 256.

13. Lewin K. Field theory in social science. N.Y.: Harper, 1951.

14. Vroom V.H. Work and motivation. N.Y.: Wiley, 1964.

Коротко об авторе / *Briefly about the author*

Топоркова Е.П., канд. социол. наук, ст. преподаватель, каф. «Международное право и международные связи», Забайкальский государственный университет
ymnicalelik85@mail.ru

E. Toporkova, Candidate of sociology, senior teacher, International law and relations department, Zabaikalsky State University

Научные интересы: адопция, межцивилизационное взаимодействие, этносоциология, международное информационное взаимодействие, международные связи с общественностью, межкультурная коммуникация

Scientific interests: adoption, inter-civilized interaction, ethnosociology, international informational interaction, international public relations, intercultural communication

УДК 11

Щербакова Надежда Викторовна
Nadezhda Shcherbakova

ПОНЯТИЕ «ВОЛОНТЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

RESEARCH OF «VOLUNTEERING» IN THE CONTEXT OF PHILOSOPHIC KNOWLEDGE

Приведен анализ понятия волонтерская деятельность через призму философского знания. Волонтерская деятельность представлена как нематериальная сторона бытия индивида, основанная на идеях нравственности, безвозмездной и бескорыстной помощи во благо другого, духовного развития, моральных ценностей, присущих человеческому обществу того или иного исторического периода. Мыслители различных эпох говорили о бескорыстной любви к ближнему и о ее роли в развитии гуманного и справедливого общества, об отношении к человеку как высшей ценности и осуществлению по отношению к нему бескорыстных действий, обращаясь к таким категориям, как *«благо», «добро», «добродетель», «милосердие», «альтруизм», «гуманизм», «благополучие»*. Социально-философский анализ позволяет понять природу, сущность и содержание понятия «волонтерство»

Ключевые слова: *волонтерская деятельность, философское знание, благо, добро, добродетель, милосердие, альтруизм, гуманизм, благополучие*

The article analyses the «volunteering» through the prism of philosophy. Volunteering is presented as nonmaterial side of being an individual. It is based on the ideas of morality, gratuitous and generous support for the benefit of another, spiritual development, moral values, inherent to human society of different historical periods. The scientists of different ages talked about disinterested love of neighbour and its role in the development of a humane and just society, the attitude human as the highest value and implementation to himself selfless actions. The author observes different categories such as «blessing», «good», «virtue», «charity», «altruism», «humanism», «wellbeing». This analysis helps to understand the nature, essence and concept of «volunteering»

Key words: *volunteering, philosophical knowledge, blessing, goodness, virtue, compassion, altruism, humanitarianism, welfare*

Работа выполнена в рамках реализации федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы» по теме «Качество жизни как основа обеспечения социальной безопасности России в XXI веке»

Современный этап развития нашего общества отличается чрезвычайной сложностью и уникальностью происходящих событий и явлений. Все их многообразие представляет в своей сущности тот или иной вид социальной деятельности людей и является фундаментальным отличием человека как социального существа от любого природного существа. Особое место во всей уникальности и многообразии видов социальной деятельности человека (экономической, политической, культурной и т.д.) занимает социальная волонтерская деятельность. Именно оказание индивидом безвозмездной помощи на добровольных началах представляет собой сущностный смысл, субстанцию всего социального и яв-

ляется одним из фундаментальных отличий человека как общественного существа от любого другого природного существа.

Понятие «волонтерская деятельность» вошло в научный лексикон в конце XX в. Однако вопросы, связанные с оказанием безвозмездной помощи на добровольных началах нуждающимся находились в центре внимания мыслителей и ученых разных эпох и разных областей социального знания. Обращение именно к гуманной, безвозмездной и нравственной форме деятельности обусловлено, во-первых, обострением в обществе кризисных ситуаций как глобального, так и локального масштабов, вызванных результатами человеческой деятельности в различных областях экономики, политики, религии, культуры, морали, права, науки и т.д. и требующих особого внимания со стороны добровольных помощников. Необходимость повышения ответственности социальных субъектов за собственную деятельность ставит вопросы формирования социально-ориентированного ценностно-нравственного отношения индивида к окружающему миру и обществу. Можно с полным правом заявлять, что сегодня – на фоне глобальных кризисов – от адекватного отражения окружающей реальности в формах общественного сознания (прежде всего в науке) зависит не просто будущее цивилизации, но и сам факт благополучного существования человечества в целом.

Во-вторых, актуальность рассмотрения понятия «социальная волонтерская деятельность» в рамках философского знания, обусловливается потребностями социальной философии в дальнейшем развитии и конкретизации понятийно-категориального аппарата, призванного отражать объективную реальность в ее статике и динамике. Очевидно, что стремительность социальных изменений в информационный и технологический век активизирует процесс научного переосмысления, диктует необходимость существенной корректировки исходных обществоведческих постулатов, что, естественно, ставит вопрос о трансформации понятийно-категориальной системы в аспекте расширения ее дифференцирующих и интегрирующих возможностей.

Осмысление понятия «волонтерская деятельность» в контексте философского знания позволяет нам понять природу, сущность и содержание данного феномена посредством обращения к таким категориям, как *«благо», «добро», «добродетель», «милосердие», «альтруизм», «гуманизм», «благополучие»*. При этом *«благо» и «добро»* понимаются нами как основной источник добровольческой деятельности, *«добродетель»* и *«альтруизм»* трактуются как совокупность положительных нравственных качеств личности, способствующих достижению *«благополучия»*, как конечного результата данного вида деятельности. *«Милосердие», «гуманизм» и «альтруизм»*, являясь составной частью идеологии волонтерской деятельности, выступают как философские и этико-социологические принципы отношения к человеку как к высшей ценности и осуществления бескорыстных действий, направленных на благо других людей.

Представления о помощи нуждающимся нашли свое отражение в учениях философов в период досократической философии. В сочинениях китайских мудрецов (*Конфуций, Мэн-Цзы*) центральное место отводится *милосердию* и *гуманизму.* Конфуций считал, что человеколюбивый человек это тот, кто, не только стремится укрепить себя на правильном пути и осуществить дела на более качественном уровне, но и помогает в этом другим. В его учениях заложены критерии правильного поведения человека, которые основывались на понятии человеколюбия. В сочинениях ученика Конфуция Мэн-Цзы выделены две важнейшие *добродетели* – «человеколюбие» (жэнь) и «справедливость» (и), которые раскрываются в учениях о распространении почтения и любви не только на близких людей, но и на чужих. Любой человек достоин уважения, вне зависимости от родства и положения в обществе. Китайские мудрецы внесли свой вклад в понимание взаимоотношения между людьми. Они считали, что любые взаимоотношения

должны осуществляться исходя из главнейшего принципа служения ближнему – принципа помощи другим и стремления к их процветанию без желания получить что-нибудь взамен.

Античные философы (Платон и Аристотель) с помощью таких понятий, как «добродетель» и «благо», пытались объяснить законы существования человека в обществе, законы его гармоничного приспособления к меняющимся условиям, развития и сосуществования с объективным миром. Так, Платон в своих философских трудах рассматривал такую категорию как «добродетель» и определял ее как способность души к деяниям, сообразным с ней. Он различал четыре основные добродетели, из которых вытекают все остальные (кардинальные): мудрость, мужество (волевая энергия), благоразумие (чувство меры, самообладание) и справедливость. Все эти добродетели должны быть ориентиром для человека в течение всего его жизнесуществования. Платон считал, что эгоизм человека является не просто моральной ошибкой. По его мнению, такие люди абсолютно не понимают, что значит быть человеком и что личные интересы и общественные интересы совпадают. Он возражал против противопоставления эгоизма и альтруизма, которое предполагает различия между индивидом и обществом. Человек существует в обществе и, соответственно, в процессе своей жизнедеятельности должен опираться на такие добродетели, которые гармонично сочетались бы с альтруистическими устоями, существующими в обществе (например, действовать во благо общества, помогая его членам).

Аристотель, в свою очередь, полагал, что естественным состоянием человека является общественная жизнь. Согласно его учениям, человек, обладая разумом, выстраивает дальнейший путь своего жизнесуществования в обществе в соответствии с нравственными нормами (уважение ближнего, благородные поступки во имя него и ради его благополучия и т.д.) [1; С. 325]. Индивид должен помнить и о благополучии других людей, так как личные интересы и эгоистические чувства разъединяют людей и сеют вражду между ними. Для каждого отдельного человека основной целью его жизнедеятельности является реализация способностей в обществе, где он живет, в нахождении его места, на котором он наилучшим образом реализует свои способности [2]. Оказание безвозмездной помощи может оказаться одним из способов достижениях этой цели.

В *эпоху средневековья* представители патристики и средневековой схоластики (*Августин, М. Аврелий, Ф. Аквинский, Бонавентура, Дунс-Скот, А. Миланский, Томазин де Цирклариа*) утверждали, что высшее *благо* – это Бог. Именно он является источником всех благ и конечной целью человеческих устремлений [4; С. 620]. Вера, смирение, надежда в спасение, служение Богу и ближним, главным мотивом которого является любовь, – основные христианские добродетели, которые становились идеологическим стержнем и ориентиром в жизни верующего человека. Так, Августин Блаженный говорил о том, что хороший человек (добрый христианин) должен испытывать любовь и сострадание, стыд и раскаяние и строить свою жизнь в соответствии с замыслом Создателя и его законами, так как вселенная сотворена для человека, для его жизни и деяний [3]. Согласно учениям философов средневековья, люди должны в своей жизни руководствоваться общепризнанными духовными канонами – «просящему дай» практически означало накормить голодного, напоить жаждущего, посетить заключенного в темнице, призреть малое дитя и старика, оказать помощь в беде. Добрый человек, прежде всего, должен быть преисполнен горячей и искренней любви к Богу и людям.

В эпоху Возрождения получают свое развитие идеи гуманизма (Дж. Бруно, Л. Вала, А. Данте, Манетти, Ф. Петрарко, Э. Ротердамский, Салютати и др.). Ученые эпохи гуманизма понимали под *благом* все то, что служит удовлетворению потребностей человека и его разностороннему развитию, а *добродетель* являлась универсальной категорией, которая определяла важнейшие свойства челове-

ческой личности, характер и образ жизни [10]. Так, представители средневекового ренессансного гуманизма – А. Данте, Ф. Петрарка провозглашали в своих учениях определенную систему взглядов, которая выступает условием достижения блага и признает ценность человека как личности, ее права, провозглашает принципы равенства, свободы, справедливости как нормы взаимоотношений между людьми – *гуманизм*. Гуманизм выступал как норма взаимоотношений между людьми и являлся основополагающим в процессе жизнедеятельности индивида. Гуманность – это особое отношение к другому; система нравственных и социальных установок, предполагающая необходимость проявления сочувствия к людям и оказания им необходимой помощи [6; С. 121-122]. Так, взаимодействуя в обществе, человек соблюдал главную идею этой эпохи – не причинения страданий другому. Гуманизм является одним из основополагающих принципов волонтерской деятельности.

Эпоха научной революции (Ф Бэкон, Т. Гоббс, Р. Декарт, Г.В. Лейбниц, Д. Локк, Б. Спиноза) характеризуется активным развитием идей *антропоцентризма*. Так, Ф. Бэкон считал, что людей объединяет справедливость, которая заключается в том, чтобы не делать другому того, чего не желаешь себе, а это есть ни что иное как *гуманизм*. Он писал, что стремление любить заложено в человеческой природе, оно порождает гуманность и милосердие. Интересен взгляд Б. Спинозы, который под *добродетелью* понимал любовь к Богу (природе). Добродетель для него была идентична пользе. Действовать абсолютно по добродетели, согласно Спинозе, для человека не что иное, как действовать, жить и сохранять свое существование (эти три выражения для философа обозначают одно и то же) по руководству разума и на основании стремления к собственной пользе. Такое действие нацеливает дальнейшее поведение индивида на осознанное принятие ценности другого человека и уважительного отношения к нему. Человек ставился во главу угла, так как само его существование признается уже само по себе ценным и требует соответствующего отношения. Особенно важным такое осознание становится, когда человек слаб и нуждается в помощи.

Философия Эпохи Просвещения (*И. Кант, И. Г. Фихте, Г.Ф.Б. Гегель, Д. Дидро).* И. Кант считал, что добрые помыслы и дела должны стать фундаментом всемирных общественных отношений. Он полагал, что и доброе, и злое начало, в равном соотношении между собой, каждому человеку дается от рождения, и конечный выбор при взаимодействии с окружающим миром всегда осуществляет человек. В качестве первоначальных задатков *добра* он выделяет три его составляющие элемента – это животность, *гуманность* и личность. Причем, первое свидетельствует о том, что человек является живым организмом, второе определяет его как разумное существо, а третье свидетельствует о наличии у него чувства ответственности за свои поступки. По мнению Канта, нравственное поведение должно быть присуще как можно большему количеству людей, так как добродетельное поведение, наполненное мужеством, должно быть долгом каждого разумного существа. При соблюдении принципа нравственности человек думает не только о своем благополучии, но и о благополучии ближнего, оказывая ему помощь и поддержку. Кантовская добродетель выводится из чистых основоположений, а не является привычкой к добрым делам, она не определяется как умеренность между двумя пороками; между добродетелью и пороком есть качественное отличие. Д. Дидро, в свою очередь, говорил о том, что настоящее блаженство заключается в том, что все люди нуждаются друг в друге и о том, что каждый индивид ждет помощи от себе подобных точно так же, как они ждут ее от индивида. При осознании этой истины, человек взаимодействуя, выбирает путь гармоничного вхождения в общественную жизнь, помогая другому [7].

В западной и русской философии XIX в. (А. Шопенгауэр, В.С. Соловьев, Н.К. Рерих, Л.Н. Толстой и др.) содействие благу другого рассматривается как основа

морали – высшего блага. В русской философии высшее благо понимается как единство добродетели и благонравия. Благо есть, безусловно желаемое, добродетель, безусловно, должное. Философы XIX в. в своих работах рассматривали такую категорию как «*альтруизм*», который является основополагающим принципом волонтерской деятельности.

Идея особой самоценности, направленности на другого через сопереживание полнее всего была развита А. *Шопенгауэром*. В учениях благожелательности А. Шопенгауэра и В.С. Соловьева как принципа человеческих взаимоотношений, в которых благо другого является приоритетным к личному благу, придается исключительное значение [10]. Так, русский философ *В. Соловьев* в работе «Оправдание добра» обосновывает *альтруизм* через жалость и считает его естественным проявлением человеческой природы (всеединства), тогда как его противоположность (эгоизм, отчуждение) является пороком. Соблюдение принципа альтруизма – это естественное проявление человеческой природы (всеединства), тогда как его противоположность (эгоизм, отчуждение) является пороком. Соловьев трактовал *альтруизм* в духе заповеди любви, распространяя ее на отношение как к другим людям, так и к другим народам [9]. Общее правило альтруизма: поступай с другими так, как хочешь, чтобы они поступали с тобою.

Человек, исходя из идеи любви к окружающим, действует в соответствии с нравственными принципами, чувством любви к индивиду и обществу, стараясь не причинять страдания другому и оказывать при необходимости деятельную помощь. Человеколюбие и сострадание – есть главный ориентир в процессе жизнедеятельности индивида, объединяющий все целеустремления и действия в одну гармоничную систему.

Согласно взглядам *современных философов* XX в. *(Н.В. Борковская, И.А. Гундаров, Ф.А. Селиванов, В. Татаркевич, В. Франкл., Э Фромм и др.),* одним из условий жизнедеятельности индивида может стать оказание безвозмездной помощи, основанной на идеях любви к ближнему, как основы достижения духовной гармонии. Главным условием гармоничного бытия, по их мнению, являются альтруистические установки, соответствие жизни нравственным идеалам, духовность, «чистая совесть» и т.д. [8; С. 472-473]. Волонтерская деятельность выступает условием формирования у человека таких качеств личности, ценностных ориентаций и установок, которые способствуют поддержанию гармоничного сосуществования с окружающим миром и собой, уважения к окружающим людям, культуре, традициям и ценностям.

Таким образом, в контексте философского знания осмысление сущности и содержания волонтерской деятельности связывалось в одних концепциях с *благом, добром, добродетелью,* в других – с *милосердием и альтруизмом,* в третьих – *с гуманизмом,* в четвертых – *с благополучием индивида.* Волонтерская деятельность рассматривалась философами как нематериальная сторона бытия индивида, основанная на идеях нравственности, духовного развития, моральных ценностей, присущих человеческому обществу того или иного исторического периода, особое внимание при этом уделялось проблемам субъективного восприятия жизни и духовной гармонии.

Литература

1. Аристотель и античная литература. М., 1978. 325 с.

2. Аристотель Никомахова этика. М.: ЭКСМО-Пресс, 1997. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/nikomah.txt (дата обращения 1.03.2012).

3. Августин А. Исповедь. М. 1997. [Электронный ресурс] Режим доступа: file:///C:/WINDOWS/TEMP/Rar$EX98.688/%D0%98%D1%81%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D1%8C.html (дата обращения 1.03.2012).

4. Амвросий Миланский // Энциклопедический словарь: в 86 т. / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. М., 1992. Т. 2. С. 620. – (репр.изд. 1902 г.)

5. Антология мировой философии. Минск; М., 2001. 928 с.

6. Гуманизм // Словарь философских терминов / науч. ред. В.Г. Кузнецов. М., 2004. С. 121-122.

7. Кропоткин П. Современная потребность в выработке основ нравственности / Электронная библиотека «Avtonom.org». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://avtonom.org/old/lib/theory/kropotkin/ethics.html. (дата обращения 1.03.2012).

8. Томазин де Цикларна // Энцеклопедический словарь: в 86 т. / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. М., 1992. Т. 65. С. 472-473. – (реп. Изд. 1902 г.).

9. Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики. 2004. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/49/(дата обращения 1.03.2012).

10. Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность. М. Республика. 1992. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.koncheev.narod.ru/shop_2pr.htm#pr1(дата обращения 12.06.2012).

Коротко об авторе / *Briefly about the author*

Щербакова Н.В., аспирант, ассистент, Забайкальский государственный университет
Раб. тел.: 35-22-20

N. Shcherbakova, post graduate student, assistant, Zabaikalsky State University

Научные интересы: волонтерская деятельность студентов: социально-управленческий аспект

Scientific interests: volunteering activity of students: socially administrative aspect

Технические науки

УДК 62-231.322.3

Долгих Евгений Сергеевич
Eugenie Dolgih

СОЗДАНИЕ, АНАЛИЗ И ОПТИМИЗАЦИЯ КОНЕЧНО-ЭЛЕМЕНТНОЙ МОДЕЛИ МЕХАНИЗМА С УДАРЯЮЩИМИСЯ И ТРУЩИМИСЯ ЭЛЕМЕНТАМИ

CREATION, ANALYSIS AND OPTIMIZATION OF FINITE ELEMENT MODELS OF THE MECHANISM WITH STRIKES AND FRICTION ELEMENTS

Представлен пример моделирования механизма привода поворота карьерного экскаватора в программном комплексе конечно-элементного анализа Ansys Workbench. Приведены основные принципы построения конечно-элементной модели зубчатых колёс. Выполнено описание геометрической и конечно-элементной модели редуктора привода поворота карьерного экскаватора. Проведён сравнительный анализ результатов расчётов при использовании разных типов элементов. Рассмотрен вариант упрощения конечно-элементной модели путем принятия абсолютно жёсткими узлов механизма

Ключевые слова: *метод конечных элементов, редуктор, трение, кинематико-динамический анализ*

The article presents an example of modeling the rotation of the drive mining shovels in the program of complex finite element analysis Ansys Workbench. The basic principles of the finite element model of gears are given. Completed description of geometric and finite element model of the drive gear rotation mining shovels is presented. A comparative analysis of the results of calculations using different types of items is suggested. An alternative simplification of the finite element model by making absolutely rigid nodes mechanism is described

Key words: *finite element method, gear, friction, kinematic dynamic analysis*

Для решения задач механики деформируемого тела за последние пятнадцать лет значительно увеличилось применение метода конечных элементов. История развития этого метода начинается ещё в 50-х гг. прошлого века. Однако использование его при расчёте вручную весьма затруднительно, так как требуется проведение большого объема вычислений [1]. Развитие метода конечных элементов напрямую связано с появлением и развитием ЭВМ. Метод и программное обеспечение, основанное на нем, продолжает развиваться и в настоящее время.

С помощью метода конечных элементов можно в сравнительно короткие сроки оценить характеристики разных вариантов конструкций и выбрать наилучшую [1].

Метод конечных элементов основан на том, что модель детали или целого механизма можно представить в виде набора элементов, соединённых между собой в вершинах. Элемент является деформируемым

согласно свойству материала, которое для него задаётся.

Чтобы создать конечно-элементную модель какой-либо детали, необходима cad-модель. На основании формы cad-модели детали строится конечно-элементная сетка. В зависимости от того, как работает механизм, выполняются необходимые типы закреплений деталей и прикладываются нагрузки.

При выполнении расчёта динамических нагрузок механизмов, где присутствуют ударяющиеся и трущиеся элементы при помощи метода конечных элементов, необходимо большое количество шагов расчёта, так как возникновение и изменение нагрузок при ударе с трением протекает за миллисекунды. При недостаточном числе шагов результаты будут не точными или при решении возникнет ошибка и расчёт прервется. Продолжительность вычисления зависит от числа точек расчёта и числа узлов конечных элементов. Поэтому важно выполнить конечно-элементную модель так, чтобы в местах, где ожидаются максимальные нагрузки, элементы были меньших размеров, чем в остальных.

Рассмотрим обоснование конечно-элементной модели на примере механизма привода поворота карьерного экскаватора. Механизм привода поворота работает в режимах пусков и торможений, при этом происходят резкие переходы через кинематический зазор, заканчивающиеся ударом [2, 3, 4]. Во взаимодействие входят три пары зубчатых зацеплений. Из-за того, что форма и геометрические размеры зубчатых колёс различны, возникновение максимумов нагрузок в каждой паре контактов при ударе с трением будет происходить в различные моменты времени. Это обусловлено ещё и тем, что колёса вращаются с разными скоростями. По этим причинам расчёт более одной пары зубчатых зацеплений требует увеличения числа точек расчёта.

Геометрическая модель механизма привода поворота (рис. 1) состоит из двух редукторов по пять зубчатых колёс, корпуса и крышки, поворотной платформы и зубчатого венца. Так как интерес для исследований распределения нагрузок представляют области модели, где происходит зацепление зубьев, то подшипниками и опорно-поворотным устройством для упрощения модели можно пренебречь. Корпус, крышка редуктора и платформа используются для сборки механизма. Они принимают участие в расчёте как абсолютно жёсткие тела, и поэтому построение конечно-элементной сетки на них не выполняется. Кроме вала-шестерни также можно принять абсолютно жесткими все остальные зубчатые колёса, так вал шестерня является узлом, наиболее часто выходящим из строя. Можно выполнить расчёт для каждого узла, принимая только его деформируемым.

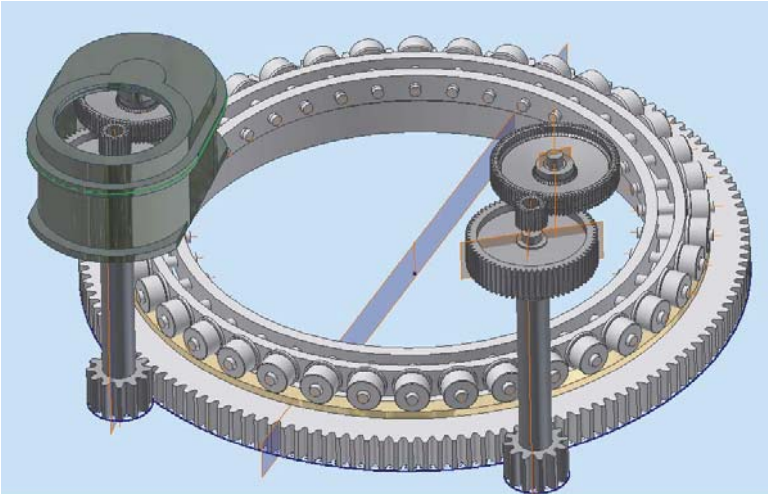


Рис. 1. Геометрическая модель механизма привода поворота карьерного экскаватора

Геометрии зубчатых колёс для наложения конечно-элементной сетки являются сложными. Имеется большое число изогнутых поверхностей. При первых попытках наложения сетки выяснилось, что контроль размера конечных элементов по областям геометрии осуществляется не полностью. В местах контакта зубчатых колёс элементы создаются неправильной формы. Применение методов изменения формы элемента и упорядочивания для решения этой проблемы не даёт результатов. При расчёте с такой конечно-элементной моделью результаты получаются не верными.

Для создания упорядоченной сетки зубчатые колёса необходимо разделять на отдельные тела. При разделении геометрии для генератора сеток создаются дополнительные поверхности и ребра, позволяющие на основании их формы строить сетку, т.е., изменяя форму разделяющих поверхностей и их направления, можно варьировать формами сеток, как показано на рис. 2. Разделение позволяет также получить дополнительные рёбра для задания размера конечного элемента [1, 6].

Чтобы части деталей механизма учитывались при расчёте как единая деталь, имеются два способа:

– сшить узлы элементов в местах контакта;

– места контакта выполнить специальными контактными элементами (рис. 3).

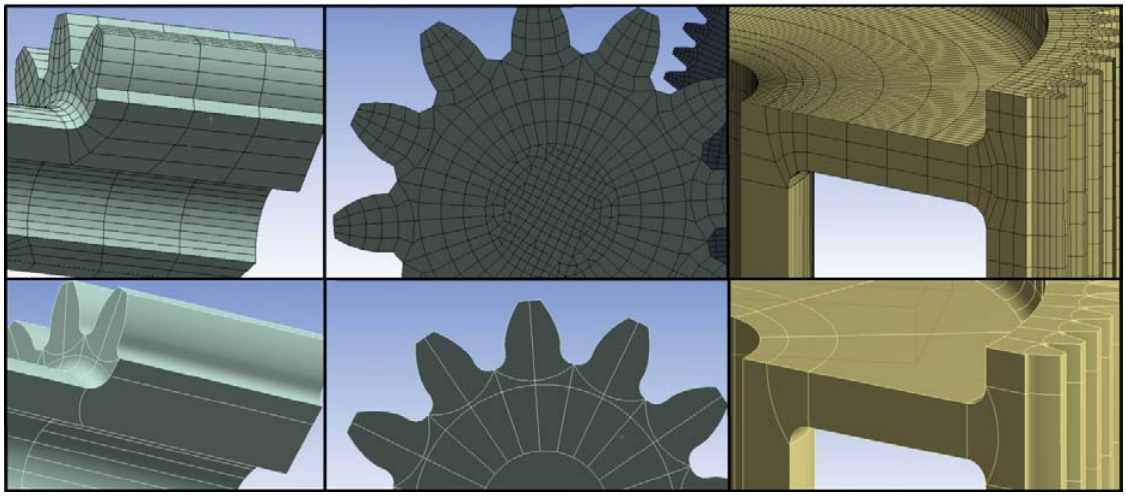


Рис. 2. Распределение конечных элементов в зависимости от разделения геометрий зубчатых колёс

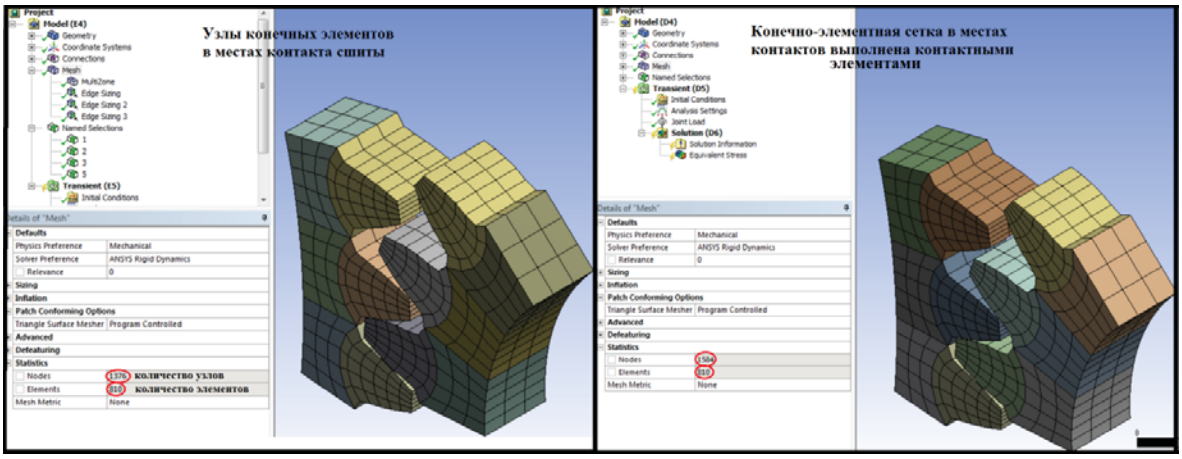


Рис. 3. Способы объединения долей разделённых деталей

На рис. 1 изображены конечно-элементные модели с применением этих способов. В обоих случаях форма и количество элементов одинаковое. Однако из-за того, что в первом случае узлы соприкасающихся долей сшиты, суммарное количество узлов меньше, чем во втором. Из-за большего числа узлов расчёт второй модели выполняется дольше. Кроме того, в местах разделения геометрии возникают резкие переходы распределения напряжений (рис. 4). Это происходит потому, что эпюра строится по средним значениям напряжений соседних элементов, т.е. величина напряжения в какой-либо точке геометрии является средним значением напряжений в близлежащих элементах к этой точке. При использовании контактных элементов в местах разделения геометрии эпюра распределения напряжений строится так, что среднее значение вычисляется по каждой доле по отдельности.

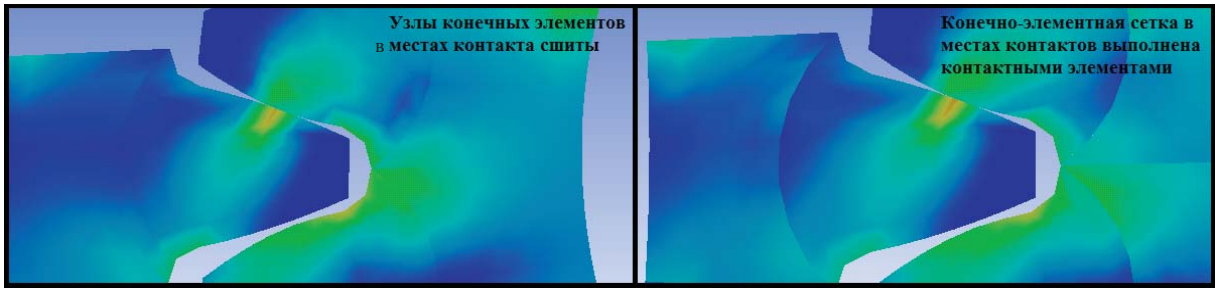


Рис. 4. Распределение напряжений

Так как способ сшивания узлов в местах контактов позволяет получить более достоверные результаты и выполнить расчёт в меньшие сроки, то рациональным является именно этот способ.

Описанная модель является очень «большой» для расчёта, так как для получения достоверных результатов конечно-элементная сетка в местах контакта выполняется мелким элементом. По этой причине для дополнительного упрощения все колёса, кроме исследуемого, применяются абсолютно жёсткими.

Для проведения сравнительной оценки конечно-элементной сетки моделей взаимодействия двух зубчатых колёс выполнен ряд решений с одинаковыми нагрузочными условиями, но с разным размером и типом конечных элементов. Сравнивались результаты расчетов для двух вариантов постановки задачи:

– одно колесо используется при расчёте как абсолютно жёсткое;

– оба колеса используются как деформируемые.

При расчётах использовались двадцатиузловые прямоугольные элементы (рис. 5, б), восьмиузловые прямоугольные элементы (рис. 5, а) и элементы формы тетраэдра (рис. 5, в) с дополнительными узлами на грани [1, 5].

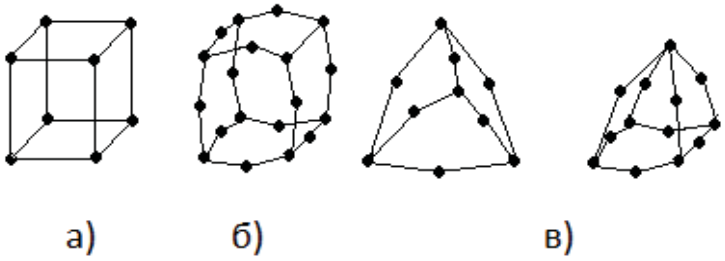


Рис. 5. Конечные элементы

Согласно [1], применение двадцатиузловых прямоугольных элементов дает более точные результаты по сравнению с другими типами элементов, но на расчёт модели с такими элементами затрачивается гораздо больше времени. Восьмиузловые прямоугольные элементы и элементы формы тетраэдра с промежуточными узлами дают приблизительно одинаковый по точности результат. Элементы формы тетраэдра используются при применении инструмента Convergence – сходимость. Инструмент Convergence осуществляет при перерасчетах модели автоматическое сгущение сетки в местах максимальных нагрузок. В процессе перерасчёта результат сравнивается с предыдущим, и если этот результат незначительно от него отличается, то решение является сошедшимся. Можно выполнять эти действия вручную, но это займёт значительно больше времени. В таблице представлены данные о сходимости решения модели, где одно из колёс участвует в расчёте как абсолютно жёсткое. Первые три перерасчёта выполнялись с достаточно крупными элементами, поэтому результаты значительно различаются. Так как последние два перерасчета различаются друг от друга всего на 2,04 %, то расчёт можно считать сошедшимся, а результаты расчета адекватными для заданных граничных условий.

Сходимость при решении модели с абсолютно жёстким и деформируемым зубчатым колесом

№ п/п	Эквивалентные напряжения, МРа	Процентное соотношение, %	Количество узлов	Количество элементов
1	43,721	-	33316	7309
2	86,801	66,012	36040	21342
3	144,21	49,644	97431	64286
4	272,89	61,757	216247	148823
5	304,07	10,808	368362	258251
6	297,93	-2,04	722396	515883

При сравнении результатов расчета с разными типами элементов выяснилось, что картина распределения напряжений одинаковая в области основания зуба.

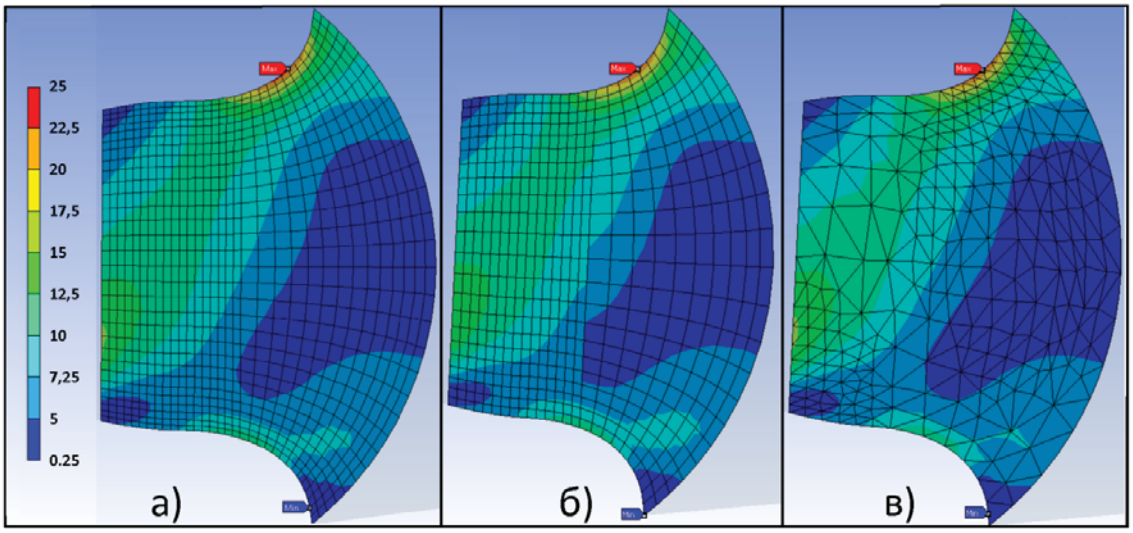


Рис. 6. Распределение напряжений в основании зуба модели взаимодействия деформируемого и абсолютно жёсткого колеса

В случае применения инструмента «сходимость», где использовались элементы формы тетраэдра, величина напряжений в области контакта значительно больше, чем при использовании прямоугольных элементов. Величины напряжений при использовании восьми- и двадцатиузловых элементов приблизительно равны. Различие результатов объясняется тем, что в случае применения двадцати- и восьмиузловых элементов конечно-элементная сетка в области контакта выполнена недостаточно измельченной. На основании данного анализа можно сделать вывод, что все три модели можно использовать для исследования напряжений в области основания зуба.

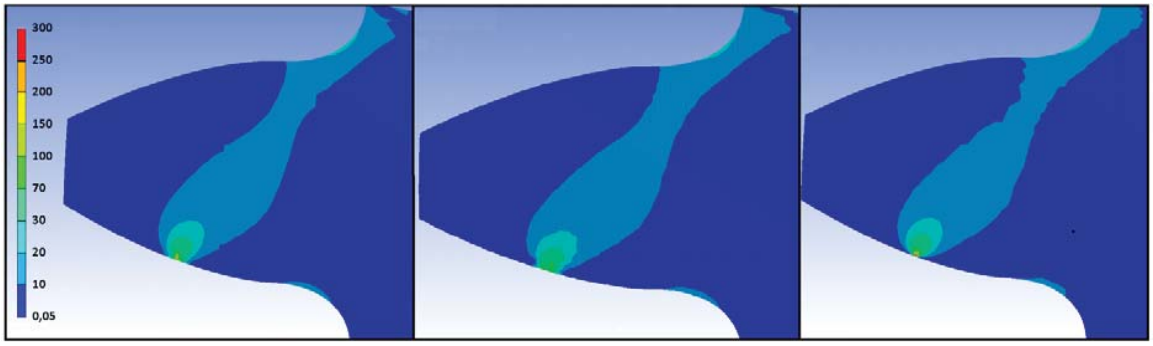


Рис. 7. Распределение напряжений в области контакта

При сравнении аналогичных расчетов задач с деформируемыми зубчатыми колёсами и одним абсолютно жёстким колесом выяснилось, что во всех случаях распределение и величины напряжений в области основания зуба одинаковые. Результаты расчёта различны для области контакта. При постановке задачи с абсолютно жёстким колесом напряжения значительно больше. Это объясняется тем, что при нагружении площадь контакта увеличивается за счет деформации. Так как при этой постановке происходит деформация только одного колеса, то площадь контакта будет соответственно меньше. Из-за того, что на сравнительно меньшую площадь прикладываются те же самые нагрузки, возникают большие напряжения. На рис. 8 представлены результаты расчётов распределения напряжений в области контакта с применением инструмента «сходимость» для случаев с деформируемым и абсолютно жёстким вторым зубчатым колесом. Как видно на рис. 8, а максимум напряжений сконцентрирован в меньшей точке, чем на рис. 8,б. Величина напряжения в месте контакта абсолютно жёсткого и деформируемого колеса равна 297,37 MPa, а при взаимодействии деформируемых колёс – 141,34 MPa. В первом случае (рис. 8, а) суммарное число узлов конечных элементов составило 722 тыс., а во втором (рис. 8,б) – 150 тыс.

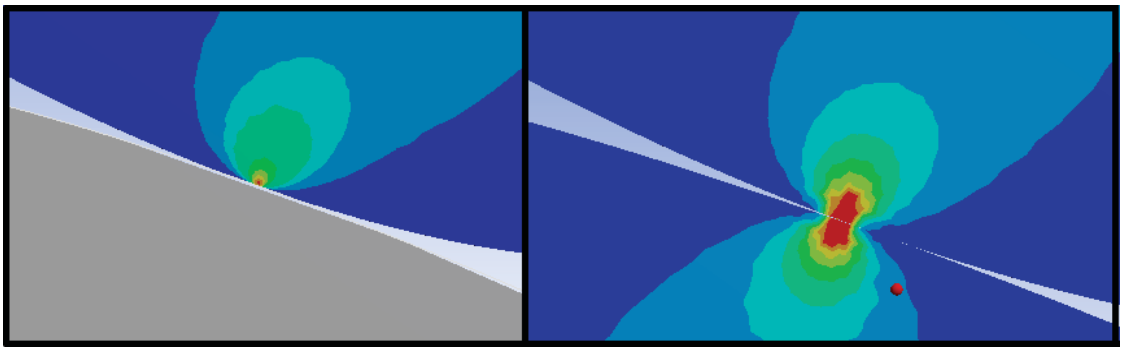


Рис. 8. Распределение напряжений в области контакта для случаев с деформируемым и абсолютно жёстким вторым зубчатым колесом

На основании анализа полученных решений можно сделать следующие выводы:

– упрощение модели механизма привода поворота путём принятия зубчатых колёс абсолютно жёсткими допустимо в том случае, если оба колеса взаимодействующие, в области зацепления принимаются деформируемыми. Все остальные можно принять абсолютно жёсткими;

– для исследования напряжений в области основания зуба не является важным иметь мелкую сетку в области контакта;

– использование восьмиузловых элементов для исследования напряжений в области основания зуба позволяет получать результаты с той же точностью, что и с другими рассматриваемыми типами элементов, но за меньшее время;

– расчёт для модели механизма привода поворота, применяя слитноописанные способы постановки задач, можно представить в виде двух моделей. Первая – используется для расчёта контактных напряжений. Исследуемое и взаимодействующее с ним зубчатое колесо принимаются деформируемыми, а все остальные абсолютно жёсткими. Данный расчёт выполняется для каждой взаимодействующей пары. Вторая модель используется для расчетов напряжений в области основания зуба. При использовании этой модели пренебрегаем трением в области контакта. Зато при расчёте этой модели для учёта суммарной упругости механической передачи можно принять деформируемыми все зубчатые колёса.

Литература

1. Каплун А.Б., Морозов Е.М., Олферьева М.А. Ansys в руках инженера: практическое руководство. М.: Едиториал УРСС, 2003. 272 с.

2. Ключев В.И. Электропривод и автоматизация общепромышленных механизмов. М.: Энергия, 1980. С. 360.

3. Долгих Е.С., Корняков М.В. Анализ устройств для контроля и регулирования величины зазора в зубчатой механической передаче // Молодежный вестник ИрГТУ. 2011. № 1.

4. Долгих Е.С. Пути повышения экономичности и надёжности экскаваторов ЭКГ// Всероссийская научно-практическая конференция с элементами научной школы для молодёжи «Инновационное развитие горно-металлургической отрасли» [Электронный ресурс]. Иркутск: ИрГТУ, 2009.

5. Басов К.А. Ansys: справочник пользователя. М.: ДМК Пресс, 2011. 640 с.

6. Басов К.А. Ansys в примерах и задачах. М.: Компьютер Пресс, 2002. 224 с.

Коротко об авторе — *Briefly about the author*

Долгих Е.С., аспирант, каф. «Горные машины и электромеханические системы», Институт недропользования, Национальный исследовательский Иркутский государственный технический университет
dolgih.es@istu.edu.

Научные интересы: конечно-элементный анализ

E. Dolgih, a post graduate, Mining machines and electrical-mechanical systems department, Mineral Prospecting Institute, National Research Irkutsk State Technical University

Scientific interests: finite element analysis

Филологические науки

УДК 811.51.512.3

Атсанавонг Саяна Григорьевна
Sayana Atsanavong

«ДРАГОЦЕННАЯ СОКРОВИЩНИЦА ИЗЯЩНЫХ ИЗРЕЧЕНИЙ» В ПЕРЕВОДЕ Р. НОМТОЕВА: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ

«PRECIOUS TREASURY OF GRACEFUL SAYINGS» IN R. NOMTOYEV'S TRANSFER: SOME FEATURES OF RESEARCH

Тибетские и монгольские версии «Субхашиты» являлись объектом исследования учёных многих стран мира. Однако бурятский вариант сочинения изучен недостаточно полно и до настоящего времени не подвергался переводу на современные языки. Существующие в настоящее время материалы отечественных исследователей направлены в основном на решение литературоведческих проблем. «Субхашита», как уникальный памятник, имеющий самостоятельное значение в истории дореволюционной бурятской литературы, требует дальнейшего всестороннего изучения

Ключевые слова: *различные версии памятника, старописьменный монгольский памятник, бурятская версия, сопоставительный анализ, назидательные изречения, особенности произведения*

«Subkhashita's» Tibetan and Mongolian versions were an object of research of scientists of many countries of the world. However the Buryat version of the composition is studied insufficiently fully and so far wasn't exposed to the translation into the modern languages. The materials of domestic researchers existing now are directed generally on the solution of literary problems. «Subkhashita» as the unique monument having independent value in the history of prerevolutionary Buryat literature, demands further comprehensive study

Key words: *various versions of a monument, old written Mongolian monument, Buryat version, comparative analysis, instructive sayings, features of work*

В истории развития письменной культуры народов Центральной Азии особое место занимает дидактическая литература прошлого, среди которых наибольшую популярность и распространение получают субхашиты – нравоучительные стихи, предназначенные обучать людей нормам поведения и этики. Субхашиты – назидательные сентенции, первоначально возникли в Тибете и составлены по образцу древнеиндийских дидактических сочинений, известных под общим названием «Нитишастры». Основоположником своеобразного жанра тибетской средневековой литературы является известный учёный XIII в. Сакья-пандита Гунга Жалцан (1182-1251), автор сборника субхашит «Драгоценная сокровищница изящных изречений». Это был крупный политический деятель и известный учёный-богослов. Ему принадлежат труды по буддийской логике, этике, философии и истории буддизма. Он сыграл важную роль в установлении монголо-тибетских связей при монгольском наместнике Годане. С его именем связано начало распространения тибетской религии в Монголии и строительства множества буддийских монастырей.

Сакья-пандите Гунга Жалцану принадлежат труды по разнообразной тематике, но наибольшей известностью пользовалась

его «Субхашита». Это произведение представляет собой сборник нравоучительных афоризмов, состоящий из 457 четверостиший. В европейской тибетологической литературе сочинение Сакья-пандиты известно как «Субхашита», что представляет собой сокращение полного заглавия, переведенного на санскрит «Subqashitaratnanidhi». В Тибете произведение знаменитого предшественника называют «Legšed rinbočei der», что в переводе на русский язык означает «Изящные изречения Сакья».

В конце XIII в. «Субхашита» попадает в монгольскую империю в Пекин, где её переводят с тибетского языка и печатают квадратным алфавитом. Однако от данного экземпляра сохранилось лишь несколько фрагментов. По мнению Д. Кара, эти фрагменты являются «единственными свидетелями монгольского книгопечатания квадратным письмом, в то же время они представляют собой первый известный памятник монгольской печатной книги светского содержания» [4; С. 31]. Следует отметить, что Д. Кара не прав, называя «Субхашиту» «книгой светского содержания» и рассматривая в её изречениях поучения только в светской жизни. В действительности, только одна сторона наставлений светская, вторая же касается общих положений буддизма. Справедливо отмечает Н.Д. Болсохоева, что «Сакья-пандита в «Субхашите» использовал преднамеренный композиционный приём, который заключается в том, что каждое изречение представляет собой наставление или поучение в светской и духовной жизни, полезное как для мирян, так и для монахов» [2; С. 2].

В XIII в. тибетским учёным Ринченбалом к субхашитам Гунга Жалцана были изданы комментирующие рассказы. Существует мнение о том, что Ринченбал написал эту работу ещё при жизни Сакья-пандиты. Во всяком случае, данное предположение является спорным, так как точно не установлены годы жизни самого комментатора.

В XVII в. работа Ринченбала неоднократно была переведена на монгольский и ойратский языки. Монголы и сами комментировали «Субхашиту». Так, в 1779 г. чахарский гэбши Лубсан-Цультим в монастыре Сагаан Уула (Внутренняя Монголия) перевел данное сочинение и написал к нему свой комментарий. При переводе этого собрания он не стал дословно переписывать изложения Ринченбала. Академик Ц. Дамдинсурэн, сличив эти работы, пишет: «Исследования этих произведений, позволяют говорить о том, что чахарский гэбши Лубсан-Цультим к некоторым субхашитам внёс комментарии, которые выбрал из других произведений литературы, и некоторые уже имеющиеся комментарии идейно расширил» [3; С. 18] (перевод наш – А.С.).

В монголоведении также известно, что в XVII в. «Субхашиту» перевёл ойратский учёный Зая-пандита (1599-1662); в XVIII в. – монгольский учёный Дамбажалсан (1730-1780). Известна и бурятская версия этого памятника, выполненная в XIX в. Ринченом Номтоевым (1821-1907).

Данные об этом памятнике можно почерпнуть из работ исследователей многих стран мира. Изучение «Субхашиты» учёными-востоковедами ограничивалось переводами, сопоставлением некоторых версий с тибетским подлинником, небольшими публикациями и литературоведческими исследованиями.

Европейские читатели впервые узнали о «Субхашите» от известного тибетолога Александра Чома де Кереши (1784-1842). Издание венгерского учёного содержит выборочный тибетский текст 234 четверостиший с переводом на английский язык. Перевод составлен в 1833 г. и опубликован только после его смерти в 1855-1856 гг.

В дальнейшем «Субхашита» неоднократно подвергалась переводу на многие европейские языки. В 1858 г. исследователь Ф.Е. Фуко издал тибетский текст 134 четверостиший с французским переводом. Шотландец В.Л. Кэмпбэл осуществил перевод тибетского текста на немецкий язык (1925 г.). Монгольский текст «Субхашиты» перевёл на венгерский язык академик Л. Лигети (1965 г.). Полный перевод тибетского текста на английском языке выходит в монографии американского исследователя

Дж. Боссона «Сокровищница драгоценных афоризмов» (1969 г.).

Заслуживают внимания труды монгольских и бурятских учёных, посвященные изучению этого памятника. В 1972 г. выходит в свет статья монгольского исследователя Х. Лувсанбалдана, где автор изучает калмыцкую версию «Субхашиты», переведенную на ойратский язык Зая-пандитой (1599-1662). В 1973 г. В.С. Дылыкова в статье «Назидательные речения Сакья-пандиты» исследует текст и рассматривает 37 четверостиший сочинения. Значительным событием в истории изучения памятника является диссертационное исследование Н.Д. Болсохоевой «Сакья-пандита и его «Субхашита» (1977). Данная работа является первой попыткой комплексного изучения «Субхашиты» как памятника тибетской литературы. В диссертации учёный обстоятельно рассматривает творческий путь знаменитого автора, историю создания тибетского текста, перечисляет отдельные работы своих предшественников, рассматривает сочинение в целом и выясняет влияние произведения на более позднюю литературу этого жанра. В 1990 г. в Монголии (г. Улаанбаатар) издается текст «Субхашиты» на современном монгольском языке, перевод осуществлен академиком Ц. Дамдинсурэном в конце 1960-х гг. Издание содержит монгольский перевод сочинения чахарского гэбши Лубсан Цультима.

Если тибетские и монгольские версии «Субхашиты» являлись объектом исследования многих учёных, то бурятский вариант сочинения изучен недостаточно полно и до настоящего времени не подвергался переводу на современные языки. Имеющиеся на сегодняшний день материалы отечественных исследователей направлены в основном на решение литературоведческих проблем.

Так, в 1966 г. под редакцией Ц-А. Дугарнимаева выходит в свет сборник субхашит Э-Х. Галшиева (1855-1915) «Бэлигэй толи» («Зерцало мудрости»). Сочинения Сакья-пандиты и Галшиева принадлежат к одному и тому же роду дидактической литературы, имеют идентичную композицию, общую проблематику и близки по содержанию. Кроме того, руководством для написания Галшиевым «Зерцала мудрости» являлись субхашиты Гунга Жалцана. Сравнив содержание «Бэлигэй толи» с сочинением Сакья-пандиты, Ц-А. Дугарнимаев выявил, что Галшиев отошёл от сложившихся в этом жанре стереотипов в сторону светской тематики. При исследовании «Зерцала мудрости» он доказал оригинальность произведения и показал его связь с бурятской действительностью.

На материалах дидактических сочинений основана работа Ш-Н.Р. Цыденжапова «Фразеология старописьменного монгольского языка» (1971). Выбор этих произведений в качестве основных источников он объясняет тем, что по сравнению с другими жанрами старописьменной монгольской литературы они содержат огромный фразеологический материал и являются наименее изученными в языковом отношении. Исследователь отмечает, что фразеологический фонд дидактических произведений оказал большое влияние на становление и развитие фразеологии современных монгольских языков.

Монография А.Б. Соктоева «Становление художественной литературы Бурятии дооктябрьского периода» (1976) является первой научной работой, обстоятельно анализирующей историю становления художественной литературы бурят. Исследователем проделана работа по изучению и описанию произведений национальных писателей дореволюционного периода. Учёный, опираясь на большой фактический материал, выявил истоки зарождения бурятской художественной литературы, опыт бурят в использовании достижений литератур Центральной Азии, русской классической литературы.

На материалах бурятских памятников, в том числе и «Субхашиты», основана кандидатская диссертация Б.Д. Баяртуева «Мотивы и сюжеты из «Панчатантры» в бурятской литературе дооктябрьского периода» (1987). Исследователь в оригинальных письменных источниках выявил и проанализировал сюжеты древнеиндийской «Пан-

чатантры». Автор отмечает, что изучение младописьменных литератур невозможно без освоения их истоков, пристального изучения литературного процесса, протекавшего в национальной литературе дооктябрьского периода.

Наиболее значительным по глубине анализа и широте охвата материала представляется диссертационное исследование Д.Б. Дашиева «Бурятская дидактическая литература: проблемы жанрового состава» (1997). В своей работе ученый описывает исторические, политические и социальные условия бурят, которые вызвали активный интерес к этому жанру со стороны бурятских литераторов XIX в. Он выделяет жанры буддийской литературы, оказавшие непосредственное влияние на формирование бурятской дидактической литературы. Д.Б. Дашиев рассматривает дидактические произведения тибетских и монгольских авторов и выявляет сложившиеся в этих произведениях идейно-тематические компоненты, отличающие их как от индийских образцов в этих жанрах, так и друг от друга. Учёный анализирует сочинения бурятских писателей Лубсан Галдан ринпоче, Э.Х. Галшиева, Л.Д. Данжинова, Р. Номтоева с точки зрения их жанровой природы и определяет национальное своеобразие этих произведений.

Несмотря на то, что данному произведению посвящено немало интересных исследований, все они содержат лишь самые общие сведения о нём. «Субхашита», как уникальный памятник, имеющий самостоятельное значение в истории дореволюционной бурятской литературы, требует дальнейшего всестороннего изучения.

В настоящее время ксилограф памятника «Эрдэнийн сан субашид» находится на хранении в Бурятском центре восточных рукописей под инвентарным номером № М III 1569. Сочинение представляет собой книгу среднего формата, состоит из 268 листов размером 50 х 9,6 см. Ксилограф отпечатан черной тушью на китайской желтой бумаге. На титульном листе заглавие книги на старомонгольской графике «Sayin nomlal-tu erdeni-yin sang subdašida-yin tayilburi sang-un egüden-i negegči čindamani-yin tülkigür-eče» (комментарии «Волшебный ключ» к «Сокровищнице мудрых речений драгоценных субхашит, открывающий дверь сокровищницы»). Текст напечатан на обеих сторонах листа, на каждой странице по 37 строк. Пагинация дана как на старомонгольской письменности, так и тибетскими письменными знаками. Сочинение имеет графические особенности: в некоторых местах отсутствуют диакритические знаки перед согласными –n, -š, перед заднеязычными -γ. Также можно отметить своеобразное написание конечного -s, что затрудняет правильное считывание текста. Согласный звук -s в конечной позиции обозначается зубчиком с небольшим хвостиком, будучи слегка удлинённым, он больше соответствует знаку -n.

Колофон сочинения повествует об авторе перевода «...subdašida-yin tayilburi terigüten ba sudur šastir-nuγud-ača tegüjü medeküi-dür kilber bolqu-yi erkilen öber-ün oyun-dur orγuγsan-u kire-ber γurban sedekiküi-tü sumadi radn-a-bar bičibei» («... перевод был осуществлён Сумади Радной, который при толковании некоторых субхашит, руководствуясь желанием упростить смысл излагаемого, внёс сутры из разных шастр, уподобляя их своему пониманию» (перевод наш – С.А.). Сумади Радна – именно под этим санскритским именем подписывал некоторые свои труды Р. Номтоев.

Точное время написания «Субхашиты» писатель не отметил, и его можно установить лишь косвенным путём. Многие исследователи, описывая биографию Р. Номтоева, свидетельствуют о том, что с середины 1864 г. он уходит с должности ширетуя и с этого времени посвящает себя филологической и литературной деятельности. Следовательно, Р. Номтоев написал «Субхашиту» после 1864 г.

Памятник «Эрдэнийн сан субашид» является крупным произведением и заключает в себе 456 назидательных изречений. К некоторым из этих наставлений прилагаются комментарии (тайлбари). Сочинение композиционно делится на девять глав, каждая из которых имеет свой тематичес-

кий заголовок. Несмотря на то, что субхашиты разделены по девяти главам, тематику этих изречений можно свести лишь к трем основным группам: 1) изречения о свойствах людей глупых, невежественных; 2) субхашиты о свойствах людей благородных и мудрых; 3) изречения о поступках, свойственных природе вещей вообще – и хороших, и плохих.

В своих комментариях писатель привлек богатейший фольклорно-сказочный материал народов Востока. Так, например, сочинение Р. Номтоева представляет собой «собрание разных произведений из всемирно известной «Панчатантры», «Волшебного мертвеца», «Ульгэрун далай», «Океана сказаний» Самадевы, фрагментов из «Рамаяны», биографии – намтары разных людей, включая намтар Калидасы, разные мифы и притчи из фольклора народов Индии и Тибета» [1; С. 516].

При переводе «Эрдэнийн сан субашид» Р. Номтоев мыслил просвещать народ в духе буддийского мировоззрения. В своем произведении он обращался к мирянину, поэтому на первый план выдвигались нравоучения для простого человека. В его переводе встречаются размышления о жизни и смерти, добре и зле, о глупости и мудрости, об истинных знаниях и невежестве. Р. Номтоев – сторонник образования для всех людей, поэтому в его сентенциях значительное место занимает призыв к знаниям. Героями «Эрдэнийн сан субашид» являются представители различных сословий, и среди них явно преобладают низы общества. Здесь все уравнено: и верхи и низы обязательно должны пройти сквозь сито человеческих испытаний, в котором распределение людей на мудрых и глупых, добрых и злых, достойных и недостойных осуществляется в соответствии с народными представлениями и идеалами.

Памятник «Эрдэнийн сан субашид» служил руководством в деле морального и нравственного воспитания народа. Пропаганда буддийского учения в этом сочинении велась в относительно простой и доступной для широкого читателя форме. Простой кочевник, прочитав или прослушав субхашиты и комментарии к ним, невольно задумывался о правильности своих поступков и праведности своих помыслов. Поэтому памятник «Эрдэнийн сан субашид» стал одним из главных книг, которые формировали мировоззрение степного номада дореволюционного времени в Бурятии.

Академик Ц. Дамдинсурэн, занимаясь исследованием «Субхашиты» Лубсан-Цультима, свидетельствует о том, что «бурятский учёный Лувсанринчин (тибетский псевдоним Р. Номтоева), переписав работу Чахар-гэбши и немного дополнив, переиздал её в Агинском дацане в конце XIX в. Он, придерживаясь комментариев «Цэцгийн эрх», внёс их в своё издание» [3; С. 18] (перевод наш – А.С.).

Рассмотрев содержание произведения Р. Номтоева по главам, мы выяснили, что в целом наименование глав, нумерация разделов, их последовательность повторяют первоисточник: для сравнения был взят перевод «Субхашиты» Чахарского гэвши Лубсан-Цультима, изданный на современном монгольском языке под редакцией академика Ц. Дамдинсурэна. Тем не менее, имеются расхождения в композиционной структуре этих произведений. Если в данной работе сначала излагаются все 457 субхашит и только затем идут комментарии к ним, то в произведении бурятского переводчика наблюдается иная последовательность. В отличие от монгольской версии «Субхашиты» сочинение Р. Номтоева не состоит из разных частей, а имеет цельный последовательный характер, т.е. в главах излагается определенное количество субхашит и тут же прилагаются комментарии к ним, если таковые имеются.

Сравнительно-сопоставительный анализ текстов показал, что бурятский и монгольский писатели были достаточно независимы. Каждый из них оригинален в своем подходе к творчеству Гунга Жалцана. Из всех субхашит ни одна дословно не совпадает, они вполне самостоятельны и имеют свои, отличные друг от друга особенности. Так, в обработке Ц. Дамдинсурэна субхашиты Чахарского гэвши даются строго в виде четверостиший, тогда как у Р. Номто-

ева они не всегда стихотворно оформлены. Исследования этих произведений также позволяют говорить о том, что Р. Номтоев после назидательных изречений или увлекательных рассказов нередко пользуется аллегорией для выражения своих мыслей и чувств. Кроме того, чтобы написать комментарии к некоторым изречениям, он сознательно внёс из других источников дополнительные рассказы.

По нашим наблюдениям, в третьей главе бурятской версии памятника отсутствует одна субхашита, и к пяти субхашитам (№ 145, 153, 161, 252, 292) прилагаются комментирующие рассказы, которые монгольский текст не содержит.

Проведенный текстологический анализ произведений, в переводе Р. Номтоева (XIX в.) в сопоставлении с монгольским переводом чахарского гэбши Лубсан-Цультима (XVIII в.), позволяет говорить о том, что труд бурятского ламы — самостоятельный перевод.

Литература

1. Абаева Л.Л., Н.Л. Жуковская. Буряты. М.: Наука, 2004. 633 с.
2. Болсохоева Н.Д. Сакья пандита и его «Субхашита»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Институт Востоковедения АН СССР, 1977. 18 с.
3. Дамдинсурэн Ц. Эрдэнийн сан субашид. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1990. 219 с.
4. Кара Д. Книги монгольских кочевников. М.: Изд-во восточной литературы, 1972. 194 с.

Коротко об авторе — *Briefly about the author*

Атсанавонг С.Г., канд. филол. наук, доцент, каф. «Теоретическая и прикладная лингвистика», Забайкальский государственный университет
mani75@mail.ru

S. Atsanavong, Candidate of philological sciences, assistant professor, Theoretical and applied linguistics department, Zabaikalsky State University

Научные интересы: исследование старописьменных монгольских памятников

Scientific interests: research of oldwritten Mongolian monuments

УДК 81. 272

Сундуева Дина Борисовна
Dina Sundueva

РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ МОНГОЛИИ

RUSSIAN LINGUISTIC PERSONALITY IN THE CULTURAL SPACE OF MONGOLIA

В процессе межкультурного взаимодействия русской языковой личности в культурном пространстве Монголии происходит её самореализация и культурное самоопределение, а также проявление свойственных ей характеристик. Установлено, что русская языковая личность, проживающая в культурном пространстве Монголии, воспринимает окружающий мир сквозь призму культурных значений «Русского мира», трансформированных в личностный смысл. Русский язык является основным медиатором культурной идентичности, противостоит ассимилятивным процессам, защищает их от неопределенности его бытия, структурирует окружающий мир и определяет место человека в нем. Как показало исследование, сохранению русского языка благоприятствует любовь к России, живой интерес к её истории, к российским истокам своей семьи

Ключевые слова: *межкультурная коммуникация, культурная идентичность, культурное пространство, языковая личность*

In the process of cross cultural interaction of Russian linguistic personality in the cultural space of Mongolia, its cultural self-realization and self-determination is formed, as well as a manifestation of its characteristic features. Russian linguistic personality living in the cultural space of Mongolia, sees the world through the prism of cultural values of the «Russian world», transformed into personal meaning. Russian language is the main mediator of cultural identity, it opposes the assimilative processes, protects them from the uncertainty of its existence, structure the world and defines man's place in it. Preservation of the Russian language favors love for Russia, a lively interest to its history

Key words: *intercultural communication, cultural identity, cultural space, language personality*

В фокусе данной работы находится русская языковая личность в межкультурной коммуникации и структуры сознания, которые делают его для одних «своим», для других «чужим». В процессе межкультурного взаимодействия русской языковой личности в культурном пространстве Монголии происходит её самореализация и культурное самоопределение, а также проявление свойственных ей характеристик. Научное осмысление языковой личности в межкультурной коммуникации (Ю.Н. Караулов, В.И. Карасик, Л.П. Крысин, О.Б. Сиротинина и др.) позволяет рассматривать языковую личность как обобщённый образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций [3; С. 85]. Посредством общения с «другими» языковая личность, с одной стороны, приобретает собственную культурную идентичность, а с другой – идентифицируется в инокультурном окружении. Языковая личность формируется в определенном социокультурном пространстве, т.е. духовной, ментальной сфере, сообразно культурным традициям и ценностным установкам которой осуществляется социальная и коммуникативная деятельность людей, населяющих данную территорию. При характеристике русской языковой личности, постоянно проживающей в Монголии, нами рассматриваются следующие мировоззренческие параметры бытия образа мироустройства:

1) «образ себя» и «другого» как исходной данности;

2) глобальная модель русского мира;

3) жизненная стратегия.

В качестве источников привлекаются фрагменты речевого материала соотечественников Монголии, собранного в ходе социолингвистического обследования, проведённого автором во время совместной российско-монгольской экспедиции по Селенгинскому аймаку Монголии в сентябре 2011 г., организованной Монгольским национальным институтом (Улан-Батор) и Забайкальским государственным университетом (Чита). Оппозиция «свой/чужой», являясь одним из базовых противопоставлений, бытующих в духовной картине мира, «проводит грань между миром, воспринимаемым носителем языкового сознания как «свой», близкий, и миром, оцениваемым как «чужой». Различные этносы обладают в некоторой степени схожим знанием о жизни, но различными формами его хранения и передачи, что позволяет им осознавать друг друга как «чужих», «не таких». Оппозиция «свой/чужой», будучи одним из наиболее значимых компонентов человеческого сознания, является своеобразной языковой репрезентацией ментальных процессов, представляет собой особый способ познания мира человеком, регулирует поведение, организует знания человека, находящие отражение в языке. Обращение к смысловой оппозиции «свой/чужой» обнаруживает фрагмент языковой картины мира, проявляющийся в представленных ниже бытовых текстах.

I. «Образ себя» и «другого» как исходной данности:

Мы другие…

В Россию? Мне там тяжело/ Мы другие/Некоторые вернулись// У нас менталитет другой// Здесь лучше люди/Мы не грубы// Я вот к Татьяне на «Вы»//Я никогда не скажу «Ты»//У нас десять раз пройдут – десять раз поздороваются// У нас старые традиции/ ещё в начале века бабушками нашими заложенные//И так от поколения к поколению//Вот и я /дарга сказал – пришла// Только вот детям будущего нет// Молодёжь наша не то то у вас// девочки наши приспособлены/они и шьют и вяжут и приготовят // Сейчас стали бедно жить// Праздники и поминки делали дружно// У нас и обороты речи другие/ чем в России// Устаревшие//Нам тяжело там привыкнуть//

Обособленно жили всегда…

Какие были отношения с советскими специалистами? // Обособленно жили всегда…Это в последние годы все перемешалось// Мы с ними/ конечно/ работали, дружили// но всё-таки жили обособленно// Все говорили по-русски//Я в Алтанбулаке жила// а наши дети уже учились в советской школе//Играли русские с русскими// все праздники соблюдали русские //Не отказывались от советских праздников/Но жили все же обособленно//

Мы как бы не на своей Родине… Друг к другу жмемся, держимся кучкой

Из алтанбулакских много читинских// сестра моя под Читой родилась// Колбины мы// Правда у моей матери не наша фамилия говорят // Уж чего она боялась я не знаю// Специалисты презирали нас/говорили белогвардейцы/ семеновцы// раньше им нельзя было на местных жениться// Мол и оружие есть у нас/ и пулеметы/ и чо токо нет// Вот я тут родился/ а меня стоит сагач/эмигрант я // С дества внушали нам «Ты – гадат хун» (иностранец - авт.) // Поэтому старались кучечкой держаться//Мы как бы не на своей Родине// Друг к другу жмемся// держимся кучкой/обособленно//Бурдуковкие они тоже из казаков// Сейчас-то никакого внимания/Мы то успели вырасти//Детям вот никакого будущего//

Таким образом, мироощущение, понимание потомков русских старожилов можно представить следующим образом: «российское своё» противопоставлено «другому российскому». Однако, несмотря на то, что в данной ситуации адаптация как неизбежный результат жизни в чужой стране носит ненасильственный характер, для некоторых наших респондентов характерно чувство национальной ущемленности, стремление идеализировать все русское. Причины

противоречивого отношения к Родине коренятся в том, что отношение к Родине двойственно: Россия манит и пугает, с Россией связываются две возможные эмоциональные тональности: либо мажорная, когда Родина видится позитивно, либо как минорная, когда человек тоскует по ней. Такое состояние свидетельствует о состоянии депрессивности, когда человек испытывает внутренний дискомфорт, причины которого более глубоки. Сказанное даёт основание концептуализировать данное состояние как отсутствие места, где бы человеку было бы комфортно.

А в Россиш такое ощущение как за границей

Нас ведь в свое время «позабыли», не особо признавали //Сейчас и президентская программа/С Москвы помогают/В общем Россия помогает при лечении/ все такое//Слово «Родина» у меня, честно говоря, ни там и не тут // Внутренне особо Родины нет//Здесь все равно мне хоть и привычно, но как-то не так//А в России такое ощущение как за границей//Я могу запросто переехать в Россию и жить//Но все равно кажется будто не своё/Непривычное//

С другой стороны, черты внеязыковой действительности, а вместе с ним опыт межкультурной коммуникации также находят отражение в языковой картине мира. Человек начинает видеть мир под углом зрения, подсказанным языком доминирующего этноса, сживаясь с концептуализацией мира, характерной для монгольской культуры. Воспринимаемые при межкультурной коммуникации культурно обусловленные особенности окружения встраиваются в уже имеющуюся у коммуниканта картину мира по принципу «вариант – инвариант». Поэтому инокультурное содержание занимает двойственное положение (и как «чужое», и как «свое»), что отчетливо наблюдается в следующих текстах.

Однажды в Гоби…

Однажды в Гоби ехали/ мои ребята убили тарбагана/ Стали делать бодог//Запах по всей степи пошёл// Если лапы надуты// Стоит уйти// Хушуур Монголы называют это харь шуль/бухль мах// Яманэ бодог – это в шкуре//Хорхог – это то, что в посуде//На вертеле начинают крутить/ надувается// Скребут/очищают//если сок потечет/значит готово//Это камни дают энергию//Мы сделали два бодога/ничего не осталось//Вкусно/стоит попробовать//

Мы раньше не чувствовали, что живем за границей…

Мы раньше не чувствовали, что живем за границей/ Не чувствовали оторванности/ Я в детстве никогда не общалась с монгольскими детьми/ Детьми были общались с русскими детьми// Коренны-то монголы жили в худоне// Я же в Алтанбулаке родилась/ Говорили / что родители наши перебежали помогать делать революцию//Кака революция-то/ Сами разбегались//Жили в фанзушках//Жилкины/Шульгины/Колкины/ С монгольским населением не общались//Монголы сами по себе/русские сами по себе/Между собой общались на русском языке//праздники отмечали/ Из монгольских праздников Надам отмечали /это же летний праздник/ Вот скоро с 5-го по худонам начнется//

II. Модель русского мира

В речевых портретах представителей русского старожильческого населения обнаруживается «принадлежность русских «монгольского разлива» (Ю. Кручкин) к Русскому миру, национальная и культурная идентичность которых «выражается в сознании личной причастности к русской нации и русской культуре. Такая причастность означает, что человек считает себя русским и/или считает русский язык своим родным языком» (Ф. Казин). Как показывают представленные далее тексты, русская национальная самобытность в среде потомков русских старожилов Забайкалья, проживающих в Монголии, сохраняется в семьях вплоть до четвертого, пятого поколения. Специфика русского этнокультурного пространства русских старожилов Монголии вплетена в структуру языка.

Зунхара была очень больша деревня …

Зунхара была очень больша деревня// Вечерки были каждый день// Вплоть до 80-х годов вечерки были в Дархане// Все уехали/В основном все осели в Сибири//В

Турунтаево они // На скамейках бабки сидели // Спрашивали // Ты чья девка будешь? // Поди Марины Чупровой будешь // Поезда приходили в Зунхару на рассвете // К бабушкиному дому подходишь/идешь/ рассвет же//Дома все пробелены // Везде собаки лают// Бабушки начинают русские печи топить// Че-то жарить // Спали на русских печках/ Красота была//

В длинных ярких юбках на сборках// все в платочках// Семейски ходили в ярких юбках/поверх были фартуки//У бабки говор был культурный//Все говорили она культурна была// Когда их раскулачили// она оказалась около Кяхты//И вот они переходили туда-сюда//А когда границу закрыли//И в одно мгновенье она оказалась в Монголии//Сына она в Кяхте в церкве крестила//Огороды ухожены были// там и русское кладбище//Друг друга знали/ Жили одной семьей//Как будто одна больша семья//Названия улиц был русские/ Чапаева/Буденного/Ленина// Все ровненьки/чисты// Все скот держали/Коровы/куры//У всех были русские печки//в каждой семье//Дома добротны были/серу топили/хлеб пекли//такие караваи были/ необъятны//Свадьбы играли//невест выкупали/На санях подъезжали//Когда воински части уезжали/советский магазин закрыли/было очень много школ/все закрыли//

В крови все намешано. Ведь ни одна не тянет, а русская переборола…

В крови все намешано/Ни одна не тянет/ а русское перебороло//У китайцев же свои праздники были//Отмечали Пасху// дед говорил «Ну, чё, старуха, яйца крась!»/ Всем по куличу/Обязательно//По-китайски ничего не было//Вот что осталось от китайцев/Так мы не можем без приправ//Чусай – это ближе к черемше//Если кто берёт чусай/ то это метисы//

III. Жизненные стратегии, поддерживающие устойчивость сообщества, на разных этапах истории

Представленные тексты позволяют обнаружить систему взглядов, установок, убеждений, своего места в мире, а также ценностные ориентации русских старожилов Монголии, стратегии их поведения и деятельности.

Видимо, властны женщины были сибирячки…

В основном у русских бабок мужья китайцы были// Бабушка сроду запрещала нам, чтобы мы по-китайски говорили//И китайцы научились говорить по-русски// Где вот не запрещали китайцам жены по-русски говорить/ то в таких семьях говорили//Но мало осталось таких//Дядя Кеша Брилев чистейше говорил по-китайски// всю войну прошел//Мы буквально все говорили по-монгольски//С монгольскими детьми играли//

В Улан-Баторе/ В Модото было много русских деревень/В Чойбалсане/ У деда был пивзавод // Кто жили с русскими женами давали мужьям русские фамилии// Почему-то фамилии жен брали они//Дядя Коля Кривогорнищев/её тетка Василина звали// Для нас это было естественно// Видимо бабки были самовластны//Шторы всегда накрахмалены/говорили только по-русски// Видимо таки властны женщины были/сибирячки//И мужья-то /ведь они побаивались жен-то//Как-то они поставили себя // что было все по-русски//Все семьи-то были многодетны // У нашей бабушки Марины было семеро их//

Вся Зунхара за два года уехала…

Моя мама приехала в 20-е годы/ была верующа/ у меня икона сохранилась//Было село Доложино/Это недалеко от границы// семейская/ Моя тетя говорила щемейская/ Чисто семейских много было/ Село Хондон чисто семейское село// Муж Игнатьев Николай Васильевич из Читы/Его мама приехала// Потом стали все уезжать/ В Улан-Удэ/ на стройки/Саяно-Шушенскую ГЭС/ в Шелехове много местных// Двоюродные братья уехали где-то в 50-е годы/ И вот за десять каких-то лет всё изменилось// Зунхара кака больша деревня была// Вся Зунхара за два года уехала//К нам/ кто работал на железной дороге/ монголы относятся хорошо/ на праздники приглашают/подарки дают/

Как видим, в результате взаимодействия двух противоречивых тенденций жиз-

ненной стратегии русского старожильческого населения Монголии сформировался специфический образ жизни, ментальные особенности которого проявляются в системе установок, социальных и культурных представлений и концептов, а также моделей речевого поведения. Этническая идентичность противостоит ассимилятивным процессам, защищает русских старожилов от неопределенности его бытия, структурирует окружающий мир и определяет место человека в этой структуре.

Русская языковая личность, проживающая в культурном пространстве Монголии, воспринимает окружающий мир сквозь призму культурных значений «Русского мира», трансформированных в личностный смысл. Сохранению русского языка благоприятствует любовь к России, живой интерес к её истории, российским истокам своей семьи. Потеря отдельных функций языка, что неизбежно в сложившихся условиях, не привела к потере духовной самобытности и национальной культуры. Напротив, устойчивость диаспоры к ассимиляции, как еще одна ее непреложная отличительная черта, достигалась существованием некоего стержня, которым и послужил русский язык.

Литература

1. Вахтин Н.Б., Головко Е.В., Швайцер П. Русские старожилы в Сибири. М., 2004.

2. Земская Е.А. «Речевой портрет эмигрантки первой волны» // Русский язык сегодня. М.: Азбуковник, 2000. С. 100-121.

3. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М., 2002. 284 с.

4. Кручкин Ю.Н. Современная Монголия. Энциклопедический справочник. Улан-Батор: Хас Банк, 2011. С. 295. 1153 с.

5. Лебедева Н.М. Базовые ценности русских на рубеже XXI века // Психологический журнал, 2000. Т. 21. № 3. С. 73-87.

6. Михалев А.В. «Русский квартал» Улан-Батора: коллективная память и классификационные практики // Вестник Евразии. 2008. № 2 (40). С. 7-29.

7. Оглезнева А.Е. «Русский язык в восточном зарубежье» (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2009. 352 с.

8. Русский язык сегодня. М.: Азбуковник, 2000. 596 с.

9. Социолингвистика вчера и сегодня: сб. науч. трудов. М.: РАН ИНИОН 2008. 212 с.

10. Шмелёв А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.

11. Жамбалова С.Г. Воспоминая об эдеме: устная история жизни русских в Монголии // Россия-Монголия: история и современность. Улан-Батор, 2009. С. 34-38.

Коротко об авторе ***Briefly about the author***

Сундуева Д.Б., канд. филол. наук, доцент каф. «Теоретическая и прикладная лингвистика», Забайкальский государственный университет

D. Sundueva, Candidate of Philological Sciences, associate professor, Theoretical and applied linguistics department, Zabaikalsky State University

Научные интересы: региональная социолингвистика, лингвокультурология, теория и практика межкультурной коммуникации

Scientific interests: regional sociolinguistics, linguistic study of culture, theory and practice of intercultural communication

Философские науки

УДК 24: 271.2

Романова Нелли Петровна
Nelli Romanova

Жукова Алена Алексеевна
Alena Zhukova

БУДДИЙСКИЕ ИДЕИ В НАРОДНОЙ РЕЛИГИИ РУССКИХ ЗАБАЙКАЛЬЯ В XVII-XIX вв.

BUDDHIST IDEAS OF «POPULAR RELIGION» OF THE RUSSIAN OF ZABAIKALIE IN XVII-XIX CENTURIES

Статья посвящена попытке анализа процессов взаимодействия традиций тибетского буддизма и религиозности населения России. Представлено сравнение различных структурных уровней, буддизма и религиозности русского населения, на основании чего автор приходит к выводу, что слои, связанные с обычной религиозностью, имели практическое значение для выживания русских в Забайкалье. Сотрудничество буддизма и культуры русских говорит о высокой степени адаптации буддизма, а также о том, что причина распространения идей буддизма заключалась в том, что эта религия была адаптирована для культуры бурят, которая находилась в рамках патриархальной религиозности, природных культов и культов духов предков. Ламаизм стал одним из инструментов взаимодействия русских и бурят, предлагая не догматические и простые средства для решения проблем природной и социальной адаптации. В итоге к XIX в. религиозное пространство Забайкалья было сформировано как сложно организованная сфера, в которой существовали не только православие, но и архаические и традиционные культы, шаманизм, региональные варианты ламаизма и религиозности русскоязычного населения

Ключевые слова: *Тибетский буддизм, православие, Забайкалье, русские, буряты, взаимодействие, смешение, синкретизм*

The article is devoted to attempt of judgment processes interaction of Tibetan Buddhism tradition and religiousness of Russian population. In article various structural levels of the Buddhism and religiousness of Russian on the basis of what the author comes to a conclusion that the layers connected with ordinary religiousness and practical value for a survival cooperated first of all that says about high extent of adaptive function of the Buddhism, and also that the reason of distribution of ideas of the Buddhism which sermon wasn't resolved among Russian, appeared that this religion was adapted for the outlook the Buryat which was in a framework of patriarchal, natural cults and cults of ancestral spirits are allocated. The household, national Lamaism became one of instruments of interaction of Russian and drill, offering not dogmatic and simple means for solution of problems of natural and social adaptation. In the end, to the XIX century religious landscape of Zabaikalie was formed as a hard organized area in which there is not only the Orthodox, but the archaic and traditional worship, shamanism, the regional variations of Lamaism, and the religious Russian speaking population

Key words: *Tibetan Buddhism, Orthodoxy, Zabaikalie, Russian, Buryats, interaction, mixture, sinkretizm*

Появление буддизма в России, как известно, было связано с включением буддийских народов в состав Российского государства. С конца XVI в. Московское царство начало присоединение сибирских земель. В XVII в. пределы Российской державы достигли Тихого океана. Русские землепроходцы осваивали Забайкалье, где соприкоснулись с бурятским населением, среди которого как раз в это время шло распространение буддизма.

Буддийская религия среди местного населения Забайкалья распространялась раньше всего там, где она находила себе сильных покровителей в лице бурятских тайшей [31]. Первыми прозелитами буддийского учения стали селенгинские тайши, сайты. Среди активных распространителей его были монгольские племена, перекочевавшие в XVII в. в Забайкалье. Выходцы из Монголии непременным условием принятия российского подданства выдвигали уважительное отношение к их религии. Например, в 1689 г. пять монгольских тайшей и табунатские тайши заключили с послом Ф. А. Головиным договор о переходе в русское подданство. Российская сторона обязалась придерживаться свободы вероисповедания избегать принудительного крещения новых подданных [32].

Начиная со второй половины XVII в., когда на территории Забайкалья стало все более ощутимым влияние религиозной идеологии российской империи, монголоязычные племена региона в качестве религии приняли тибетский буддизм [17; С. 81]. На территории Забайкалья тибетское учение вобрало традиционные народные обряды, верования и ритуалы архаического происхождения, связанные с культом гор, почитанием духов и божеств земли, рек, водоемов, деревьев и других природных объектов [1, 5]. Усилия буддийской конфессии оказались направлены на достижение гармонии Учения Дхармы и традиций монголоязычного населения Забайкалья, в которой почитались духи, предки и приносились жертвы [8; С. 589]. Этот процесс был документирован кодификацией обрядников общего жертвоприношения буддийским и небуддийским региональным божествам [17; С. 175]. Изменения затрагивали формы проповеди учения, методы религиозной практика и обрядовую сторону религии.

С точки зрения буддийской конфессии, все верования и культы, связанные с популярным уровнем вероучения и религиозной практикой, оказывались подчинены высшей цели буддизма – достижению нирваны [11; С. 62]. Однако это ни в коем случае не означает, что под влиянием аборигенных культов сам буддизм не претерпевал никаких изменений. Мировоззренческие установки монголоязычного населения Забайкалья и буддизм оказывались открытыми для взаимодействия и не предполагали собственной вероисповедной исключительности. Это стало важным фактором в формировании такой смешанной конструкции, ставшей неотъемлемым элементом религиозного комплекса бурят, как «ламаизм». Бытовой ламаизм имеет свой круг религиозных представлений, обрядности, мифологию и пандемониум духов, на умилостивление которых направлены ритуальные действия [27; С. 66]. Как показывают исследования, бытовая обрядность ламаизма отчасти сформирована доламаистскими религиозными обычаями. Здесь нет реархаизации, но есть ассимиляция и различные степени освоения буддийской обрядности со стороны населения [17; С. 75].

В итоге сложного процесса социальной адаптации буддизм не только сумел вписаться в общество кочевников, но и во многом трансформировать важные аспекты регионального взгляда на мир [8; С. 397]. Он принес новую религиозную информацию, которую осваивало и адаптировало население региона; плодом культурного синтеза стало сложение особой духовной традиции. Однако и сам буддизм в процессе межкультурного обмена претерпел существенные изменения, сформировавшись, практически как новое особое вероисповедание [9; С. 6]. «Ламаизация» буддизма в Забайкалье поэтому – вполне закономерная тенденция.

Чтобы дать определение ламаизму, необходимо признать, что вероучение буд-

дизма не было целостным по содержанию и форме его пропаганды, а также по социальной функции его религиозных идеалов. Здесь выделяются такие региональные аспекты буддизма, как особенности его в Центральной и Байкальской Азии, наличие структурного разделения конфессии на церковный и бытовой уровни, стратификация религиозного знания по степени доступности для различных категорий – духовенства и мирян [12; С. 63]. Таким образом, «ламаизм» выступает как форма буддийского мифотворчества, выполняющая самостоятельную сакральную функцию. Функциональное значение ламаизма состоит в усилении адаптивных возможностей буддийской проповеди, что ярко проявилось на примере взаимодействия данной конфессии и религиозности русского населения.

Распространение влияния ламаизма среди забайкальских бурят совпало со временем, когда народы Байкальского региона подверглись колонизации и попали в сферу влияния российской цивилизации. В это время буддизм не имел права оказывать влияние на русское население, которое считалось носителем православия [3; С. 341]. Православие как идеологическая опора России на колонизуемых территориях должно было использоваться как орудие русификации аборигенов, при этом русификация понималась исключительно как обращение в Христову веру [15; С. 204]. Однако христианизация аборигенов региона оказалась более сложным и неоднозначным по последствиям процессом, чем ожидалось. Причиной этого стало то, что, несмотря на вхождение в состав России и последующее политическое, экономическое и культурное подчинение, значительная часть аборигенного населения была невосприимчива к сущностным идеям православия. Напротив, идеи буддизма, уже адаптированного и смешавшегося с культурой бурят Забайкалья, получили хождение среди русских. Процессы разворачивались следующим образом.

Как заметила Т.Г. Человенко, здесь столкнулось два принципа отношения к бытию как целостности, в одном случае – догматический, а в другом – мифологический [29; С. 300]. Так, согласно принципам православного богословия, Вселенная сотворена Богом из ничего, в отличие от смешанных ламаистских представлений бурят. Разделив мир на божественный и материальный, христианство поставило вопрос о существовании двух миров, связываемых отношениями между человеком и Богом [18; С. 10]. В отличие от христианства, этнические представления бурят-ламаистов о Вселенной более натуралистичны. Картина мира в их представлениях имела параметры и символы, многие из которых были универсальны на уровне мировой культуры и сводились к моделированию многоуровневой Вселенной. С типологической точки зрения смешанные религиозные взгляды этого населения можно свести к анимизму, так как в конечном счете они всегда предполагают наличие одушевленности окружающего мира. Наиболее устойчивым мифологическим мотивом данной структуры мира была сопричастность земного, человеческого бытия миру духовному, понимаемому как область бытия душ и духов предков [10; С. 79].

В сравниваемых структурах, на первый взгляд, обнаруживается объединяющий момент, заключающийся в подобии антропоцентрических представлений о мире. Однако само понятие о человеке противопоставляло эти мировоззрения. В отличие от одушевленного человека в ламаистской традиции бурят, христианство в центр мира поставило такого человека, в котором признавалось существование материальной и душевной природы, но при этом приоритет отдавался духовному началу, соединяющему Бога и человека. То есть, в центре православной картины мироздания находился единый Бог [18; С. 23], что окончательно определяло теоцентризм, утверждающий вторичность иных мировоззренческих принципов. Отсюда и принципиальное расхождение понимания каноническим православием и бурятами Забайкалья сущности отношений между человеком и божеством. Если в традиционном миропредставлении

бурят началом Вселенной и человека является принесенная некогда жертва и все последующие действия – это лишь повторение переживания этого события, то, согласно христианству, причиной исторического процесса является «первородный грех» и его следствие – унаследованная человечеством греховность. Христианство представляется как единственная богоданная религия, которая содержит в себе мистическую потенцию преодоления этих последствий [24; С. 215]. Она заключается в вере во второе пришествие Бога Сына Иисуса Христа, гибель старого мира и возникновение нового мистического божьего царства, свободного от проклятия «первородного греха» и смертности индивида.

В контексте предпринятого сравнения видно, что принятие православия для неофита означает такой переход в иную доктрину, который сопровождается уничтожением предшествующей картины мироздания. Таким образом, догматический уровень православия не предполагал возможности взаимодействия с этническими представлениями, и поэтому реализация идеи христианизации населения Забайкалья представляла сложную задачу. Причина заключалась в том, что если язычникам и ламаистам по силам было отказаться от одних богов в пользу других, то христианство предполагало полную переориентацию мировоззренческих установок. В массе бурят это было неприемлемо, что доказал опыт попыток распространения православия, предпринятый учрежденной в 1727 г. Иркутской епархией [7; С. 148]. Тем не менее, принятие отдельных идей христианства здесь все же состоялось. Среди причин было то, что они распространялись не через проповедь, а посредством межэтнических контактов [25; С. 55]. Точно также и отдельные буддийские идеи проникали в сознание русских.

Причиной этого было то, что народная вера русских, представлявших православие на территории региона, отличалась от православной догматики. Это объясняется тем, что православие не смогло уйти от логики обыденной жизни, с которой столкнулись проповедники во внецерковной среде еще в тот период, когда православие распространялось среди восточных славян. В обыденной религиозности обращенного в православие населения под внешним покровом христианства сохранялись элементы религиозных традиций охотничьих, земледельческих и скотоводческих общин с их стереотипами мышления и верованиями [21; С. 53]. Это преломляло христианский идеал в религиозности русских, сущность которой многие научные и богословские концепции определяют как языческо-христианское смешение [28, 16]. Исследователи отмечают, что дохристианские верования сохранились у русских до настоящего времени [2; С. 14]. «Суеверие на Руси, как известно, получило наибольшее свое развитие во времена господства язычества, – пишет Г.М. Осокин. – Тесно связанное с религией и верованиями язычника, им же оно поддерживается в тех местностях нашего отечества, где населению приходится жить рядом с иноверцем. Неудивительно, что и Забайкалье со своим русским населением по суеверию занимает одно из первых мест» [22; С. 102]. До сих пор в культовой практике русских присутствуют такие реликты религиозного поведения, которые воспринимаются ими как православные, но происходят из дохристианской древности [19; С. 56].

Определенная суеверность и мистицизм русских (вера в бесов, домовых и т.п.) способствовали тому, что некоторые архаические и традиционные элементы верований бурят, эвенков и тюрок становились неотъемлемой частью их мифорелигиозных представлений [26; С. 9]. Вместе с ними в религиозность русских проникали буддийские идеи. Русские «отдавали дань» бурханам, почитали «святые бурятские места», бережней относились к объектам природы, которые обожествляли аборигены [25; С. 87]. Этот слой культуры на бытовом уровне и контактировал с традиционной символикой этнических представлений о мироустройстве, что способствовало началу длительного мирного сосуществования русских, идентифицирующих себя как право-

славных и бурят, понимавших себя как буддистов. Как пишет О.В. Бураева, наряду с Христом, Николаем-Угодником и другими христианскими божествами в умах забайкальцев, как русских, так и бурят, проживали тэнгрии, хаты и духи. К христианским датам приурочивались производственно-религиозные обряды [6; С. 152]. В таком конфессиональном пространстве «народное христианство» и не боролось против «народного буддизма», оно не разрушало и не могло разрушить религиозного понимания картины мира бурят или эвенков.

В традициях религиозности различных народов обнаружились и другие объединяющие черты. Как и у аборигенов Забайкалья, у русских социуму отводилась роль активного участника в поддержании и сохранении миропорядка. Задачей было соблюдение единого ритма с космоприродными законами жизни-смерти, что реализовывалось в согласованности космосоциальных возрастных процессов [4, 8]. Живучесть этих представлений и их «консервирующая» роль в закреплении архаического принципа социальной организации, характерные для славянской традиции, способствовали развитию диалога культур Востока и Запада за Байкалом. Например, факты совместного почитания природных сил как божественных наблюдали уже в XVII в. И. Идес и А. Бранд, которые писали, что население Байкальского побережья: шаманисты, ламаисты и христиане почтительно поклонялись Байкалу и называли морем [13; С. 140]. В работах А.П. Щапова существуют описания того, как в Нерчинском округе русские обращались с просьбами к шаманам в случаях болезни или необходимости помощи. По замечанию исследователя, в это время формировалась обрядность, определяющая отношение русских к окружающей природе, согласно бурятским обычаям. Наблюдатели отмечали, что в культурном освоении пространства русские стали использовать символы, связанные с древними культами [20; С. 113]. Многие русские, проживавшие по соседству с бурятами, даже забывали многие старинные русские суеверия [7, 103].

Так, в процессе освоения русскими нового жизненного пространства происходила взаимная ассимиляция социально-этических и культурных стереотипов коренных народов и русских мигрантов [14; С. 115]. Это отразилось на верованиях и тех, и других. Так народно-христианские (т.е., представляющие собой сплав православного канона с дохристианскими традициями) воззрения становились составными элементами в формировании новых локальных культур, среди которых на территории Байкальского региона выделяются такие, как культуры казаков, старожилов и семейских, сформировавшихся в результате процессов этноконфессионального смешения в течение XVII-XIX вв. В.И. Затеев и Н.В. Лабутина описывают процессы, когда в результате процессов активных заимствований у бурят и тунгусов [25; С. 161] происходит фактическое укоренение казаков на забайкальской земле, приводящее к появлению новой этнической группы. Ее отличие заключалось в формировании смешанного антропологического типа, материальной культуры, сохранения родственных связей и двуязычия, объединявших казаков и аборигенное население [16, 78]. Необходимо отметить, что для Забайкалья это явление не было единственным по причине, которая была отмечена В.И. Затеевым [25; С. 475], доказавшим, что русские люди, осваивая новые земли, селясь по соседству с другими народами, осознавали, что жизненно важно ценить и понимать чужое, но в то же время не утратить свою духовную культуру.

Аналогичные процессы взаимодействия с аборигенными культурами шли в среде крестьян-старожилов. Результатом их стало появление смешанных групп – карымов и гуранов, которые идентифицировали себя как православных. Однако, как отметил А.П. Щапов, для этих групп православный образ жизни оказался не до конца приемлемым. Православие, имевшее главной опорой русский язык, среди них носило поверхностный, упрощенный характер [30; С. 370]. Смешанное население было носителем элементов христианской,

дохристианской и отчасти буддийской религиозности и придерживалось обычаев бурят или эвенков. На этом фоне дольше других сохраняли специфические особенности своей группы старообрядцы, или семейские Забайкалья. Основой поддержания обособленного существования была религиозность староверов [5, 7]. Семьи семейских долго сохраняли черты домостроя и патриархальности. Тем не менее, постепенно в общинные и религиозные устои семейских вторглись новые веяния. Необходимые для выживания в суровых условиях региона хозяйственные связи привели к сближению с местным населением, а иногда и смешанным бракам [23; С. 38]. Вторжение единоверия и работа православных миссионеров ослабила старообрядческие толки [25; С. 142]. Под влиянием социально-экономических факторов произошло ослабление замкнутости старообрядческого общества и последующее включение «семейских» в социально-экономическую и религиозную сферу региона.

Итак, на основании изложенного можно выделить следующие особенности процесса взаимодействия религиозности русского населения и буддийской религиозности аборигенного населения в Забайкалье в течение XVII-XIX вв. На официальном уровне жизнедеятельность человека контролировалась православием, которое выступало в роли государственной идеологии. Вместе с этим, в обыденной религиозной жизни региона сохранялись территориальные и этнические локусы, в которых приоритетными оказывались идеи и символы ламаистской конфессии либо этнических традиций. Причиной распространения идей буддизма, проповедь которого не была разрешена среди русских, оказалось то, что данная религия была адаптирована к мировоззрению бурят, находившемуся в рамках патриархальных, природных культов и культов духов предков. Бытовой, народный ламаизм стал одним из инструментов взаимодействия русских и бурят, предлагая недогматические и простые средства для разрешения проблем природной и социальной адаптации.

Процессы взаимодействия между различными этноконфессиональными группами бурят, русских, эвенков показали, что в большинстве они не способствуют массовому обращению бурят и эвенков в православие, а русских – в буддизм и шаманизм. В то же время, это взаимодействие создавало условия, при которых возникала возможность частичного приобщения к иным религиозным традициям. Это обеспечивало длительное и мирное сосуществование представителей различных типов религиозности.

Литература

1. Абаева Л.Л. Культ гор и буддизм в Бурятии. М., 1992. 139 с.

2. Башаров И.П. Представления о духах-хозяевах местности у русского промыслового населения Восточного Прибайкалья // Народы и культуры Сибири. Взаимодействие как фактор формирования и модернизации. Иркутск, 2003. С. 14-16.

3. Бердяев Н.А. Проблема человека: К построению христианской антропологии // Самопознание. Л., 1991. С. 341-366.

4. Бернштам Т.А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: Учение о опыт Церкви в народном христианстве. СПб., 2000. 400 с.

5. Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII-XX вв. Новосибирск, 1994. 148 с.

6. Бураева О.В. Этнокультурное взаимодействие народов Байкальского региона в XVII-начале XX в. Улан-Удэ, 2005. 212 с.

7. Бураева О.В. Вопросы русско-бурятского этнокультурного взаимодействия в трудах А.П. Щапова // Мир Центральной Азии. Улан-Удэ, 2002. Т. I. С. 103-106.

8. Буряты / отв. ред. Л.Л. Абаева, Н.Л. Жуковская. М., 2004. 633 с.

9. Герасимова К.М. Вопросы методологии исследования культуры Центральной Азии. Улан-Удэ, 2006. 341 с.

10. Гомбоева М.И. Образ мироустройства хори-бурят. Чита, 2002. 189 с.

11. Жуковская Н.Л. Ламаизм и ранние формы религии. М., 1977. 200 с.

12. Жуковская Н.Л. Буддийская традиционная сангха России // Московский регион: этноконфессиональная ситуация. М., 2000. С. 63-66.

13. Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692-1995). М., 1697. С. 131-142.

14. История и культура эвенов. Историко-этнографические очерки. СПб., 1997. 183 с.

15. Константинова Н.Н., Болонев Ф.Ф. Народы Забайкалья в XVII-XX вв. // Энциклопедия Забайкалья. Новосибирск, 2000. С. 204-206.

16. Лабутина Н.В. Устная несказочная проза русских казаков Забайкалья (конец XX - начало XXI веков). Улан-Удэ, 2007. 259 с.

17. Ламаизм в Бурятии XVIII-начала XX в. Структура и социальная роль культовой системы / Галданова Г.Р. [и др.]. Новосибирск, 1983. 236 с.

18. Лосский В.Н. Очерки мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1994. 288 с.

19. Любимова Г.В. Град и засуха в народном календаре забайкальских старообрядцев // История, культура и язык старообрядцев Забайкалья. Тезисы региональной научно-практической конференции. Улан-Удэ, 2000 С. 56-57.

20. Любимова Г.В., Голубкова О.В. Почитание крестов и культ гор в религиозно-обрядовой практике забайкальских старообрядцев // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2000. С. 113-115.

21. Обухов А. Психология личности в условиях традиционной преемственности деревни Русского Север // Развитие личности, 2001. № 2. С. 53-54.

22. Осокин Г.М. На границе Монголии. Очерки и материалы по этнографии Юго-Западного Забайкалья. СПб., 1906. 304 с.

23. Петрова Е.В. Социокультурная адаптация семейских Забайкалья. Улан-Удэ, 1999. 129 с.

24. Преп. Максим Исповедник. Главы о богословии и о домостроительстве воплощения Сына Божия // Творения преп. Максима Исповедника / Перевод, вступ. и ком. А.И. Сидорова. М., 1993. Кн. 1. С. 215-217.

25. Русские в Бурятии: история и современность / под ред. В.И. Затеев. Улан-Удэ, 2002. 578 с.

26. Синелина Ю.Ю. Изменение религиозности населения России: православные и мусульмане: суеверное поведение россиян. М., 2006. 112 с.

27. Скрынникова Т.Д. Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия. XVI – начало XX века. Новосибирск, 1988. 104 с.

28. Толстой Н.И. Славянские верования. Славянская мифология. М., 1995. С. 16-18.

29. Человенко Т.Г. Миф и логос: к вопросу о сравнительном анализе гносеологических позиций // Смыслы мифа: мифология в истории и культуре. СПб., 2001. Вып. № 8. С. 300.

30. Щапов А.П. Этнографическая организация русского народонаселения // Соч. А.П. Щапова. СПб., 1906. Т. 2. С. 365-397.

31. Абаев Н.В. Буддизм и христианство в геополитическом пространстве России-Евразии. М., 2003.

32. Жуковская Н.Л. Буддизм в истории монголов и бурят: политический и культурный аспекты. М.: Буддийский мир, 1994.

Коротко об авторах — *Briefly about the authors*

Романова Н.П., д-р социол. наук, профессор, Забайкальский государственный университет
rik-romanova-chita@mail.ru

Научные интересы: философия религии, философия одиночества, гендерные исследования, деловая комуникация

N. Romanova, Doctor of Sociological Sciences, professor, Zabaikalsky State University
rik-romanova-chita@mail.ru

Scientific interests: philosophy of religion, philosophy of solitude, gender studies and business radio communication

Жукова А.А., аспирант, каф. «Философия, теория и истории культуры», гл. научный сотрудник научно-образовательного музейного центра Забайкальского государственного университета (ЗабГУ)
kazarbina_a@mail.ru

Научные интересы: этнография, религиоведение, музееведение, археология

A. Zhukova, post graduate student, Philosophy, theory and cultural history department, Zabaikalsky State University

Scientific interests: anthropology, religious studies, museology, archeology

УДК 130.2

Фомина Марина Николаевна
Marina Fomina

Букин Андрей Григорьевич
Andrey Bukin

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ КУЛЬТУРЫ: МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

SPATIAL DIMENSIONS OF CULTURE: METHODOLOGY FOR REVIEWING

Авторы рассуждают о моделях осознания бытия в рамках понятий «культурное пространство» и «пространства культур». Рассматриваются способы трактовки самого понятия «пространство» как одного из основных измерений человеческого бытия, как в плане физического существования человека, его социального бытия. Делается вывод о том, что пространственность – критерий, необходимый для существования фактов культуры

Ключевые слова: *культурное пространство, пространство культуры, философия культуры, пространственные характеристики культуры, восприятие культуры*

This paper examines models of awareness of being in the concept of cultural space and spaces of cultures. It's reviewed methods of inquiry of the concept of «space» as one of the key dimensions of human existence, both in terms of the physical existence of man and his social life. It is concluded that in perception of culture, spatial criteria is necessary

Key words: *cultural space, space of culture, philosophy of culture, spatial cultural dimensions, perception of culture*

Философский взгляд на формирование современной культуры ставит перед учеными вопрос о новых моделях осознания бытия на основе гармонично взаимосвязанных отношений в системах «природа-человек», «природа-культура», «человек-культура-общество». Отношения человек-культура и культура-человек в совокупности – это собственно эйдетическое пространство культуры, формирующее представление о месте человека в культуре. При этом человек не только находится в пространстве культуры – он одновременно формирует культурное пространство, сочетающее многообразие пространств культур, так как множественность культур порождает множественность пространств культур. Поэтому контакт с иной культурой порождает пересечение с её пространством. Идея пересекающихся пространств культур неотступно ведёт к мысли о необходимости диалога культур.

В начале XX в. О. Шпенглер утверждал, что культуры представляют собой «замкнутые, несоизмеримые миры» [1; С. 56], существуя в собственном пространстве, которое может быть «подавлено» доминирующими культурами. Так, еще походы Александра Македонского сформировали новый тип культур, которые испытали влияние эллинизма, что послужило в последующем становлению новой цивилизации, определившей развитие европейского общества. Школы Платона, Аристотеля и т.п., последовавшие за этим процессом, закрепили становление культурного пространства в Европе. Каждый пространственный элемент был выражением духовного апогея

человеческого сообщества, любое произведение существовало как бы в двух измерениях. В одном – как произведение конкретного пространства культуры (культуры Греции, Рима), а в другом – как рефлексия культурного пространства (европейская культура античности). В средние века христианство стало европейским культурообразующим элементом: перейдя от национального явления (пространство культуры), к образующему началу культурного западноевропейского пространства, перейдя от локального к глобальному фактору в мировой цивилизации. Христианство стало экстраполярно ко всему человечеству. И благодаря единому географическому расположению пространств культур Европы, их политической и экономической близости, культурное пространство Западной Европы как системо-, ценностностнообразующий фактор становится доминирующим в мировом процессе.

Следовательно, понятие «культурное пространство Западной Европы», трансформируясь в «европейское культурное пространство», фиксирует в себе экстра- и интраполярные факторы. Европейская культура, обращаясь к древним культурам, обретает в них значительную часть своей мощи: идеи, рожденные в китайской и др. цивилизациях, нашли в ней свое воплощение.

Таким образом, можно отметить важнейшую черту культурного пространства – неоднородность составляющих его пространств культур. В этом смысле, имея в виду «мысль о мысли» М. Мамардашвили, можно утверждать, что мыслимое культурное пространство плюралистично. При этом следует учитывать, что формирование культурного пространства сопровождается интеграцией в него отражений культурных фактов, порождённых в обособленном локальном пространстве культуры; существованием факта пространства культуры как национального, этнического, государственного, корпоративного и т. д. проявления; экстраполяцией в культурном пространстве пассионарной культуры над пространствами культур; наличием диалога пространств культур, их объединения или пересечения в культурном пространстве; плюралистичностью культурного пространства. Это позволяет говорить о культурном (пространство культуры) и поликультурном (культурное пространство) явлении в измерении культуры.

В рамках природы культура конструирует общее человеческое пространство. В то же время она сама конструируется и обретает свою определенность. Это представление может быть отнесено к аксиоматическому типу. Но ... имеет ли свои пространственно-временные границы существование «пространства культуры», что даёт основание говорить о «факте» как о пространстве культуры, можно ли соотнести мыслимое К. Ясперсом «осевое время» с понятием «пространство культуры» или с понятием «культурное пространство»?

В научной литературе многие годы используются такие понятия, как «пространство европейской культуры», «пространство японской культуры», реже понятие «пространство культуры Востока», еще реже – «пространство российской культуры». Мы остановимся на анализе понятия «пространство европейской культуры» только по той причине, что оно наиболее часто встречается не только в научном, но и в массовом информационном потоке. Информация о нём идёт как о явлении, доступном для понимания, и в рамках которого существует общепринятая терминология. Но европейской культуры, как таковой, нет. Это понятие (европейская культура) используется в том случае, когда возникает необходимость вычленить культуру Европы как целое образование, противопоставить её, например, культуре Востока, России, Америки, то есть, определить её природу и сущность в некоторых пространственных границах. Меняя масштаб рассматриваемых понятий, мы можем перейти к не менее иллюзорным английской, французской, немецкой и т.д. культурам, которые, представляя совокупность культур отдельных местностей Европы, тем не менее, воплощают в себе европейскую культуру в целом, а в частности – национальный дух, ментальность, ха-

рактеристику времени. Поэтому творчество Гомера или Данте, Декарта и Гёте – это не только реалии конкурентно взятой культуры, а рефлексия европейского культурного пространства. Поэтому при реконструкции пространственных категорий культуры следует учитывать доминирующие факторы, которые обеспечивают целенаправленный характер пространственного образования: при отсутствии равнозначности культур стран Европы мы отмечаем *близость тематических направлений*. Они образуют структуры экономического, политического и др. порядка для обеспечения метакультурной интеграции в культурном пространстве; *тесные культурные связи*; *явления культурной жизни*.

Восприятие и значимость отдельных явлений культур в различных странах Европы (мы будем говорить о временно-пространственной характеристике) также неравнозначно. Об этом говорит творчество Гёте, Моцарта, Маркса и т.д., поэтому понятие «пространство европейской культуры» фиксирует в себе бытие некоего общего инвариантного слоя, в данном случае – ментальности. Им может стать временно-пространственная фиксация культуры и наличие доминирующих тенденций конкретного вида культуры в европейском масштабе.

Европейская культура приняла на себя роль миссионера. Под её специфическим влиянием национальные культуры получали импульс, благодаря которому одни исчезали, другие становились культурами с мировым значением. Тем самым, пространство европейской культуры сформировало культурное пространство Европы и дало мощный толчок для развития культур Нового Света. Поэтому, когда мы говорим – западная культура, мыслим пространство европейской и американской культур. Можем ли употреблять понятие «культурное пространство Запада»? Скорее всего, нет, поскольку в данном случае будет нарушена целостность культуры как одно из доминирующих требований культурного пространства.

Если рассматривать пространство с позиций целепологания, тогда возникает необходимость заявить и о целеориентирующем пространстве, которое уже отличается качественными характеристиками, социальной определенностью и речь уже будет идти об историческом, социальном, культурном, коммуникативном пространстве.

Для нас представляет интерес обращение к трактовке самого понятия «пространство», дающего возможность определить смысл понятий «пространство культуры» и «культурное пространство», так как оно (пространство) представляет одну из характеристик социального, физического, духовного бытия человека. Неслучайно по этому поводу О. Шпенглер заметил, что «все законы суть количественные зависимости, или, как выразился бы физик, все физические явления протекают в пространстве. Античный физик, применительно к античному, отрицающему пространство мира чувствованию, не изменяя сути дела, исправил бы это выражение в той форме, что все явления „протекают в телах"» [1; С. 157]. Однако на уровне культурного пространства каждое тело позиционирует себя как социальное начало, обладающее индивидуальными чертами – качествами личности, которые и раскрываются в пространствах культур, в которых проявляется бытие человека.

Более сложная ситуация складывается с информационным пространством. Как выразился Н. Винер – «Информация есть информация, а не материя и не энергия»[2; С. 166]. Тем не менее, в сформированном информацией пространстве мы различаем синтаксический, семантический и прагматический слои информационного пространства. Они обладают отличной друг от друга структурной и качественной нагрузкой, отражая аспекты существования и функционирования информации. Так, синтаксический уровень отражает лишь статистические отношения между сигналами (информационными единицами), которые могут быть рассчитаны количественно по формулам Винера-Шеннона [3]. Семантический уровень включает множественные связи между символами и универсумом объектов реального и идеального миров, и

наоборот. При этом на данном уровне далеко не всегда возможно индивиду полностью осознать смысл некоторого информационного послания, что зависит от несовпадения объективного (данность поля) и субъективного (личный опыт) восприятия. Поэтому прагматический уровень информационного пространства и может сопоставить личностные различия в понимании информации.

Географическое пространство несет в себе природную, социальную, экономическую, территориальную значимость. Различные процессы, явления отражаются здесь через систему образов, осознаваемых и выступающих в качестве условных заместителей объектов или явлений.

Как видим, социальная, информационная и географическая составляющие пространств рефлексируют качественные характеристики природы пространственности: информационное пространство свидетельствует о существовании и отражении в сознании того или иного факта; географическое – фиксирует его место; социальное – кто и во имя чего этот факт реализовывает. Это говорит о том, что категория «пространство», обретая метафорическую значимость, способна обеспечить переход из реального пространства, закономерности которого были описаны в древности в Эвклидовых «Началах», к иным слоям бытия, проявляя и проясняя их. Причём слои культуры (языковая общность, система социальных и родственных отношений и т.д.) не являются здесь исключением.

Пространственная составляющая культуры позволяет осмыслить несколько различных концептов, делящих явления культуры, обладающих пространственностью, в бинарном отношении. Среди них: а) физическое объективно-реальное пространство и культурное пространство; б) обобщенно-философское восприятие пространства с точки зрения мировоззренческого, ритуального, сакрализованного представления и конкретно историко-социологические пространственные структуры, представленные по результатам археологических, этнографических и других источников; в) пространственные ареалы существования культуры и пространство культуры.

В настоящее время под влиянием глобализационных процессов положение с восприятием культуры несколько изменилось – она осмысливается через категорию пространства, которая важна для традиционных культур, так как ориентирована на «вечное возвращение» первообразов. Это обусловлено тем, что этнические культуры сохраняют целостность восприятия пространственно-временного континуума – время представлено как покоящаяся длительность. Значимо восприятие культуры в её пространственном воплощении и для современных культур, производящих массу информационного продукта, нуждающегося в позиционировании и индексировании с целью найти своего потребителя среди аналогичных конкурирующих продуктов. Кроме того, пространственное расположение культурных артефактов с учётом особенностей культуры обеспечивает более высокий уровень их восприятия человеком. Ещё один пример пространственной ориентированности культуры – предмет социальной экологии и особенно её раздела «городская экология», которая анализирует, по словам В.А. Тишкова, «распределение и взаимодействие в пространстве человеческих популяций и групп населения, включая этнические общности и общины» [4; С. 279].

Особое отношение к пространству сложилось в этнографии. Полевая работа, по преимуществу, «пространственная» дисциплина. Здесь самые разновременные явления – материальная культура, технология производства, предание и его реактуализация – даны нам в единый момент времени, запечатлеваясь на его срезе. Тем самым они приобретают пространственную форму. Антропологичность пространства – одна из важных проблем гуманитарного знания. Объёмность, протяжённость, ареальность – главные критерии пространственности некоторого рассматриваемого объекта. На всех этапах осмысления данного проблемного поля становится важной задача определения рамок и границ объекта исследования: сужение этих границ может

привести к утрате некоторых значимых компонентов; расширение – к размыванию основных дефиниций проблемы. Поэтому правильное понимание пространственных категорий является одним из важнейших критериев объективной оценки культурного пространства.

В социальной антропологии к проблеме пространственных категорий в культуре одним из первых обратился французский учёный А. Леруа-Гуран, который рассматривает пространственные характеристики элементов материальной культуры, такие, «как, скажем, значимость их протяжённости или объёмности, а также к вопросам различий восприятия пространства в разных культурах, при разных способах жизнеобеспечения» [4; С. 279]. Он отмечает, что в отличие от земледельца, например, «для раннего охотника и собирателя мир линеен, значение имеет не поверхность земли», а маршрут перекочёвки – пространство вдоль речной долины, тропы, берега водоёма. Кроме того, пространство моделируется по архетипному принципу большего пространства в малом, неся отпечатки представлений о реальном мире, при этом «мир охотника» будет отличаться от пространства «мира землепашца».

Исследовательские действия должны привести к установлению общих рамок рассматриваемого вопроса в пределах культуры. Особое внимание должно оказываться тем сферам человеческой жизни, к которым невозможно применить методы вопросов и ответов. Такие сферы необходимо наблюдать в полной реальности повседневной жизни со всеми её оттенками [5; С. 40-41]. Любой антрополог знает, что время фиксации материала должно быть отмечено вместе с его «пространственной составляющей», в виде пространственного (ландшафтного) распределения культурного явления. «В социальной антропологии систематическая запись социального поведения отдельных лиц и социальных контактов между ними напрямую связана с наблюдениями физического расположения в пространстве» [6; 104].

В современной западной (англо-американской) археологии время рассматривается как «spatial commodified time», т.е. «совмещенное с пространством» [7]. Диахронное исследование пространственных объединений не только облегчает изучение пространственного распределения археологических явлений на их конкретных временных срезах, но и способствует более глубокой содержательно-сущностной интерпретации феноменов. Сбор и анализ подобной информации подчиняются в таком случае и пространственным аспектам человеческой культуры. Здесь археологические артефакты не просто находятся в пространстве – они его воссоздают. Концепция археологического пространства помогает понять природу философской концепции пространства в культуре.

Понятие «пространство» через экзистенциональную интерпретацию встречается и в Библии в понимании «пустота». Во многих религиозных картинах мира происходит аналогичное. Понятие «пустота» характерно для холистских культур Центральной Азии, что мы встречаем, например, в общебурятском эпосе Гэсэр [8, 15, 20].

Однако нормы-ценности, созданные в разных культурных пространствах, отражены в своих знаковых системах, поэтому пространства культур общаются на разных «языках». Каждая культура в рамках своего пространства оформляет системы знаков, которые являются её субъективными носителями. Они, по словам Гиртца, «не таинственные, ненаблюдаемые образования, находящиеся вне человеческих голов, а скорее ткань каждодневной коммуникации. Хотя антрополог не может знать, как сформировался иной опыт мироздания, он может наблюдать как выражают себя другие люди, как они проявляют посредством коммуникации свой опыт. Даже символы, связные с тем, что принято называть «наиболее внутренними», «глубинными» мотивами, в конечном счете, проявляют себя в общественной жизни» [9; С. 264]. Это дает нам основание отметить, что логико-культурологический методологический подход дает возможность осмыслить понятия «культурное пространство» и «пространство

культуры» через рефлексивность культуры. Сказанное позволяет заключить, что критерий «пространственность» раскрывает суть существования фактов культуры; моделирование пространств культуры обосновывает бытие общего в частном; культурное пространство включает в себя пространства культуры; пространство культуры предполагает анализ пространственной организации его элементов, а исследование культурного пространства — анализ пространств культуры как элементов.

Литература

1. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. В 2 т. Т. 1. Образ и действительность / Пер. с нем. И.И. Маханькова. М.: АЙРИС-пресс, 2004.

2. Винер Н. Кибернетика. М.: Наука, 1968.

3. «A Mathematical Theory of Communication», Bell System Technical Journal, Vol. 27 (July and October 1948), P. 379-423 and 623-656. Reprinted in D. Slepian, editor, Key Papers in the Development of Information Theory, IEEE Press, NY, 1974. Included in Part A.

4. Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.

5. У Малиновского это названо «импондерабилиями реальной жизни». Malinowski B. The Sexual Life of Savages in Northwestern Melanesia / B. Malinowski; L., 1939. P. 40-41.

6. Pelto J.P. Anthropological Research. The structure of inquiry / Pelto P. J., Pelto G H.; Cambridge University Press. 2-nd edition, L., 1999. P 104.

7. Shanks M., Tilley Ch., Re-constructing in archaeology: Theory and practice / M. Shanks, Ch. Tilley;. 2-nd edition. London; New-York, 1994. P. 10-11, 138.

8. Гэсэр: бурятский героический эпос / Пер. с бур. Вл. Солодухина; В 2-х т. Т. 1. М., Современник, 1988.

9. Цит. по: Ewing C. P. Is Psychoanalysis relevant for Anthropology / Catherine P. Ewing // New Direction in Psychological Anthropology / Theodore Schwartz, Geoffrey M. White, and Catherine A. Lutz. Cambridge Univ. Pr., 1992. P.264.

Коротко об авторах ***Briefly about the authors***

Фомина М.Н., д-р филос. наук, профессор каф. «Философия, теория и история культуры», Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
marf_05@mail.ru

Научные интересы: философия, философия культуры

M. Fomina, the professor, the Doctor of Philosophy, the pro-rector, the professor of chair «Philosophies, theories and cultural histories», Zabaikalsky State University

Scientific interests: Philosophy, culture philosophy

Букин А.Г., канд. филос. наук, доцент каф. «Социальная антропология, религиоведение и философия», Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
BukinAG@chitgu.ru

Научные интересы: культурология, философия культуры, геральдика

A. Bukin, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Social Anthropology, Religious Studies and Philosophy, Chita State University

Scientific interests: cultural studies, philosophy of culture, heraldry

Экономические науки

УДК 336.714

Кох Юрий Валентинович
Yuriy Kokh

Кривоногих Анна Александровна
Anna Krivonogikh

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РИСК-МЕНЕДЖМЕНТА НА ФОНДОВОМ РЫНКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

PROBLEMS AND DEVELOPMENT PROSPECTS OF RISK-MANAGEMENT IN STOCK MARKET OF THE RUSSIAN FEDERATION

Рассмотрены основные тенденции фондового рынка Российской Федерации, проанализирована динамика численности профессиональных участников, выделены наиболее глобальные изменения в структуре сделок, установлена зависимость фондового рынка РФ от нефтяного сектора, приведены основные показатели деятельности группы ММВБ, определены актуальные проблемы внедрения систем риск-менеджмента в деятельность инвестиционных компаний, приводится их краткая характеристика, перечислены направления реформирования законодательства в области риск-менеджмента пенсионных фондов

Ключевые слова: *фондовый рынок, тенденции, инвестиционные компании, проблемы, риск-менеджмент*

The article describes the main trends of the stock market of the Russian Federation, studies the dynamics of the number of professional participants, the most marked changes in the global structure of transactions, dependence of the Russian stock market on oil sector. The main indicators of the MICEX Group are given. The current problems of implementation of the risk management activities investment companies are identified and their brief description, a list of ongoing law reform in the field of risk management of pension funds are presented

Key words: *stock market, tendencies, investment companies, problems, risk management*

Актуальность финансового риск-менеджмента в современном мире существенно возросла в силу большого числа банкротств и финансовых катаклизмов, а также растущей социальной ответственности фондового рынка в результате пенсионных реформ. Грамотная оценка риска признана основополагающей силой стабильного развития.

В последние несколько лет на фоне неблагоприятного состояния экономики и, как следствие, высоких рисков активно реформировалась нормативно-правовая база финансового рынка РФ, что в совокупности привело к сокращению количества профессиональных участников (табл. 1).

Независимо от того, что количество компаний на фондовом рынке уменьшилось, интерес к нему продолжает расти. Количество частных инвесторов растёт разными темпами и достигло 714 тыс. чел. в 2010 г. Количество инвестиционных фондов, по данным ФСФР, на 2012 г. превысило 3500 [5, 6, 9].

Таблица 1

Динамика профессиональных участников фондового рынка

Профессиональный участник	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Брокеры	1475	1335	1235	1038
Дилеры	1470	1337	1220	1043
Управляющие	1286	1193	1123	930
Депозитарии	789	761	719	672
Держатели реестра	59	50	46	40
Клиринговые организации	13	12	11	11
Биржи	5	5	4	4
Организаторы торгов	4	3	3	3

Составлено авторами по данным [5, 9, 10]

Количество эмитентов (акций и облигаций) находится на постоянном уровне в 14 % от общего числа ОАО, на организованных рынках – не более 1,5 %, что представляет собой огромный потенциал развития рынка.

Количество эмитентов, ценные бумаги которых допущены к обращению на фондовых биржах, сокращается с 2008 г. со средним темпом 4...5 % в год. В сравнении с 2007 г., когда число эмитентов достигло максимума, по итогам 2010 г. сокращение составило уже 13...15 %. Такая динамика усложняет возможности диверсификации активов.

Элита рынка ценных бумаг РФ представлена в основном сырьевыми компаниями (табл. 2) [5, 10].

Таблица 2

«Голубые фишки» на рынках ценных бумаг развитых стран

Великобритания	Германия	Италия	США	Япония	Россия
HSBC Holding	Siemens	Eni SpA	Exxon Mobil	Fast Retailing	Газпром
Банковские услуги	Электрон, электротех	Нефтегаз. Промышл.	Нефть, газ,	Одежда, розничная торговля	Нефтегаз. промышленность
BP PLC	E.ON AG	UniCredit SpA	Microsoft Corp	Fanuc Ltd.	Роснефть
Нефть	Электроэнергетика	Банковские услуги	Разработка ПО	Робототехни-ка	Нефть и переработка
Vodafone Group	Bayer AG	Enel SpA	Apple In	Kyocera Corp	Лукойл
Мобильная связь	Химия, фармацевтика	Электроэнергетика	Компьютеры, техника, ПО	Электрооборудование	Нефть

В связи с концентрацией отечественной экономики на нефтегазовой отрасли российский фондовый рынок значительно зависит от мировых цен на нефть. На рис. 1 представлена динамика котировок цен на нефть марки Brent за 2008-2011 гг. [7].

На рис. 2 представлена динамика индекса ММВБ за тот же период: за 2008-2011 гг. [5].

Графики показывают, что рост российского индекса ММВБ повторяет динамику рынка нефти. Поскольку цены на нефть продолжают расти, российские индексы также реагируют положительно. Такая привязка к сырьевому рынку негативно сказывается на других отраслях российской экономики. Поскольку иностранные инвесторы стремятся вкладывать только в нефтегазовую отрасль, стратегически важные социально-экономические направления остаются без внешнего финансирования.

Однако, несмотря на сильную зависимость российского фондового рынка, ежегодные темпы его роста превышают темпы роста ВВП.

Рис. 1. Динамика стоимости нефти Brent

Рис. 2. Динамика индекса ММВБ

За последние 5 лет объем торгов на рынке ММВБ вырос более чем на 300 %, из которых наибольший рост показал рынок государственных ценных бумаг и денежный рынок (табл. 3) [5, 6, 7].

Таблица 3

Основные показатели деятельности Группы ММВБ за 2006-2010 гг.

Показатели	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Рынки группы ММВБ, трлн руб.					
Объём торгов на всех рынках	52	106,9	149,8	175,9	175,7
Валютный рынок	25,9	38	67,7	96	79,5
Рынок государственных ценных бумаг и денежный рынок	4,9	23,2	30,4	38,6	30,6
Фондовый рынок	20,4	43,5	48,4	40,7	64
Срочный рынок	0,9	2,2	3,4	0,7	1,6
Показатель деятельности НРД					
Количество депонентов	738	817	908	892	915
Количество участников денежных расчётов	624	676	777	852	879
Рыночная стоимость ценных бумаг, перемещённых в процессе инвентарных депозитарных операций	30,7	60,5	61	60,1	67,7
Оборот денежных средств при расчётах на биржевых рынках,	72,7	111,8	129,6	129,3	119,8

Проанализировав структуру сделок на фондовой бирже ММВБ с 2005 по 2010 гг., можно сделать вывод об увеличении объемов с 800 млрд руб. до 1,5 трлн руб. (рыночных сделок). Объемы адресных сделок с 2008 г. возросли в несколько раз, до 7 трлн руб, что связано с прошедшим финансово-экономическим кризисом 2008-2009 гг. Поскольку в адресной сделке известен контрагент, риск продажи (покупки) ценных бумаг значительно снижается. Поэтому в последние годы возрос объем адресных сделок.

Список ликвидных ценных бумаг ММВБ-РТС крайне ограничен, на второй квартал 2012 г. в него входили всего 32 бумаги, из них всего 5 облигации. Это представляет собой негативную тенденцию, поскольку сокращает возможности использования кредитного плеча и существенно сужает возможности инвестирования УК ПИФ и НПФ. Также это свидетельствует о монополии на рынке ценных бумаг компаний, представляющих «первый эшелон».

В условиях падающего фондового рынка особенно остро встаёт вопрос доходности. В целом, если рассматривать динамику индекса ММВБ, рынок акций упал за 2011 г. на 25 %, а из 318 открытых паевых фондов (ПИФ) 82 показали положительный результат, 197 потерпели убытки меньше рыночных, то есть, по сути, превзошли рынок и только 39 потеряли больше, чем рынок. Инфляция за 2011 г. составила 6,1 %. Доход, превышающий инфляцию, показали лишь 20 ПИФ [7, 9].

Таким образом, на данном этапе развития рынка в сфере риск-менеджмента можно выделить следующие проблемы:

1) Россия не имеет достаточно опыта в разработке систем оценки и минимизации риска. Эта проблема остро встала перед финансовым рынком лишь после кризиса, поэтому все имеющиеся в распоряжении менеджеров инструменты заимствованы с западных рынков. Кроме того, отечественный рынок крайне не развит в сравнении с западными [1, 2, 4].

Кроме того, западные технологии не срабатывают потому, что критерием оценки результативности российского бизнеса часто являются не прибыли, а положительные денежные потоки, незаконное присвоение которых является крайне рентабельным, а значит и крайне распространённым.

Также большую негативную роль играет отсутствие корпоративных систем фильтрации искаженной бухгалтерской информации и исключения фиктивных сделок, связанных с налоговой оптимизацией и коррупцией;

2) на весь фондовый рынок Российской Федерации приходится всего 6 СРО, этого крайне мало, потому что в нашей стране развитие передовых технологий подстёгивают не государственные программы, а возможность членства. Профессиональным участникам это даёт более высокую оценку надёжности по любым из возможных рейтингов (корпоративных, специализированных агентств и пр.), а значит, повышает доверие к ним как инвесторов, так и контрагентов, однако членство на данный момент не является обязательным;

3) с ростом российского фондового рынка и возложением на него социальной ответственности в результате пенсионной реформы возникает потребность в реформировании законодательства в области риск-менеджмента пенсионных фондов, а именно:

– увеличение суммы уставного капитала управляющих компаний;

– разработка системы лимитов принимаемых в управление средств пенсионных накоплений в зависимости от размера активов управляющей компании;

– обязательный характер разработки и внедрения систем оценки рисков вложений;

– повышение роли профессиональных саморегулируемых организаций (СРО), а также рейтинговых агентств.

4. Другим важным фактором отсутствия качественного риск-менеджмента является кадровый дефицит и общий низкий уровень культуры риск-менеджмента. По данным «Эксперт РА» на 2010 г. [8], риск-менеджмент как комплексная система присутствует у 50...60 % банков и уп-

равляющих компаний, не более чем в 20 % страховых компаний и 10 % негосударственных пенсионных фондов. И даже эти результаты в большинстве случаев достигнуты давлением «сверху», а также требованиями к имиджу компаний со стороны СРО и иностранных инвесторов. Что касается кадрового вопроса, то риск-менеджмент как отдельная специализация появился совсем недавно и всего в нескольких финансово-экономических вузах страны (Финансовая академия при Правительстве РФ, ГУ-ВШЭ, АНХ при Правительстве РФ). Поэтому профессионалов с соответствующим образованием крайне мало.

5. По нашему мнению, наиболее глобальная проблема состоит в недооценке риска. Компаниям крайне сложно определиться с критериями системы риск-менеджмента, которые соответствовали бы корпоративным целям, учитывали уровень технической оснащенности, включали иррациональную составляющую [3]. Так, например, применение популярной концепции value at risk, во-первых, ведёт к удорожанию оценки, во-вторых, в условиях высокой волатильности объективна только на малом промежутке времени (один операционный день) и, в-третьих, противоречит важной трактовке понятия «риск» как возможности не только отрицательных исходов, но и положительных, то есть прибылей [1, 2, 4].

Следует сказать о нарастающей глобализации, существенно увеличивающей систематические риски и сокращающей возможности диверсификации, как, например, при введении одной европейской валюты при организации Евросоюза. Подтверждением негативной стороны глобализации может служить кризис на валютных и фондовых рынках стран Юго-Восточной Азии, получивший название «азиатский грипп». Его волны прокатились по всем странам мира во второй половине 1997 г., а особенно сильно ударили по развивающимся рынкам. Глобализация связана с тенденцией к дерегулированию, основным направлением которой является бесконтрольное установление процентных ставок и комиссионных вознаграждений для брокеров, а также постепенный допуск банков к операциям на рынке ценных бумаг.

По результатам проведённого анализа можно говорить о том, что риск-менеджмент в РФ только приступил к формированию. Появился интерес со стороны частных компаний, нарастает давление со стороны законодательных органов и контрагентов. Научные школы приступили к введению самостоятельных дисциплин по управлению рисками, разработке методологических основ, соответствующих конъюнктуре рынка Российской Федерации. Первенство удерживают банки как самые социально ответственные институты, к ним постепенно будут приближаться управляющие компании преимущественно пенсионных фондов.

Так как внутренние и внешние риски только нарастают, будет усиливаться роль риск-менеджмента в руководстве организацией, вводиться финансовая ответственность за произведённые оценки. В конечном итоге риск-менеджмент станет обязательным звеном в управлении любой компанией.

Литература

1. Бартон Л., Шенкир Г., Уокер Л. Комплексный подход к риск-менеджменту: стоит ли этим заниматься. М.: Вильямс, 2003. 208 с.

2. Круи М. Основы риск-менеджмента: пер. с англ. / М. Круи, Д. Галай, Р. Марк; науч. ред. В. Б. Минасян. М.: Юрайт, 2011. 390 с.

3. Рогов М. А. Риск-менеджмент: научн. изд. М.: Финансы и статистика, 2001. 119 с.

4. Холмс Э. Риск-менеджмент: пер. с англ. М.: Эксмо, 2007. 304 с.

5. Официальный сайт биржи ММВБ РТС. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rts.micex.ru/.

6. Портал информации о финансовом рынке. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://investfunds.ru/.

7. Официальный сайт федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/.

8. Официальный сайт рейтингового агентства «Эксперт РА». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://raexpert.ru/.

9. Официальный сайт Федеральной службы по финансовым рынкам. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.fcsm.ru/.

10. Официальный сайт РБК – рейтинг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rating.rbc.ru/.

Коротко об авторах — *Briefly about the authors*

Кох Ю.В., доцент каф. «Финансы и банковское дело», Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет
y_kokh@mail.ru

Научные интересы: банковское дело, риск-менеджмент, финансовые рынки

Кривоногих А.А., аспирант, каф. «Финансы и банковское дело», Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет
nostra04@list.ru

Научные интересы: риск-менеджмент, финансовые рынки, инвестиции

Y. Kokh, associate professor, Finance and Credit department, Saint-Petersburg University of Engineering and Economics

Scientific interests: banking business, risk management, financial markets

A. Krivonogikh, postgraduate student, Saint-Petersburg University of Engineering and Economics

Scientific interests: risk management, financial markets, investments

Юридические науки

УДК 349.9

Некрасов Сергей Юрьевич
Sergey Nekrasov

ЮРИДИЧЕСКИЙ СОСТАВ И ВЫХОД ЗА ПРЕДЕЛЫ ЗАЯВЛЕННЫХ ТРЕБОВАНИЙ ПРИ РАССМОТРЕНИИ СПОРОВ, СВЯЗАННЫХ С КОРПОРАТИВНЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ

LEGAL STRUCTURE AND OUTPUT BEYOND THE LIMITS OF THE DECLARED REQUIREMENTS WHEN CONSIDERING DISPUTES CONNECTED WITH CORPORATE RELATIONS

Рассмотрена проблема сложного юридического состава в корпоративных спорах, рассматриваемых в арбитражных судах.

Основное внимание автор уделяет рассмотрению процессуальных особенностей рассмотрения корпоративных споров в арбитражных судах при наличии сложного юридического состава (например, правосубъектность юридического лица и заключение договора).

Автор на основе анализа судебной практики обосновывает практически значимые предложения о возможности выхода за пределы заявленных требований в корпоративных спорах при наличии сложного юридического состава

Ключевые слова: *арбитражный суд, корпоративный спор, правосубъектность юридического лица, юридический состав, выход за пределы заявленных требований*

The problem of complex legal structure in corporate disputes of arbitration courts is described.

The main attention is paid to consideration of procedural peculiarities of corporate disputes in arbitration courts at the presence of complex legal structure (for example, the legal personality of a legal entity and the conclusion of the contract).

The author on the basis of the analysis of the judicial practice proves practically significant proposals of the possibility of going beyond the stated requirement in corporate disputes in the presence of complex legal structure. The possibility of estimation of the court of individual acts for challenging transactions is suggested

Key words: *the court of arbitration, corporate dispute, the legal personality of a legal entity, legal structure, beyond the limits of the declared requirements*

Проблеме такой категории юридических фактов, как сложный юридический состав в научной литературе, посвященной исследованиям отраслевого правового регулирования, уделено значительное внимание [1...4]. Предлагая подробный анализ юридических фактов, составляющих юридические составы, специфичные для той или иной отрасли российского законодательства, ученые обходят вниманием процессуальные «последствия» необходимости рассматривать совокупность разных по своей природе явлений как единое основание для возникновения, изменения и прекращения прав.

При этом следует учитывать, что юридический состав следует понимать шире: не просто как набор перечисленных в законе юридических фактов, необходимых для наступления конкретного вида последствий (как, например, издание административного акта и заключение договора купли-продажи в отношениях по приватизации

государственного или муниципального имущества), но как совокупность всех юридических фактов, вообще предопределяющих возможность наступления для субъектов гражданского оборота каких бы то ни было правовых последствий.

Поясним нашу мысль на примере дела, ставшего недавно предметом рассмотрения Федерального арбитражного суда Московского округа [5] и которое, на первый взгляд, не имеет прямого отношения к корпоративным спорам.

Предметом иска явилось требование о признании незаключенным договора купли-продажи земельных участков и об отмене внесения в единый государственный реестр прав на недвижимость и сделок с ним записи о переходе права собственности к покупателю с одновременным внесением записи о собственности продавца.

Основанием такого заурядного, казалось бы, требования истец избрал следующее обстоятельство – по его мнению, договор, по которому ответчику было передано спорное имущество, был заключен не в дату, указанную в тексте договора, а несколькими месяцами позднее и, кроме того, был подписан неуполномоченным лицом.

По мнению суда, указанные обстоятельства не могут являться основаниями для требований, заявленных истцом, так как основанием для признания договора незаключенным может являться лишь несогласование его сторонами существенных условий такого договора, что в рассматриваемом деле не имело место. При этом суд дополнительно подчеркнул, что хотя он и усматривает наличие иных оснований для удовлетворения требований истца, а именно то, что договор является недействительным ввиду заключения его неуполномоченным лицом, суд не вправе в данном случае выходить за пределы заявленных требований и рассматривать обстоятельства произошедшего корпоративного конфликта.

Подобная позиция суда интересна именно с точки зрения понимания судом пределов заявленных требований. С одной стороны, кажется вполне обоснованным мнение суда, отклонившего требования истца, ввиду того, что истцом избран ненадлежащий способ защиты права: истец заявлял о признании договора незаключенным, в то время как следовало заявлять требование о его недействительности. Однако мы предлагаем обратить более пристальное внимание не столько на это. Ведь суд отчетливо определил границу рассмотрения дела – вопрос о том, был ли договор заключен уполномоченным лицом, суд посчитал неподлежащим рассмотрению.

Обратимся теперь к тезису, предложенному нами в начале статьи. Зададимся вопросом: должен ли суд при рассмотрении вопроса о действительности договора оценивать всю совокупность обстоятельств, лежащих в основе его действительности, или должен ограничиться лишь основаниями, заявленными истцом?

Суд не вправе выходить за пределы заявленных требований и оценивать обстоятельства, оценки которых истец не просил. Особенно это кажется очевидным для арбитражного процесса, в котором суд традиционно отказывается от патерналистской позиции в отношении участников процесса, оставляя возможность им самим определить надлежащие инструменты для защиты своих прав.

Однако одним из юридических фактов, лежащих в основе любых юридически значимых деяний, совершаемых юридическим лицом, является наличие у его органов необходимых полномочий. Базовый принцип, лежащий в основе корпоративных отношений по российскому праву, приведен в ст. 53 Гражданского кодекса Российской Федерации: юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительными документами.

Очевидно, что суд не уполномочен и не в состоянии проверять надлежащий характер формирования органов юридического лица, их полномочия при рассмотрении каждого дела, в котором оспариваются те или иные действия юридического лица. Суд правомерно исходит из презумпции того,

что юридическое лицо полностью правосубъектно, пока это напрямую не является предметом спора.

Однако так ли правомерна эта позиция, если истец так или иначе заявляет о наличии дефектов в правосубъектности юридического лица? Не должен ли суд в этом случае все-таки проделать более «глубокий» анализ юридического состава, являющегося основанием для наступления юридических последствий для субъектов гражданских правоотношений?

Суды нередко ставят ответ на вопрос о действительности сделки в зависимость от безупречности правосубъектности юридического лица, заключившего такую сделку, даже в отсутствие прямых требований об оспаривании тех или иных фактов корпоративных отношений. Так, судами выработана позиция, в соответствии с которой в зависимость от того, является ли решение о назначении единоличного исполнительного органа ничтожным или только оспоримым [6, 7] (здесь мы употребляем в отношении решений органов юридических лиц терминологию, относящуюся к сделкам. Хотя такое словоупотребление в настоящее время не находит отражения в законодательстве, оно стало общим местом в научных исследованиях по соответствующей тематике. Эта тенденция воплощена в проекте изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации. В проекте предлагается дополнить Гражданский кодекс Российской Федерации ст. 181.3 следующего содержания: «решение собрания недействительно по основаниям, установленным законом, в силу признания его таковым судом (оспоримое решение) либо независимо от такого признания (ничтожное решение)»), ставится разрешение вопроса о том, являются ли сделки, заключенные таким единоличным органом действительными до того момента, когда решение органа будет оспорено в суде.

Типичным примером может служить дело, рассмотренное Федеральным арбитражным судом Уральского округа [8]. Предметом спора послужило требование о признании недействительным договора купли-продажи объектов недвижимости. Дело по описанному ранее сценарию обернулось корпоративным спором. Суд при выяснении обстоятельств, положенных истцом в основание заявленного требования, устанавливал, какой характер носило решение о назначении исполнительным органом лица, подписавшего со стороны истца договор купли-продажи. При этом истец заявлял о том, что сделки, совершенные лицом, действующим в качестве единоличного органа юридического лица, следует считать действительными, пока и если решение о назначении такого лица не будет оспорено в установленном порядке. Не соглашаясь с доводами истца, суд мотивировал отказ в удовлетворении кассационной жалобы тем, что единоличный исполнительный орган был назначен решением общего собрания акционеров при существенном нарушении правил созыва общего собрания [9, 10]. Такие нарушения свидетельствуют о том, что решение общего собрания не имело юридической силы, а значит, назначение единоличного органа не состоялось. В этом смысле суд лишь применяет последствия ничтожности решения общего собрания, что не является, по мнению суда, выходом за пределы заявленных истцом требований и представляет собой выяснение судом всех обстоятельств, имеющих значение для дела.

Мы видим, как в зависимости от характера требований и лежащих в их основании обстоятельств изменяется характер решения. Хотя законодательство четко не проводит разделение решений на оспоримое и ничтожные, в судебной практике его уже можно считать сложившейся догмой. Это означает, что характер проверки судами правосубъектности юридических лиц вынужден становиться все более глубоким. Выяснение того, является ли решение оспоримым или ничтожным в отсутствие окончательно сложившихся критериев такого разделения – довольно сложная задача, как правило, являющаяся предметом отдельного судебного рассмотрения. Должен ли этот вопрос выясняться «внутри» при разрешении споров, формально имеющих другой предмет?

Принимая во внимание, что юридическая значимость почти всех действий юридического лица в конечном итоге «упирается» в разрешение вопроса о правомерности акта, опосредующего формирование органа юридического лица, как определить границу, до которой суд вправе не задаваться этим вопросом?

Как достичь того, чтобы любой спор с участием юридического лица не оборачивался корпоративным спором? Какие факты юридического состава, определяющего правовые последствия действий юридических лиц, имеют юридическое значение для разрешения конкретных споров?

Ключом к ответу на эти вопросы является рассмотрение проблемы о характере юридических фактов, лежащих в основе действий юридического лица, его правосубъектности, а точнее, особой категории таких фактов – индивидуальных актов органов юридического лица.

Природе, а главное – порядку их оспаривания, выяснения их действительности следует посвятить специальное исследование. Здесь мы лишь выявляем проблему, ставим очередной вопрос, который пока оставляется без ответа и законодательством, и судебной практикой.

Литература

1. Рожкова М.А. Юридические факты в гражданском праве // Хозяйство и право. 2006. Приложение к № 7. С. 1-80.

2. Прасолов Д.Б. Юридические факты в трудовом праве // Кадровик. Трудовое право для кадровика. 2011. № 1. С. 19-26.

3. Бакирова Е.Ю. Действие юридических фактов и фактических составов в механизме правового регулирования жилищных отношений // Гражданское право. 2012. № 1. С. 33-36.

4. Карелина С.А. Несостоятельность (банкротство) как юридический состав // Российская юстиция, 2008. № 4.

5. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 30 мая 2012 г. № А41-29074/10 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Головкин А. Правовые последствия признания решений общего собрания акционеров (участников) недействительными // Слияния и поглощения. 2012. № 3.

7. Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/law/hotdocs/17947.html.

8. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 30 ноября 2010 г. № Ф09-9779/10-С4 // СПС «КонсультантПлюс».

9. Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 1.

10. Постановление Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 18 ноября 2003 г. «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах» // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. 2004. № 1.

Коротко об авторе ***Briefly about the author***

Некрасов С.Ю., канд. юрид. наук, доцент, преподаватель, каф. «Гражданское процессуальное право, Российская академия правосудия (Восточно-Сибирский филиал)
nekrasov1963@yandex.ru

S. Nekrasov, candidate of law sciences, assistant professor, Procedural law department, Russian Academy of justice (Irkutsk branch)

Научные интересы: гражданский процесс, гражданское право

Scientific interests: civil procedure, civil law

Содержание

Исторические науки

Эйльбарт Н.В.
Лжедмитрий II: происхождение и гибель. Свидетельства польских документов Государственного архива Швеции
N. Eylbart
The False Dmitri II: тhe Origin and тhe Death. Evidence of Polish Documents of Riksarkivet 3

Науки о Земле

Рязанцев С.С.
Оптимизация параметров горнотехнических сооружений при разработке рудных месторождений
S. Ryazantsev
Parameter Optimization of Mining Facilities in Developing Ore Deposits 11

Синица С.М.
Палеонтологические свидетельства кризисов в геологической истории Забайкалья
Sofia Sinitsa
Paleontologic Illustrations of Crises in Geological History of Zabaikalie 19

Щелканов Н.С., Овешников Ю.М., Субботин Ю.В.
Рекультивация отвалов вскрышных пород на угольных разрезах Забайкальского края
N. Shchelkanov, Y. Oveshnikov, Y. Subbotin
Reclamation of Tailings Dumps at Coal Mines of Zabaykalsky Region 28

Психологические науки

Калекина А.В., Степанова Г.Ф.
Роль психологических составляющих в оценке уровня профессиональной культуры инженеров-конструкторов
A. Kalekina, G. Stepanova
A Role of Psychological Components in an Assessment of Professional Culture Level of Design Engineers 34

Потанина Л.Т.
Образно-символическое мышление как средство развития ценностно-смысловой сферы личности
L. Potanina
Figuratively, Is a Symbolic Thinking as Means of Value-Semantic Sphere Development of Personality 38

Социологические науки

Авраменко С.Н.
Эффективность метода мозаики при проведении этноколористического интервью
S. Avramenko
Effective Method of Mosaic During Etnocoloristc Interview 44

Бадмаева Л.В., Башкуева Е.Ю.
Китайские студенты в Забайкальском крае: барьеры адаптации в принимающей среде
L. Badmaeva, E. Bashkueva
Chinese Students in Zabaykalsky Krai: Adaptation Barriers in the Accepting Environment 52

Бахаровская Е.В.
Управление формированием и развитием социальной активности молодежи в современном российском обществе
H. Bakharovskaya
The Management of Formation and Development of Social Youth Activity in the Morden Russian Society 60

Жуковская Е.Е.
Проблемы управления информационными процессами
E. Zhukovskaya
Problems in Controlling Information Processing 65

Романова И.В.
Трансформация политических, экономических, социальных и духовно-нравственных основ
российского общества как детерминанта изменений образа жизни одиноких женщин

I. Romanova
The Transformation of the Political, Economic, Social and Spiritually-Moral Bases of the Russian Society as Determinant of Lifestyle Changes Single Women 77

Топоркова Е.П.
Анализ понятия «мотивация» в контексте социального управления
E. Toporkova
Analysis of the Concept «Motivation» in the Context of Social Management 92

Щербакова Н.В.
Понятие «волонтерская деятельность» в контексте философского знания
N. Shcherbakova
Research of «Volunteering» in the Context of Philosophic Knowledge 98

Технические науки

Долгих Е.С.
Создание, анализ и оптимизация конечно-элементной модели механизма с ударяющимися и трущимися элементами
E. Dolgih
Creation, Analysis and Optimization of Finite Element Models of the Mechanism With Strikes and Friction Elements 104

Филологические науки

Атсанавонг С.Г.
«Драгоценная сокровищница изящных изречений» в переводе Р. Номтоева: некоторые особенности исследования
S. Atsanavong
«Precious Treasury of Graceful Sayings» in R. Nomtoyev's Transfer: Some Features of Research 111

Сундуева Д.Б.
Русская языковая личность в культурном пространстве Монголии
D. Sundueva
Russian Linguistic Personality in the Cultural Space of Mongolia 117

Философские науки

Романова Н.П., Жукова А.А.
Буддийские идеи в народной религии русских Забайкалья в XVII-XIX вв.
N. Romanova, A. Zhukova
Buddhist Ideas of «Popular Religion» of the Russian of Zabaikalie in XVII-XIX Centuries 122

Фомина М.Н., Букин А.Г.
Пространственные измерения культуры: методология исследований
M. Fomina, A. Bukin
Spatial Dimensions of Culture: Methodology For Reviewing 130

Экономические науки

Кох Ю.В., Кривоногих А.А.
Проблемы и перспективы развития риск-менеджмента на фондовом рынке Российской Федерации
Y. Kokh, A. Krivonogikh
Problems and Development Prospects of Risk-Management in Stock Market of the Russian Federation 136

Юридические науки

Некрасов С.Ю.
Юридический состав и выход за пределы заявленных требований при рассмотрении споров, связанных с корпоративными отношениями
S. Nekrasov
Legal Structure and Output Beyond the Limits of the Declared Requirements When Considering Disputes Connected With Corporate Relations 142

ВЕСТНИК
ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 11 (90) 2012

Научный редактор д-р социол. наук Н.П. Романова
Литерат. редактор А.А. Рыжкова
Технический редактор И.В. Петрова
Подписано в печать 25.11.2012
Сдано в производство 27.11.2012
Форм. бум. 60 x 84 1/8 Бум. тип. № 2
Печать офсетная Гарнитура Bodoni
Уч.-изд. л. 12,6 Усл. печ. л. 12,4
Тираж 500 экз. Заказ № 188

ФГБОУ ВПО «ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ООП ЗабГУ
672039, Чита, ул. Александро-Заводская, 30
Раб. тел.: 41-67-18; E-mail: rik-romanova-chita@mail.ru